

**КНИГА ПЕЧАТАЕТСЯ ПО
ГОСУДАРСТВЕННОМУ ЗАКАЗУ**

**ԳԻՐՔԸ ՏՊԱԳՐՎՈՒՄ Է
ՊԵՏԱԿԱՆ ՊԱՏՎԵՐՈՎ**

**ՀՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԶԳԱՅԻՆ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ**

Ա. Ռ. ՀՈՎՀԱՆՆԻՍՅԱՆ

ԱՆՏԻՊ ԱՇԽԱՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

Աշխատասիրությունը՝ պ. գ. դ. Վ. Ա. ՊՈՂՈՍՅԱՆԻ

**ԵՐԵՎԱՆ
ՀՀ ԳԱԱ «Գիտություն» հրատարակչություն
2009**

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК РА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ**

А. Р. ИОАННИСЯН

НЕИЗДАННЫЕ ТРУДЫ

Составитель, автор введения и комментария

д. и. н. В.А. ПОГОСЯН

ЕРЕВАН
Издательство «Гитутюн» НАН РА

2009

УДК 93/99
ББК 63
И 755

*Печатается по решению Ученого совета
Института истории НАН РА*

Иоаннисян А. Р.

И 755 Неизданные труды. Составитель В.А. Погосян - Ер.,
Издательство «Гитутюн», 2009, –187 с.+1 с. илл.

Настоящий сборник включает неопубликованные выступления и статьи академика Национальной Академии наук Республики Армения Абгара Рубеновича Иоаннисяна (1908-1991), одного из выдающихся отечественных историков, крупнейшего специалиста по истории французской общественной мысли XVIII-XIX веков и армянского освободительного движения XVIII столетия. В приложении опубликованы отзывы ряда крупнейших советских франковедов на некоторые из его исследований, а также письма, адресованные ему. Все материалы извлечены из личного архива А.Р. Иоаннисяна.

Сборник рассчитан на историков.

ББК 63

ISBN 978-5-8080-0764-2

© Издательство «Гитутюн» НАН РА, 2009

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Предлагаемый вниманию читателя сборник статей включает неопубликованные выступления и статьи, вышедшие из-под плодovитого пера одного из выдающихся советских историков, крупнейшего специалиста по истории французской общественной мысли XVIII-XIX веков, академика Национальной Академии наук Республики Армения Абгара Рубеновича Иоаннисяна (1908-1991), и материалы о нем.

А.Р. Иоаннисян родился в Тифлисе (ныне Тбилиси), в семье юриста. Его дед по отцовской линии – Абгар Арутюнович Иоаннисян (1849-1904), был известным общественным деятелем, видным публицистом, возглавлявшим армянское национально-консервативное общественно-политическое течение в последней четверти XIX столетия¹.

Становление А.Р. Иоаннисяна как историка совпало со сложной эпохой формирования советской марксистской исторической школы. Еще на заре своего возвышения марксистская наука четко определила приоритетные для нее сферы исследований, а именно – изучение политической истории и идеологии левых течений в тесной связи с историей социально-экономических отношений.

Человек своей эпохи, А.Р. Иоаннисян не составлял исключения из общего правила. Его творчеству были присущи

¹ См. о нем подробно: Мхитарян М.А. Из истории восточноармянской периодической печати второй половины XIX века («Пордз», «Ардзаганк»). Ереван. 1976. На арм. яз.

многие из характерных для марксистской исторической науки черт. После окончания Ереванского государственного университета он приступил под руководством академика В.П. Волгина (1879-1962) к углубленному изучению истории французского утопического социализма и коммунизма, интерес к которой, по его признанию, у него возник еще в студенческие годы, когда в Национальной библиотеке Армении он ознакомился с работами французских утопистов.

Первые работы А.Р. Иоаннисяна 1920-х-1930-х гг., посвященные Ретифу де ла Бретону и Шарлю Фурье², были написаны на опубликованных источниках и легли в основу его кандидатской и докторской диссертаций, которые он защитил соответственно в 1935 г. в АН СССР и 1938 г. в МГУ. Такое отношение к источниковедческой базе было, в целом, весьма характерно для молодой поросли советских историков. Воодушевленные новой марксистской методологией, имевшей, как это им представлялось, неоспоримое превосходство над всеми остальными, в 1920-1940-х годах советские исследователи истории стран Западной Европы в большинстве своем не придавали должного значения изучению архивных документов.

Тем не менее, уже первые работы А.Р. Иоаннисяна прочно обеспечили ему репутацию зрелого исследователя. В.П. Волгин в письме от 10 февраля 1931 г. к руководству Ереванского государственного университета так характеризовал своего ученика: «Тов. Абгар Иоаннисян ведет под моим руководством работу по изучению французского социализма XVIII в. Считаю эту работу имеющей большое значение для выявления предшественников научного социализма, — а следовательно и для построения общей концепции развития социалистических

² См. например: Иоаннисян А.Р. Ретиф-де-ла Бретон // Ретиф-де-ла Бретон. Южное открытие, произведенное летающим человеком, или французский Дедал. М.-Л. 1936. С. V-LVIII; *его же*: Генезис общественного идеала Фурье. М.-Л. 1939.

идей. Тов. Иоаннисян обладает для выполнения этой задачи достаточными знаниями и незаурядными способностями научного исследователя»³.

И все же в дальнейшем одной из главных особенностей творчества А.Р. Иоаннисяна стало скрупулезное изучение событий и идей на основе широчайшего круга неопубликованных архивных документов. В 1940-х годах он приступил к исследованию доселе никем не разрабатывавшейся истории армянского освободительного движения XVIII столетия, широко используя материалы советских архивов. Он посвятил этой теме две книги⁴, впервые раскрыв совершенно неизвестные страницы прошлого, в частности, сюжет о важной положительной роли России в исторических судьбах армянского народа.

Завершением цикла исследований по истории армянского народа стала его монография о перипетиях политики европейских держав на Востоке в эпоху наполеоновских войн⁵. Привнесенная им в наполеоноведение научная новизна была обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, он по-новому интерпретировал политику европейских держав, доказав, в отличие от французских историков, в том числе одного из крупнейших наполеоноведов А. Вандаля⁶, антирусскую направленность политики Наполеона на Востоке, в частности,

³ Национальный архив Республики Армения (далее: НА РА). Ф. 1169 (А.Р. Иоаннисяна). Оп. 1. Д. 251. Л. 1.

⁴ Иоаннисян А.Р. Иосиф Эмин. Ереван. 1945. 2-е изд. : Ереван, 1989 ; *его же*: Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван. 1947. 2-е изд.: Ереван, 1990.

⁵ Иоаннисян А.Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван. 1958.

⁶ Vandal A. Napoléon et Alexandre Ier. Paris. 1891. Т. I. P. 225. См. также: Quarré de Verneuil. Napoléon Ier et la Perse. Paris. 1904. P. 20 ; Castonnet des Fosses H. Les relations de la France avec la Perse. Angers. 1889. P. 46.

после заключения Тильзитского договора⁷. Во-вторых, А.Р. Иоаннисян ввел в научный оборот неизвестные зарубежным историкам архивные и опубликованные источники на русском и армянском языках, что позволило ему нарисовать гораздо более многогранную картину событий, чем у его немногочисленных предшественников, в том числе в известной книге Э. Дрио⁸.

Однако яркий исследовательский талант и высочайшие научные дарования А.Р. Иоаннисяна особенно проявились в 1960-х-1980-х годах. Если почти все его советские коллеги вынужденно ограничивались изучением материалов отечественных архивов, то он с начала 1960-х гг. получил редкую для советских историков возможность регулярно проводить научные изыскания в архивных хранилищах и библиотеках Франции. За этот период он написал пять монографий, посвященных неизученным или слабо изученным аспектам истории французской коммунистической и социалистической мысли XVIII-XIX вв.

Первостепенной заслугой А.Р. Иоаннисяна является исследование творчества некогда достаточно известных, а впоследствии преданных забвению социальных мыслителей. Наилучшим примером такой работы является его фундаментальный труд о развитии коммунистических идей в

⁷ К сожалению, некоторые зарубежные исследователи, для которых из-за незнания ими русского языка книга А.Р. Иоаннисяна осталась недоступной, в 1990-х годах трактовали политику Наполеона на Востоке в духе своих французских предшественников, обойдя вниманием гораздо более фундированную интерпретацию советского историка. См. Например: Amini I. Napoléon et la Perse. Paris. 1995. P. 135.

⁸ Driault E. La politique orientale de Napoléon. Sébastiani et Gardane (1806-1808). Paris. 1904.

годы Французской революции XVIII в.⁹, где представлена целая галерея малоизвестных ныне представителей коммунистической мысли: Г. Борье, Ж. К. Шапюи, Ж.-А.-В. Юпей, Ж. Греню, Р.Ф. Дебон, М. Кюбер и др. Проведя глубокий анализ их учений, А.Р. Иоаннисян первым из историков французской общественной мысли выявил не только важнейшие особенности развития коммунистических идей во Франции в 1789-1794 гг., но и уточнил географию их распространения¹⁰. Один из крупнейших знатоков истории французской общественной мысли В.М. Далин по праву охарактеризовал эту книгу как сплошную цепь находок и открытий¹¹.

В последующих работах А.Р. Иоаннисян первым проанализировал эволюцию коммунистической мысли во Франции периода Первой империи, а затем на примере таких мыслителей, как Ж. Гей, Ж. Рей, М.-А. Жюльен, проследил пути и перепутья ее развития в годы Второй Реставрации¹². В последних же своих книгах он досконально изучил влияние коммунистических идей на развитие революционного движения во Франции в 1840-х гг.¹³.

⁹ Иоаннисян А.Р. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М. 1966. Пер. на франц. яз.: Ioannissian A. Les idées communistes pendant la Révolution française. М. 1984.

¹⁰ См. подробно: Дунаевский В.А., Кучеренко Г.С. Западно-европейский утопический социализм в работах советских историков. М. 1981. С. 122-127.

¹¹ Далин В.М. Историки Франции XIX-XX веков. М. 1981. С. 159.

¹² Иоаннисян А.Р. К истории французского утопического коммунизма первой половины XIX века. М. 1981.

¹³ Иоаннисян А.Р. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840-1841 гг. М. 1983; *его же*: Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1842-

Как и подавляющее большинство историков его поколения, независимо от гражданства и национальной принадлежности, А.Р. Иоаннисян был строго кабинетным и профессиональным исследователем. В XX столетии профессиональные историки разрабатывали либо одну-единственную, но широкую тему (классическим тому примером служат такие французские историки с мировым именем как А. Собыль, Ж.-Р. Сюратто, М. Вовель), или же испытывали свои силы как максимум в области двух больших тем (М.В. Нечкина, А.З. Манфред, В.М. Далин). При существовавшем в ту эпоху уровне исторической науки иначе и быть не могло.

В 1920-х годах большинство отечественных исследователей, принадлежавших к формировавшейся советской исторической школе, избрали второй, на наш взгляд, гораздо более предпочтительный, путь. В известной мере такой выбор был обусловлен спецификой того четырехгодичного образования, которое они получили в Институте Красной профессуры, где на каждом году обучения слушатели принимали участие в работе двух семинаров по разным темам¹⁴. Подобный опыт способствовал определению научных интересов будущих исследователей и оказывал определяющее значение на выбор тех тем, изучению которых они посвятили всю свою жизнь. А.Р. Иоаннисян так же, как и его сверстники, в духе времени, избрал себе две области научных интересов, никогда не проявляя ни малейшего желания выйти за их рубежи.

Следует подчеркнуть, что в некоторых принципиальных вопросах А.Р. Иоаннисян занимал позицию, отличную от позиции большинства других представителей его поколения.

1847 гг. М. 1986; *его же*: Революция 1848 года во Франции и коммунизм. М. 1989.

¹⁴ См. об этом: Далин В.М. С.С. Бантке – историк // Памяти С.С. Бантке. (Из истории революционного движения в Бессарабии). Кишинев. 1970. С. 58-59.

Речь, в частности, идет об отношении к выдвинутым зарубежными исследователями – не марксистскими новым концептуальным подходам, противоречившим марксистской интерпретации истории. А.Р. Иоаннисян в этом вопросе проявлял обычно гораздо больше сдержанности и объективности, нежели большинство его коллег, к примеру, в связи с «атлантической» теорией Ж. Годшо, полностью шедшей вразрез с марксистской интерпретацией революций XVIII в., о чем я могу судить по личным разговорам с ним.

В отличие от большинства советских и французских коллег – А.З. Манфреда, В.М. Далина, А.В. Адо, Ж. Годшо и др., – А.Р. Иоаннисян на протяжении всей своей долгой научной деятельности никогда не высказывал интереса к самой сложной из дисциплин исторической науки – историографии, явно не имея вкуса к критическому анализу научного наследия своих предшественников.

В научной деятельности А.З. Манфреда, В.М. Далина, В.Г. Трухановского, М.Г. Нерсисяна и многих других коллег А.Р. Иоаннисяна немалое место занимала редакторская работа. О нем самом того же сказать нельзя. Он, конечно, внес свою лепту в редактирование таких авторитетных коллективных изданий, как «Всемирная история», Армянская советская энциклопедия, возглавлял работу редакционной коллегии серии «Литературные памятники», издававшейся на армянском языке. Тем не менее, вряд ли можно считать редакторскую работу его стихией.

А.Р. Иоаннисян, однако, активно занимался педагогической и административной работой. В 1931-1960 гг. он читал курс по Новой истории Западной Европы в Ереванском государственном университете, в 1938-1960 гг. занимал должность заведующего кафедрой по Новой истории, а в 1938-1947 гг. – проректора по науке. Почти сорок лет он занимал высокие посты в отделении гуманитарных наук АН Армянской ССР: директора Института истории (1947-1953), академика-

секретаря (1949-1960), вице-президента (1960-1963, 1967-1986) и т.д.

Весомый вклад А.Р. Иоаннисяна в науку был по достоинству оценен как отечественными, так и зарубежными видными исследователями истории общественной мысли и Французской революции, неоднократно дававшими его исследованиям самые высокие оценки в научной печати. За книгу «Коммунистические идеи в годы Великой французской революции» он был удостоен в 1974 г. премии АН СССР имени своего учителя академика В.П. Волгина.

Заслуги А.Р. Иоаннисяна были высоко оценены и советским правительством. Он, как уже отмечалось, занимал высокие академические должности, был награжден многими орденами и медалями. И все же его вклад в мировую историографию не был, на мой взгляд, по достоинству оценен советской Академией наук. В 1964-1984 гг. А.Р. Иоаннисян неоднократно баллотировался на выборах в члены-корреспонденты и в академики АН СССР, однако ее двери так и не открылись перед ним, как и перед многими его друзьями и коллегами – А.З. Манфредом, Б.Ф. Поршневым, С.А. Утченко, М.А. Баргом и др.

Со дня кончины А.Р. Иоаннисяна, наступившей 3 декабря 1991 г., прошли годы. Сегодня уже нет в живых его сверстников – ни друзей, ни недоброжелателей. Стало достоянием истории и присущее некоторым из его коллег пристрастное к нему отношение. Время не только самый жестокий, но и единственно беспристрастный арбитр для историка. Монографиям А.Р. Иоаннисяна, как и книгам его близких друзей А.З. Манфреда и В.М. Далина, оказалась суждена долгая жизнь. На его работы ссылаются как историки-франковеды, так и специалисты по истории армянского народа, в том числе представители новых поколений исследователей, недавно пришедших в науку и уже не имевших личного общения с ним.

В статье, посвященной А.З. Манфреду, В.П. Смирнов недавно по праву отметил, что он принадлежал к той группе выдающихся историков, которые «на протяжении нескольких десятилетий определяли общественное лицо и научный уровень советского франковедения. Это были крупные, яркие, богато одаренные личности»¹⁵. Среди них он упоминает имена Е.В. Тарле, В.П. Волгина, В.М. Далина, Б.Ф. Поршнева и других. К ним с полным основанием следует причислить имя А.Р. Иоаннисяна, работы которого не только воздвигли нерукотворный памятник их автору, но и, наряду с исследованиями его коллег, способствовали обеспечению советскому франковедению почетного места в мировой исторической науке. Это неопровержимая истина нашло свое подтверждение и в отзыве, написанном В.М. Далиным в начале 1980-х годов на рукопись монографии А.Р. Иоаннисяна «Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840-1841 гг.»: «Было бы очень важно обеспечить ее перевод на французский язык. Французские историки узнали бы из нее много для себя нового. Появление этой книги показало бы приоритет советской исторической науки в изучении ряда важных проблем истории Франции и ее социальной мысли»¹⁶.

Его краткую оценку как маститого историка в разговоре с автором этих строк в 1975 г. в Эрмитаже дал академик Б.Б. Пиотровский: «Абгар Рубенович украшение нашей академии».

¹⁵ Смирнов В.П. А.З. Манфред и советское франковедение // Россия и Франция: исторический опыт XVIII-XIX веков. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию А.З. Манфреда, 27-29 сентября 2006 г. М. 2008. С. 23.

¹⁶ См. отзыв В.М. Далина в настоящем издании (с. 159).

Его имя, без всякого сомнения, именно таким и сохранится в коллективной памяти будущих поколений историков¹⁷.

* * *

Одной из характерных черт творческого почерка А.Р. Иоаннисяна являлась концентрация сил, главным образом, на написании монографий. Отлично сознавая, что долгая жизнь суждена именно книгам, а не статьям, он однажды, в нашей беседе честно признал: «Я статей писать не люблю».

В архиве А.Р. Иоаннисяна сохранились тексты его различных выступлений как по истории французской общественной мысли, так и по истории армянского народа (на русском и французском языках), которые он представлял на международных и всесоюзных коллоквиумах, не захотев, однако, публиковать их впоследствии в виде статей. Помимо этих материалов мы там обнаружили также его неопубликованные статьи и многие отзывы на рукописные книги, статьи и научные издания. Учитывая научную ценность тех его выступлений и сохранившихся материалов, которые представляют интерес для научной общественности, мы сочли целесообразным, опубликовать их в настоящем издании.

Сборник этот состоит из двух разделов в соответствии с тематикой помещенных в нем материалов. В первом опубликованы выступления и статьи А.Р. Иоаннисяна по истории французской коммунистической и социалистической мысли XVIII-XIX вв. Среди них – тексты трех его

¹⁷ См. о нем подробнее: Погосян В.А. Абгар Рубенович Иоаннисян: портрет историка: (К 100-летию со дня рождения) // Французский ежегодник – 2008. М. 2008. С. 246-258.

выступлений¹⁸. Помимо них, по нашему мнению, определенный интерес представляет его критический отзыв на рукопись статьи И.И. Зильберфарба «Социальная философия» Шарля Фурье», написанный А.Р. Иоаннисяном в 1955 г., по всей вероятности, по поручению руководства журнала «Вопросы истории». Несмотря на то, что некоторые изложенные в статье концептуальные идеи он выдвинул задолго до этого, в монографии «Генезис общественного идеала Фурье», тем не менее отзыв этот дает целостное представление о восприятии А.Р. Иоаннисяном творчества французского мыслителя.

В этом же разделе мы поместили сохранившийся в архиве А.Р. Иоаннисяна любопытный документ – его краткая оценка богатого творческого наследия одного из крупнейших историков XX столетия Альберта Захаровича Манфреда (1906-1976)¹⁹ – составленный им в начале 1980-х гг., по просьбе руководства Института всеобщей истории АН СССР, в связи с выдвижением, посмертно, кандидатуры А.З. Манфреда на соискание Государственной премии СССР.

Второй раздел сборника включает материалы по истории армянского народа. Здесь опубликованы два выступления А.Р. Иоаннисяна («Исторические предпосылки присоединения Восточной Армении к России» и «Отклики на Парижскую Коммуну в армянской печати») на научных конференциях. Отметим в этой связи, что его положительные оценки роли России в исторических судьбах армянского народа весьма актуальны. Не лишено интереса и краткое сообщение А.Р.

¹⁸ См. подробно наши комментарии к каждому материалу.

¹⁹ В архиве А.Р. Иоаннисяна сохранилось множество теплых писем А.З. Манфреда, написанных в 1960-1970-х гг. Письма эти, личного и служебного характера, являются неопровержимым доказательством бескорыстной дружбы и тесного научного сотрудничества двух выдающихся историков. См.: НА РА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 257.

Иоаннисяна, посвященное откликам на Парижскую Коммуну в армянской прессе, остающееся по сей день единственным исследованием на эту тему. Нам, к сожалению, не удалось установить, когда и при каких обстоятельствах была написана его объемистая статья «К истории проникновения идей парламентаризма на Восток», представляющая большой научный интерес.

С нашей точки зрения трудно переоценить значение его отзыва на сборник документов «Истребление армян турками», написанного в 1947 г., в бытность А.Р. Иоаннисяна директором Института истории АН Армянской ССР. В данном случае речь идет о первоначальном варианте сборника документов и материалов «Геноцид армян в Османской империи», опубликованного лишь в 1966 году²⁰. В его архиве сохранился и ответ на этот отзыв будущего академика (с 1964 г.) В.М. Хвостова (1905-1972), в 1946-1957 гг. начальника управления и члена Коллегии МИД СССР. Поскольку оба документа способствуют складыванию целостного представления о предыстории издания этого ценного сборника документов, мы сочли не лишним опубликовать и письмо В.М. Хвостова.

В этой связи имеет смысл хотя бы отметить самое разительное обстоятельство. Как теперь выясняется, в первоначальном варианте заглавия сборника отсутствовал термин «геноцид», ибо исследования, предпринятые будущим академиком АН Армянской ССР (с 1950 г.) М.Г. Нерсисяном в этом направлении в послевоенное время²¹, предшествовали

²⁰ Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов. Составители *М.Г. Нерсисян, Р.Г. Саакян*. Под редакцией проф. *М.Г. Нерсисяна*, Ереван, 1966. См. также второе, дополненное издание: Ереван, 1982.

²¹ После денонсации советским правительством 19 марта 1945 г. советско-турецкого договора 17 декабря 1925 г. о дружбе и нейтралитете, И.В. Сталин, очень недовольный позицией,

принятию Генеральной Ассамблеей ООН конвенции от 9 декабря 1948 г. о предупреждении геноцида и наказании виновных в совершении таких преступлений.

К слову сказать, первым, кто еще в декабре 1945 г., попытался обосновать целесообразность применения термина «геноцид», изобретенного Р. Лемкиным в 1944 г., для характеристики трагедии армянского народа в Османской империи, был основатель издававшейся в Париже армянской газеты «Арадж» Шаварш Мисакян (1884-1957)²². Тем не менее,

занятой Турцией в годы Второй мировой войны, поднял вопрос о необходимости внесения существенных изменений, а именно о восстановлении границы между Россией и Турцией, существовавшей до Первой мировой войны. В этих условиях, когда возникла необходимость обоснования территориальных претензий СССР на часть оккупированных кемалистами армянских территорий косвенно нашедшее отражение и в публикуемом отзыве А. Р. Иоаннисяна (вопрос этот был официально снят с повестки дня лишь после кончины Сталина), советские армянские историки наконец-то получили возможность предпринять первые усилия для изучения истории геноцида армян. Первопроходцем в этой области был М.Г. Нерсисян. О дипломатических переговорах, в ходе которых Сталин умело разыгрывал армянский вопрос, как разменную монету, см. подробно: Messerlian Z. The Question of Kars and Ardahan // Armenian Studies. Annals of the Lebanese Association of Armenian University Graduates. Beyrouth. 1973. P. 85-94; Ternon Y. La cause arménienne. Paris. 1983. P. 140-145 ; Геноцид армян: ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Документы и комментарий. Составитель, ответственный редактор, автор предисловия и комментария доктор юридических наук, профессор Ю.Г. Барсегов. М. 2005. Т. 2. Ч. 2. С. 514-518.

²² См. об этом: Ternon Y. Éclats de voix. Recueil de textes 1974-2005. Paris. 2006. P. 14.

термин этот, во второй половине 1940-х годов, еще не утвердился и не нашел распространения в научных кругах.

Следует, однако, иметь в виду, что часть интерпретаций А.Р. Иоаннисяна безусловно несет отпечаток своего времени. Не вдаваясь в подробности отметим, что это обстоятельство наглядно проявляется, в особенности, в трактовке концептуальных проблем эпохи Французской революции далекого XVIII столетия. Это вполне закономерно, ибо некоторые его оценки, в частности, характеристика Старого порядка на его исходе, как феодально-сословного строя, или французской монархии, как абсолютизма, в свете новейших достижений западной и российской исторической науки, устарели²³.

В приложении к настоящему сборнику помещены сохранившиеся в архиве А.Р. Иоаннисяна представляющие несомненный интерес отзывы выдающихся советских историков В.П. Волгина, А.З. Манфреда и В.М. Далина о разных его книгах и рукописях книг, а также документ, составленный в 1947 г. вице-президентом АН СССР В.П. Волгиным о выдвижении его кандидатуры на вакантное место академика АН Армянской ССР. Помимо того, сочли желательным опубликовать и личные письма некоторых его коллег, в том числе, академика Е.В. Тарле, в которых даны краткие, но интересные оценки двух его книг («Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия» и «Коммунистические идеи в годы Великой французской революции»).

Издавая настоящий сборник статей, мы отдаем дань глубокого уважения памяти А.Р. Иоаннисяна, всецело посвятившего свою жизнь бескорыстному служению музе Клио, так щедро обогатившего мировую и отечественную историческую науку выдающимися научными трудами. Издание приурочено к столетию со дня рождения историка.

²³ См. об этом например: Чудинов А.В. Французская революция. История и мифы. М. 2007 (главы 3 и 4).

Выражаем нашу глубокую признательность президенту Национальной Академии наук Республики Армения академику Р.М. Мартиросяну, за оказанное содействие в издании этой книги.

В.А. Погосян

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

УЧЕНИЕ Ж.-Ж. РУССО И РАДИКАЛЬНЫЙ ЭГАЛИТАРИЗМ ЭПОХИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ²⁴

Известно, какое влияние оказало учение Руссо на общественную мысль эпохи Великой французской революции. Но влияние это не было однородным и однозначным. Идеи Руссо находили отклик среди различных политических и социальных течений, среди буржуазных, мелкобуржуазных и плебейских идеологов. И представители каждого из этих течений черпали из учения Руссо то, что было им необходимо для обоснования своих политических и общественных взглядов.

Прежде всего на Руссо постоянно ссылались жирондистские деятели, для многих из которых, например Бриссо, он являлся кумиром еще до революции. Представителем этой группы в годы революции был и один из самых ярких и талантливых руссоистов, известный писатель Луи-Себастиан Мерсье, впоследствии депутат Конвента, опубликовавший в 1791 г. специальное двухтомное произведение «О Ж.-Ж. Руссо как одном из главных творцов революции» («De J.J. Rousseau, considéré comme l'un des premiers auteurs de la Révolution»). Для жирондистов и близких к ним деятелей характерно использование в первую очередь моральной и политической доктрины Руссо, в целях обоснования своих буржуазно-демократических идеалов.

²⁴ НА РА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 48. Л. 4-11. Машинопись, оригинал. Доклад, прочитанный А.Р. Иоаннисяном 7 июня 1978 г. в Москве, на восьмой конференции историков СССР и Франции. См.: Сиволап И.И. VIII конференция советских и французских историков // Новая и новейшая история. 1979. N 1. С. 216.

Огромное влияние учение Руссо оказало на якобинцев, так что можно даже сказать, что в период якобинской диктатуры, руссоизм стал как бы официальной идеологией. Под идейным знаменем доктрины Руссо выступали все вожди якобинцев, начиная с самого Робеспьера. Именно она лежит в основе теоретического трактата Сен-Жюста «Фрагменты о республиканских установлениях» («Fragments sur les institutions républicaines »). Якобинцы были наиболее верными последователями Руссо, разделявшими не только его политические но и его социальные воззрения. Они осуждали крайности социального неравенства, хотя и считали полное равенство имуществ – неосуществимой химерой. Все их политические акты, начиная с Конституции 1793 г. и кончая «вантозскими декретами» являются наглядным тому свидетельством.

Но было еще одно течение, использовавшее учение Руссо для обоснования своей общественно-политической программы. Течение это можно назвать радикальным эгалитаризмом. Представители этого течения, выступавшие за полное упразднение общественного неравенства и за полное уравнивание собственности, делали из доктрины Руссо последовательные выводы, которые сам он никогда не делал, но которые логически вытекали из некоторых его основных положений. Идеи радикального эгалитаризма не вмещались уже в рамки порожденного революцией буржуазного общества, выходили за его пределы, были направлены против новых богачей, скупщиков национальных имуществ, спекулянтов, ажиотеров и выражали стремление к новому социальному строю, основанному на подлинном социальном равенстве и социальной справедливости. Они выражали – объективно – социальные чаяния плебейства, городской и сельской бедноты, борьба которой получила такой размах в годы революции.

Я не могу здесь подробно говорить о всех представителях радикального эгалитаризма и их воззрениях. Приведу лишь три конкретных примера.

Выдающимся представителем радикального эгалитаризма был основатель и один из руководителей «Социального кружка» Николя Бонвиль. В своем основном теоретическом трактате – «О духе религий» (« De l'esprit des religions ») вышедшем впервые в 1791 г. и переизданном в 1792 г. с добавлением нового тома, Бонвиль подвергает самой резкой критике общественное неравенство и провозглашает основной задачей установление «социального равенства». Осуществление же социального равенства возможно лишь при условии уравнивания имуществ и, прежде всего, равного раздела земли. Обосновывая правомерность уравнительного земельного передела, Бонвиль исходил из знаменитого тезиса Руссо: «Плоды земные принадлежат всем, а земля – никому». Выступая против немедленного принудительного передела, он считал однако основной целью «подготовить всеобщий раздел земель» и осуществить, в конечном итоге, полную ликвидацию общественного неравенства. Исходя из основных теоретических положений Руссо, Бонвиль шел, таким образом, значительно дальше своего идейного учителя. Если практическая программа Руссо была лишь программой умеренных уравнительных мероприятий, известного смягчения общественных противоречий, известного ограничения неравенства, то Бонвиль был последовательным эгалитаристом и мечтал о полном «социальном равенстве» и о «социальном счастье». То, что Руссо рассматривал как единственно практически осуществимую цель общественной реформы – например, законы о наследовании – было для Бонвиля лишь средством, путем к «всеобщему разделу земель», к полной ликвидации общественного неравенства «первородного греха», столь пагубного для общества. Именно это и не могли простить Бонвилю ортодоксальные руссоисты. Мерсье в своей уже

упомянутой работе «О Ж.-Ж. Руссо как одном из главных творцов революции» резко выступал против «искажения» взглядов Руссо на общественное равенство, с негодованием отрицал, что тот стремился к «всеобщему ниспровержению собственности» и заявлял: «Иногда извращают принципы Руссо, желая их улучшить; будем остерегаться такого мнимого улучшения».

Среди малоизвестных, но ревностных руссоистов дореволюционного периода был и Гаспар Борье (Beaugieu), автор утопического романа «Ученик природы» («L'Elève de la nature»). Борье – один из первых руссоистов, сделавший задолго до других крайние выводы из учения Руссо. Он восторженно приветствовал революцию и стал активно, хотя и безуспешно, пропагандировать свои общественные взгляды. В большой нужде, одинокий, он умер в октябре 1795 г. в госпитале для нищих, а оставшиеся после его смерти бумаги были изъяты и попали затем в Национальный архив, где и находятся в настоящее время в серии F. Материалы архива Борье относятся главным образом к эпохе Конвента. Во всех своих работах, набросках, обращениях Борье выступает как самый горячий сторонник революции и республики. Но в то же время он высказывает твердое убеждение, что революцию нельзя считать завершённой, пока не ликвидировано общественное неравенство, существуют бедность и богатство. Перед революцией только два пути: либо идти дальше вперед, либо погибнуть. Никто не должно пользоваться тем, что превышает необходимые потребности. Нельзя допустить нарушения равенства между республиканцами. Все граждане должны пользоваться одинаковыми правами, жить в одинаковом достатке, иметь такое же помещение, такое же питание и такую же одежду как и все остальные. Таким образом Борье отождествляет республику с социальным равенством, требуя завершения революции путем полной ликвидации общественного неравенства.

О том, что взгляды радикального эгалитаризма получили известное распространение даже среди рядовых граждан, свидетельствует, например, сохранившийся в делах Комитета по народному образованию Конвента проект на 24 страницах, представленный в декабре 1794 г. неким гражданином Жираром из Кемпера. Проект Жирара – эгалитарная утопия, провозглашающая своей целью добиться подлинного равенства и братства путем обеспечения всем среднего достатка – основы истинной республики. Исходя из руссоистских принципов, Жирар считает, что все в равной мере имеют право пользоваться дарами природы. Предлагаемый им новый общественный строй полностью упраздняет ажиотаж, скупку, спекуляцию, ликвидирует класс «плохих граждан» «тунеядцев эгоистов», не пользующихся ни заступом, ни пером т.е. не занимающихся ни физическим, ни умственным трудом. Все сельские жители должны обрабатывать землю. Размер земельных участков отдельных семейств строго ограничен и зависит только от их численности. Все городские жители также должны заниматься той или иной профессией. Денежное хозяйство сохраняется, но цены на товары строго фиксированы, причем предотвращается любое обогащение и всем гражданам обеспечивается лишь «умеренный» заработок, необходимый для безбедного существования. Исходя из своих уравнивательных идеалов, Жирар мечтает даже о ликвидации существующих больших городов, о городах будущего, с совершенно однотипными домами, окруженными садами и общинными землями.

Эти три конкретных примера – пример известного публициста, литератора и общественного деятеля Бонвиля, пример почти безвестного писателя Борье, пример рядового гражданина из провинциального города Жирара, с наглядностью свидетельствуют, с какой последовательно уравнивательной программой выступали в годы революции представители радикального эгалитаризма.

Изучение радикального эгалитаризма как одного из общественно-политических течений периода революции дает возможность ответить на вопрос, давно уже являющийся предметом дискуссии в исторической литературе. Известно, что еще в XIX столетии выдвигалось утверждение, что учение Руссо является по своей сути учением социалистическим и что Руссо родоначальник социализма. При такой постановке вопроса, на него может быть дан лишь отрицательный, негативный ответ. Доктрина Руссо отнюдь не носит социалистического характера. Руссо отнюдь не противник частной собственности, как таковой. Его постулат о том, что плоды земные принадлежат всем, а земля никому, встречающиеся у него даже такие выражения как «общность имуществ», служат лишь для обоснования условного характера собственности и, следовательно, правомерности известного ограничения имущественного неравенства. Но учение Руссо побудило в эпоху революции многих идеологов плебейских масс сделать из его основных положений крайние выводы, прийти к радикальному эгалитаризму, обосновавшему необходимость уравнительного перераспределения всей собственности и полной ликвидации неравенства. А некоторые представители радикального эгалитаризма в свою очередь подходили уже вплотную к мысли о необходимости полного упразднения частной собственности, к идеалам «общности». Многие из них требовали уже обобществления земельной собственности, передачи ее в распоряжение коммун с предоставлением земельных участков отдельным лицам лишь в пожизненное пользование. Такова была позиция всем известного Доливье, такова же была позиция безвестного «гражданина Лиона» Дюкрюи, излагавшего аналогичные взгляды в брошюре «Естественные и неотъемлемые права [человека] или права и счастье всех в условиях полного равенства» (« Droits naturels et imprescriptibles de l'homme, ou les droits et le bonheur de tous dans la parfaite йgalitй »). Адвокат же Кольмар в своей записке,

представленной в мае 1794 г. Комитету общественного спасения, шел еще дальше, настаивая не на пожизненном закреплении участков членам сельской общины, а на ежегодном распределении между жителями коммуны земли для ее обработки. Подобные же взгляды неизбежно вели уже к идеалу аграрных коммунистических общин. Так радикальный эгалитаризм перерастал постепенно в эгалитарный коммунизм. Многие радикальные эгалитаристы не только стояли уже на грани эгалитаризма и коммунизма, но, в процессе революции, переходили уже на коммунистические позиции. Таким был один из выдающихся представителей радикального эгалитаризма эпохи революции, шотландец по происхождению, Джон Освальд, который в своем последнем предсмертном произведении 1793 г. «Правление народа» мечтал уже о сокрушении «железного ярма собственности», о совместном возделывании земли и неограниченной общности пользования. Тот же Борье, накануне смерти, задумывался о том, не следует ли вообще упразднить частную собственность и тем самым «одним ударом отсечь постоянно возрождающиеся головы роскоши». Ту же эволюцию проделал по существу никто иной, как и сам Бабеф. Хотя и интересуясь теоретически коммунистическими идеалами еще до революции, Бабеф выступал в первые ее годы, и в «Постоянном кадастре», и в письмах к Купе, и в других своих произведениях и рукописях, как типичный представитель радикального эгалитаризма, кстати тоже неоднократно ссылавшийся на учение Руссо. Но уже в эпоху якобинской диктатуры, под влиянием опыта революции, он, как известно, окончательно перешел на коммунистические позиции.

Даже независимо от этой эволюции, радикальный эгалитаризм с его резкой критикой не упраздненного революцией общественного неравенства, с его идеалом «социального равенства» и «социального счастья» как конечной цели переустройства общества, несомненно способствовал

распространению идей и представлений, содействовавших формированию коммунистического мировоззрения. А теоретической основой радикального эгалитаризма служило в первую очередь учение Руссо. Поэтому, хотя доктрина Руссо отнюдь не является социалистической и Руссо отнюдь не был прямым родоначальником социализма XIX века, но его учение, содействовавшее в эпоху Французской революции теоретическому обоснованию радикального эгалитаризма, оказало, тем самым, определенное косвенное влияние на развитие французского утопического коммунизма и социализма. И в этом одна из немеркнущих заслуг руссоизма в истории общественной мысли.

DEUX REMARQUES À PROPOS DE LA « CONSPIRATION POUR L'ÉGALITÉ »²⁵

Une littérature abondante est consacrée à la « conspiration pour l'égalité » habituellement appelée dans la littérature historique « Conspiration de Babeuf ». Cependant il reste encore beaucoup à faire pour reconstituer le tableau intégral et authentique de ce mouvement politique et social. Pour ne pas me borner à des thèses abstraites, je préfère aujourd'hui parler seulement de deux questions, ayant rapport à cette conspiration.

I

Le Directoire secret de salut public, qui dirigeait la « conspiration pour l'égalité », se composait, comme on sait, de sept membres : Babeuf, Buonarroti, Darthé, Antonelle, Félix Lepelletier, Sylvain Maréchal, Debon. Si les six premiers nous sont connus, on ne peut dire la même chose de Debon, dont nous ne connaissons l'existence que par les paroles de Buonarroti.

Voici les informations que nous pouvons recueillir dans son livre. En floréal an III, Debon se trouvait détenu avec Babeuf, Germain, Buonarroti et un grand nombre d'autres démocrates, dans la prison de Plessis. C'est à Plessis que prirent forme définitive les projets de Babeuf, sous l'influence de ses entretiens avec certains des détenus ; « il a connu Debon... qui, ayant passé toute sa vie à examiner les causes des maux publics, avait saisi mieux que personne les vues profondes de Robespierre ». Après sa sortie de prison, Debon fut, ainsi que Lepelletier, Darthé, Buonarroti et Germain, membre du « comité réuni chez Amar », où fut pour la première fois formulé le programme politique, prévoyant le rétablissement de la Constitution de 1793, pour instaurer finalement un régime social fondé sur la

²⁵ НА РА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 56. Л. 16-25. Машинопись, копия. Доклад, прочитанный А.Р. Иоаннисяном 22 мая 1976 г. в Дижоне, на седьмой конференции историков СССР и Франции. См.: И. С. VII конференция советских и французских историков в Париже и Дижоне // Французский ежегодник –1976. М. 1978. С. 243.

communauté des biens. Debon prit la part la plus immédiate à l'élaboration de ce programme. Aux séances du « comité », il critiquait, avec Lepelletier, Darthé, Buonarroti, les mesures égalitaires – partage des terres et lois somptuaires comme parfaitement insuffisantes. « Debon avait rédigé un ouvrage dans lequel il démontrait l'injustice du droit de propriété et développait la longue série des maux qui en sont la suite nécessaire ». Dans la discussion de la question du nouveau pouvoir révolutionnaire, Debon préconisait l'idée de la dictature. Admis, en germinal an IV, au sein du Directoire secret de salut public, Debon, selon les paroles de Buonarroti, « avait toujours pris une part active aux travaux du directoire secret ». Aux séances du Directoire, il proposa de nouveau, avec Darthé, de remettre pour un temps déterminé toute la plénitude du pouvoir à un dictateur révolutionnaire. Debon s'élevait catégoriquement contre toute transaction avec les anciens Montagnards, particulièrement avec ceux qui avaient participé au coup d'Etat de Thermidor.

Tels sont les informations données par Buonarroti au sujet de Debon. Dans son livre se trouve mentionné seulement un fait concret qui nous donne la possibilité de projeter quelque lumière sur cette intéressante personnalité. Nous savons par Buonarroti qu'en floréal an III, Debon se trouvait avec Babeuf et d'autres démocrates, détenu dans la prison de Plessis. Aux Archives Nationales sont conservés les dossiers des personnes arrêtées pendant la période de la Convention. Nous y trouvons parmi eux les dossiers de deux Debon : François André et Robert François. Mais François André se trouvait détenu en autres temps et dans d'autres prisons. En floréal an III, ne se trouvait détenu à Plessis que le seul Robert François Debon.

Le dossier de Robert François Debon est classé à la fois dans la série mentionnée des Archives Nationales, ainsi que parmi les dossiers des détenus de Plessis. Il se trouve mentionné également dans les procès-verbaux du Comité révolutionnaire de la section des Tuileries et dans ceux du comité de surveillance du 3e arrondissement de Paris. Nous trouvons encore des renseignements à son sujet aux Archives de la Préfecture de police.

Au dossier de Debon se trouve un compte-rendu détaillé des circonstances de son arrestation, qu'il présenta au Comité révolutionnaire de la section Brutus, ainsi qu'au Comité de sûreté générale. Les renseignements biographiques, qui y sont consignés, permettent de reconstituer dans les traits généraux l'histoire de sa vie, jusqu'à la Révolution. N'ayant pas le temps, je dirai seulement que Robert François

Debon naquit dans la ville de Caen en 1755, qu'en 1774 il prit le métier de confiseur, qu'en 1779 il partit pour l'Angleterre, où durant sept ans il enseigna la langue française, qu'en 1789 il partit pour Saint-Domingue et après pour l'Amérique du Nord, qu'il rentra en France à la fin de 1790 et repartit pour Londres en mars 1791.

Sur son dernier séjour à Londres, comme sur ses convictions politiques, dans les premières années de la Révolution, nous trouvons des renseignements non seulement dans sa notice explicative, mais encore dans d'autres documents. « J'y défendis et propageai, écrit-il, les principes de notre révolution. J'osai même y approuver hautement le châtement du dernier de nos tyrans », c'est-à-dire l'exécution de Louis XVI. Dans une lettre officielle en date du 2 mai 1793, écrite par Lunelle, l'aide de camp du commandant de la Garde Nationale de Paris le général Santerre, à l'adresse du Comité de sûreté générale, Debon est décrit comme « un franc patriote que son zèle a fait mépriser son intérêt personnel pour vous apporter des renseignements sur la situation politique de l'Angleterre ». Il y est ensuite question de Debon comme d'un citoyen connu des membres du comité « par son empressement à exécuter les ordres qu'ils lui ont confiés ». Nous pouvons conclure de ces témoignages que Debon, au cours de son second séjour en Angleterre, ne se bornait pas à propager les idées de la Révolution française, mais accomplissait aussi quelque mission de renseignement.

Après la déclaration de guerre de l'Angleterre à la France, il ne pouvait, évidemment, rester plus longtemps dans ce pays. En avril 1793, Debon débarqua à Ostende et arriva à Paris le 10 mai 1793. A la fin d'octobre seulement – le 1er brumaire – il réussit à trouver un emploi à l'Arsenal - d'abord au bureau du commissaire général, puis dans une des inspections. Son service à l'Arsenal le mettait à même, selon ses paroles, de signaler aux instances compétentes les défauts existants dans l'organisation de l'inspection de l'artillerie. Dans un autre document, figurant à son dossier, il est indiqué qu'il soumit deux mémoires sur ce sujet. Mais Debon présentait des rapports qui ne traitaient pas uniquement de questions militaires. Il écrivit une réponse à un pamphlet contre-révolutionnaire, et soumit à Pache certaines considérations relatives à la question des subsistances.

Le 9 Thermidor, vers neuf heures du soir, il se trouvait à la porte du corps de garde de la section des Tuileries, où s'était rassemblé un groupe de citoyens, pour écouter le récit de ce qui se passait chez les Jacobins. Comme Debon en sortait justement (du club des Jacobins), pour se rendre à sa section, il confirma « que la

Commune avait envoyé une députation par laquelle elle invitait les Jacobins à correspondre le plus fréquemment possible en s'envoyant réciproquement des députations qui puissent les mettre à même de bien connaître l'état des choses et d'agir en conséquence ». Selon les paroles de Debon, ces mots furent mal interprétés par les auditeurs, qui affirmèrent après qu'il aurait dit aussi que c'était à la Commune que se rassemblaient les bons citoyens.

De cette explication assez embrouillée, on peut tout de même conclure, que le 9 Thermidor au soir, Debon qui revenait à ce moment du club des Jacobins, avait pris la parole, non pas comme partisan de la Convention, mais de la Commune et des robespierristes. Quoi qu'il en fût, Debon fut arrêté sur-le-champ et conduit au comité révolutionnaire de la section des Tuileries. Son affaire fut portée à la connaissance du Comité de sûreté générale qui, le 17 thermidor, décida son arrestation.

Debon resta en détention près d'une année, durant laquelle il changea plusieurs fois de prison. Enfin le 2 floréal an III il fut transféré à la prison de Plessis. C'est là qu'il fit connaissance de Babeuf et des autres démocrates, futurs membres de la « conspiration des égaux », entre autres de Buonarroti.

En dépit du fait que dès le moment de son arrestation Debon avait entrepris des démarches actives pour obtenir sa libération, il fut longtemps avant d'y parvenir, d'autant plus qu'il ne voulait pas, comme il écrivait dans une lettre, obtenir la liberté « au prix d'un mensonge ou d'une bassesse ». Ce ne fut que le 14 messidor que le Comité de sûreté générale prit la décision de libérer Debon. Le lendemain, le représentant de la commission administrative de police Hanninqué et le membre du Comité de surveillance du troisième arrondissement de Paris se rendirent avec Debon, sorti de prison, à son domicile, où ils procédèrent à la levée des scellés du paquet « contenant divers papiers et manuscrits appartenant audit Debon ».

Ainsi Debon recouvra-t-il non seulement ses papiers, mais également ses manuscrits. S'il avait été condamné en ce temps, ses manuscrits auraient été peut-être mis sous séquestre et se trouveraient actuellement au fonds T. des Archives Nationales, ce qui mettrait à la disposition des historiens de précieux documents pour porter un jugement sur les conceptions sociales et politiques de Debon à la veille de la « conspiration des égaux ». Ses idéaux sociaux ne pouvaient certes être exposés dans les pièces de son « dossier » relatives à son arrestation. Mais nous trouvons toutefois dans sa note explicative et dans ses adresses, écrites en prison, certaines données permettant de juger non seulement de ses idées politiques, mais aussi de ses

vues sociales. Ils contiennent des attaques violentes contre « les riches ». Dans sa note explicative, la description de son voyage en Amérique du Nord ne peut manquer d'attirer l'attention, car nous y lisons : « Là (à la Nouvelle Orléans – A. I.) je profitai des bateaux qui remontent le Mississipi pour aller jusqu'au Illinois... Les sauvages que j'y vis, ainsi que ceux que j'avais rencontrés en remontant le fleuve, n'ayant point rempli mon attente, je résolus de remonter le Missouri et d'aller dans les grandes plaines, ce que j'exécutai en juillet. Mon attente fut pleinement satisfaite. J'y vis des hommes à peu près tels que mon imagination me les avait dépeints. Ils me reçurent parfaitement bien et me traitèrent toujours de même. Je n'ai qu'à me louer de l'homme de la nature ».

Pour apprécier justement la signification de ces paroles, il faut se rappeler l'idée que les gens du XVIIIe siècle se faisaient des tribus indiennes d'Amérique du Nord. Dans toute la littérature du siècle, dans d'innombrables livres, articles et même œuvres littéraires, toutes ces peuplades étaient décrites comme de petites communautés patriarcales, vivant sous le régime de la communauté des biens et du travail en commun, ne connaissant ni la propriété privée, ni l'inégalité sociale. Ces « vertueux sauvages » étaient représentés comme « les hommes de la nature », vivant conformément aux « lois naturelles », dans une complète égalité sociale.

C'est pourquoi tous les penseurs communistes, tant de la période préévolutionnaire que de l'époque de la Révolution, se référaient à ces tribus indiennes, pour argumenter leurs idéaux. C'est eux qu'invoquait notamment, en 1793, le futur compagnon de lutte de Debon, membre comme lui par la suite du Directoire secret des égaux, Sylvain Maréchal, dans son célèbre traité « Correctif à la Révolution ».

Ce récit de Debon donne donc des raisons de supposer que, dès le début de la Révolution, il voyait déjà l'idéal dans une société ignorant la propriété privée et l'inégalité sociale. Ceci ne fait que confirmer le témoignage de Buonarroti, selon lequel Debon s'intéressa toute sa vie aux causes des maux de la société, se pénétra mieux que tout autre des vues profondes de Robespierre, auquel, comme on sait, les « égaux » attribuaient des buts communistes. Il n'est donc pas surprenant que quelques mois seulement après sa sortie de la prison, Debon soumit au « comité Amar », un ouvrage dans lequel il démontrait l'injustice du droit de propriété. Il se peut que ce travail ait été rédigé sur la base des manuscrits auxquels il travaillait déjà au moment de son arrestation.

II

L'arrestation en floréal de l'an IV d'une partie des conjurés, qui participait à la « conspiration pour l'égalité », y compris trois des sept membres du Directoire secret, fit échouer l'insurrection fixée par les conspirateurs pour les jours prochains. Mais cela ne signifiait pas la fin du mouvement « des égaux ».

L'agitation à Paris reprend dès le début du mois de prairial. Je ne peux pas naturellement citer toute la documentation abondante qu'on trouve dans les archives et dans la presse quotidienne et qui peut être résumée par cette information, qu'on trouve, disons, dans le « Mercure universel ». On « agite le peuple, distribue avec profusion des pamphlets, des écrits incendiaires... On travaille les faubourgs, on travaille l'armée, on distribue des pamphlets en tous lieux, on les affiche même dans certains corps de garde... ».

Mais quels étaient donc ces pamphlets, qu'on distribuait avec profusion à Paris dans ces jours de prairial ? C'était tout d'abord, comme témoignent les rapports de police, les pamphlets et affiches des égaux déjà diffusés au mois de germinal et floréal. C'était aussi l'« Acte d'insurrection » élaboré par le Directoire secret de salut public, qui devait être promulgué au moment de l'insurrection. Mais c'était aussi de nouveaux pamphlets, qui représentent pour nous un intérêt particulier.

L'un de ces pamphlets était une brochure, ayant pour titre « Arrivée à Paris du brave la Terreur, canonnier de l'Armée de Sambre et Meuse ; son entretien avec son camarade Va-de-bon-cœur, soldat du camp de Grenelle ». Il faut rappeler que le 24 germinal était publiée et distribuée, principalement parmi les militaires, une brochure, écrite par Grisel, « Lettre de Franc-Libre, soldat de l'armée circo-parisienne, à son ami La Terreur soldat de l'armée du Rhin ». Dans cette nouvelle brochure, ce même la Terreur, arrivé à Paris, examine avec un soldat du camp de Grenelle la situation politique après l'arrestation de Babeuf. Ce pamphlet, destiné à la propagande parmi les militaires, est écrit exprès dans le style grossier. Les cinq coquins de Directeurs qui ont arrêté Babeuf et ses amis, veulent utiliser les soldats contre le peuple ; « ils ignorent sans doute, les scélérats, que le soldat les hait autant que le peuple les déteste ». « Réunissons-nous au peuple, s'écrie la Terreur. Faisons avec lui la grande battue générale ». « Je t'entends, lui répond le soldat du camp de Grenelle, touche la main : tu es de la conspiration Babeuf, toi, et moi aussi,

je suis de la partie... marchons ensemble sous les bannières constitutionnelles de 93. Anéantissons les cinq Rois, et ceux qui les ont faits, et nous aurons du pain et nos droits ».

Plus intéressante est une autre brochure « Le cri d'indignation du peuple français contre les véritables conspirateurs ». Dans l' « Inventaire des manuscrits et imprimés de Babeuf », publié il y a dix ans, cette brochure est mentionnée parmi les « Imprimés de la conspiration », mais avec cette notice : « Imprimé dont l'existence résulte uniquement d'une mention au catalogue de la vente, organisée par Karl Grünberg à Vienne le 25 mai – 5 juin 1926 ». Mais cette brochure de huit pages existe réellement et nous l'avons trouvée aux Archives Nationales même. Elle a pour épigraphe ces mots « Egalité, Liberté, Sûreté, Bonheur de tous ». Elle est datée prairial an IV, c'est-à-dire qu'elle a été publiée et diffusée au mois de prairial. Le but de cette brochure était de prouver (et c'était comme on sait la tactique des babouvistes) qu'il n'y avait pas eu de conspiration réelle, que les vrais conspirateurs étaient les Directeurs et leurs complices, qui ont tout opprimé, qui ont enchaîné le Peuple artisan et le Peuple militaire. « Depuis deux ans ils ne cessent de voler, de se gorger des dépouilles du Peuple... nu, mourant de faim ». Les vrais anarchistes sont « ces exécrables partisans de l'inégalité », qui ont enlevé au peuple la bienfaitrice Constitution populaire de 1793. Mais l'aristocratie ne s'établira point. La démocratie va reparaître triomphante de tous ses ennemis. L'imprimé appelle à « l'insurrection des hommes libres contre la tyrannie ». Elle appelle les guerriers à « frapper les premiers coups », car « le peuple est désarmé ». On accuse les « ouvriers laborieux » de demander le pillage. Cependant les vrais pillards « ce sont les riches accapareurs, les gouvernans, leurs amis, escrocs de la fortune publique, sangsues meurtrières de l'indigence ». « Mais le Peuple, lisons-nous dans cette brochure, saura se faire restituer ce qui lui appartient légitimement *l'abondance, le bonheur commun* (en majuscule – A. I.) qu'il ne cesse de gagner par son travail, que les fainéants lui ont volé et dont ils méditent de le priver pour toujours. Il leur apprendra qu'il doit participer à toutes les jouissances, puisqu'il endure toutes les peines, qu'il fait tous les travaux, qu'il remporte toutes les victoires par son courage ; et il chassera, il punira les lâches, les oisifs, impudents, les muscadins voraces et corrompus, qui vivent sans rien faire, qui veulent jouir de tout, sans peine... »

Je veux mentionner aussi une troisième brochure qui, suivant les rapports des agents du gouvernement, était aussi diffusée alors. Le titre de cette brochure présente un intérêt particulier. Elle était intitulée « L'âge d'or au peuple ». Elle n'est signalée nulle part et nous ne l'avons pas retrouvée ni à la Bibliothèque Nationale, ni aux Archives Nationales. J'ai trouvé seulement aux Archives départementales de la Seine un « Extrait des registres du tribunal criminel du département de l'Eure ». Deux personnes étaient accusées d'avoir distribué cette brochure – Etienne Nicolas Benomont, menuisier de la manufacture de Romilly, et Jean Baptiste Félix Tronc, concierge du dépôt de la première réquisition rue des Orties à Paris. Le 21 thermidor, le Directeur du Jury de l'arrondissement de Louviers avait dressé contre eux un Acte d'accusation qui est reproduit dans l'extrait du jugement envoyé à Paris, parce que le second accusé était un habitant de cette ville. Cette accusation était formulée ainsi : « que l'écrit intitulé L'âge d'or au peuple contient provocation à l'établissement d'un gouvernement autre que celui établi par la Constitution de l'an trois acceptée par le peuple françois, qu'il contient provocation aux partages des propriétés particulières ». Malheureusement parmi les affaires du tribunal correctionnel de Louviers dans les archives départementales de l'Eure, nous avons trouvé seulement la décision du jury spécial d'accusation de traduire en justice Benomont et Tronc, mais il n'y a là ni l'acte d'accusation, ni la brochure, qui leur était incriminée. D'ailleurs, ces deux personnes étaient acquittées par le tribunal criminel du département de l'Eure.

Ainsi les brochures qui étaient publiées après l'arrestation de Babeuf, attestent que les partisans clandestins de la conspiration poursuivaient leur propagande active, non seulement une propagande orale dans les groupes qui se rassemblaient dans le jardin des Tuileries, au Pont-de-Change, à la place de Grève, dans le faubourg St. Antoine et dans d'autres lieux, mais aussi en diffusant parmi les civils et les militaires les écrits et affiches des mois de germinal et floréal et de nouveaux pamphlets. Ces brochures et pamphlets sont très intéressants aussi d'un autre point de vue. En réclamant le rétablissement de la Constitution de 1793, qui était le mot d'ordre non seulement des babouvistes, mais aussi des Jacobins, ralliés à la conspiration de Babeuf, ils mentionnent et exposent en même temps les idéaux sociaux des « égaux ».

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ²⁶

Принципы свободы, равенства, братства, провозглашенные Французской революцией, были направлены против абсолютизма, против всего феодально-сословного строя. Под этими лозунгами третье сословие вело борьбу против абсолютной монархии и сословных привилегий дворянства и духовенства, за политическое равенство. Но уже в процессе революции плебейские массы города и деревни все больше отождествляли эти лозунги не только с равенством политическим, но и с равенством социальным. Подобное понимание равенства выражалось в основном в эгалитарных идеалах имущественного равенства, столь распространенных среди городских санкюлотов и сельской бедноты. Одновременно, однако, оно находило выражение и в социалистических и коммунистических идеях, связывавших истинное социальное равенство и братство уже не с уравниванием, а с полным упразднением частной собственности.

²⁶ НА РА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 245. Л. 19-29. Машинопись, оригинал. Доклад, прочитанный А.Р. Иоаннисяном 10 июля 1989 г. в Париже на Международном конгрессе «Образ Французской революции». См.: *L'Image de la Révolution française. Programme*, Sorbonne 6-12 juillet 1989. P. 45. В 1989 г. текст этого доклада был опубликован в Париже в переводе на французский: Ioannissian A.R. *La Révolution française et le mouvement socialiste de la première moitié du XIXe siècle // L'Image de la Révolution française. Communications présentées lors du Congrès Mondiale pour le Bicentenaire de la Révolution*. Sorbonne, Paris, 6-12 juillet 1989. Dirigé par *Michel Vovelle*. Paris. 1989. V. 3. P. 1705-1708.

Накануне Французской революции утопический коммунизм находил свое выражение или в форме фантастических романов, следовавших традиции «Истории севарамбов» Вераса д'Алле, или в виде абстрактных теоретических трактатов, главным из которых был «Кодекс природы» Морелли.

Развитие коммунистических идей в годы Французской революции характеризуется следующими тремя основными моментами.

Во-первых, коммунистические идеи приобретают несравненно более конкретный характер. Они непосредственно связываются с грандиозной политической борьбой в стране, с практическими задачами революционного переустройства Франции. Коммунистические идеи излагаются теперь не в фантастических романах и даже не в теоретических трактатах, а в политических памфлетах, брошюрах и в периодической печати, в виде адресуемых законодательным органам конкретных планов и предложений.

Во-вторых, коммунистические идеи получают известное распространение. Их выдвигают не только литераторы, публицисты и политические деятели, а и рядовые граждане. Об общности имуществ ведутся разговоры даже на парижских улицах.

В-третьих, именно в период Французской революции, особенно под воздействием якобинской диктатуры, оформляется революционное крыло утопического коммунизма, возникает революционный коммунизм.

Кульминацией коммунистического движения эпохи революции явился «заговор равных» 1796 года. Бабеф и его соратники окончательно разработали стройный план общественного преобразования, установления революционной диктатуры для построения коммунистического общества, организацию национальной коммуны, постепенно поглощающей все частные владения. Но «заговор равных» был прежде всего, политическим движением, целью которого было осуществить

этот план на практике. Таким образом в условиях Французской революции, впервые в истории, зародилось новое общественно-политическое движение, преследовавшее цель создания общественного строя, основанного на социальном равенстве.

После революции, промышленное развитие Франции и подъем рабочего движения, начало новой эры которого возвестили лионские восстания 1831 г. и 1834 г., создали еще более благоприятные предпосылки для распространения социалистической и коммунистической идеологии. Французский утопический социализм и коммунизм первой половины XIX века, был непосредственным порождением Французской революции.

С Французской революцией неразрывно связано возникновение двух основных социалистических школ – сен-симонизма и фурьеризма. По мнению Сен-Симона революция не разрешила стоявших перед ней задач, сумела выполнить лишь негативную, а не конструктивную работу. Историческая задача заключается в завершении дела революции, в создании нового социального строя, которую сен-симонисты представляли себе как ассоциацию, где применялся-бы принцип: от каждого по его способностям, каждому по его труду. Что касается Фурье, то возникновение его общественного идеала непосредственно связано с кооперативными проектами эпохи революции. Исходя из них Ланж пропагандировал в Лионе планы создания «амбаров изобилия» по одному на 1500 человек, не только выполняющие функции потребительской, страховой и кредитной кооперации, но и располагающих своими особыми зданиями, а также школой и больницей. Эти планы Ланжа послужили непосредственным образцом торговой системы *Entreprft* с ее коммунальными магазинами на 1500 человек, которую Фурье описывал уже в своих самых ранних рукописях. Именно исходя из подобного рода кооперативных планов Фурье и пришел к идее полной всесторонней ассоциации, к идее производительно-потребительских товариществ – фаланг.

Решающее влияние Французская революция оказала и на распространение коммунистических идей, пропаганда которых никогда не прерывалась. В эпоху Наполеона была опубликована коммунистическая утопия «Истинное счастье», в конце Реставрации написан трактат «Золотой век без покрова». Уже в годы Реставрации во Франции появляются последователи Оуэна, во главе которых стояли Рей, а затем Гей, разработавшие вскоре французский вариант оуэнизма, впитавший многие идеи Фурье. Но бесспорно, что на распространение коммунистических идей в эпоху Июльской монархии, главное воздействие оказала опубликованная в 1828 г. книга Буонарроти «Заговор во имя равенства».

В 30-х-40-х годах широкое распространение получает, генетически связанный с бабувизмом, революционный коммунизм, особенно среди тайных обществ, таких как общество трудящихся-эгалитариев с его двумя, фактически самостоятельными фракциями, «коммунистов» и «эгалитариев», группа «юманитариев», пропагандировавшая, в частности, и анархические взгляды Сильвена Марешаля, общество коммунистов-материалистов и др. Появляются многочисленные трактаты и брошюры, обосновывавшие и пропагандировавшие идеи коммунизма. К ним относятся «Кодекс общности» Дезами и изданный им совместно с Меем и Геом «Альманах общности», брошюры Пийо, «Унитарная система» Майера, работы Лаотьера, Констана, Брижа, «Альманахи-катехизисы» Брэ и многие другие.

Наряду с революционным коммунизмом широкое распространение получает и «мирный» коммунизм икарийской школы во главе с Кабе, «Путешествие в Икарию» и многочисленные брошюры которого активно пропагандировали коммунистические идеи.

Появляется коммунистическая пресса – «Попюлер» Кабе, «Эгалитер» Дезами, «Коммюнотер» Майера, «Юманитер» Шаравэ и Мейя, лионский журнал «Травай», журналы,

носившие название «Фратерните». Уже 1 июля 1840 г. состоялся первый коммунистический банкет в Бельвиле.

Коммунисты-революционеры использовали в первую очередь бабувистские идеи, которые, подчас, как это делал Дезами, пытались сочетать с оуэнизмом. Многие относились критически к характерному для Бабефа грубому уравнительству. Так Дезами заявлял, что не следует застыть в неподвижности на учении Бабефа. Резко осуждал уравнильность Бабефа Майер. Ее решительно отвергал и Лаотьер. Лапоннере считал недопустимым стремление Бабефа посадить людей в своего рода клетку. Но несмотря на это, все коммунистические идеологи, независимо от различных направлений, осознавали свою непосредственную связь с наследием Французской революции, с ее уроками и ее традициями. Недаром Кабе написал даже «Популярную историю Французской революции», а один из редакторов «Фратерните» Баллон, на основе книги Буонарроти, изложил «Политическую и социальную систему равных».

Каков же был образ Французской революции в коммунистическом движении первой половины XIX столетия? Гей указывал, что революция провозгласила великие принципы новой общественной организации – свободу, равенство, братство. Но на деле они остались лишь фикцией. Задача заключается в том, чтобы превратить их в реальность. Такова же точка зрения Дезами. Французская революция сыграла в свое время большую историческую роль, но она окончилась неудачей, так как не смогла довести дело до конца, установить наряду с политическим равенством и равенство социальное. По мнению Пийо Французская революция, как и все предыдущие, лишь передала привилегии из рук одной касты в руки другой. Но она указала народу путь, по которому ему надлежит следовать. Для Мея революция 1789 г. послужила лишь интересам буржуазии, использовавшей трудящихся как пассивные инструменты для достижения своих целей. Шаравэ

заявлял, что революция, впервые в истории, открыла возможность осуществить на практике принцип равенства; но это не было осуществлено из-за сопротивления его врагов. Бриж писал, что деятели Французской революции провозгласили принципы братства, свободы и равенства, но не имели возможности в ту эпоху создать общественную организацию, в условиях которой эти принципы могли быть осуществлены. Брэ считал, что, начиная с революции 1789 г., Франция переживает родовые муки, связанные с рождением нового общества. Свобода, равенство и братство – великая формула будущей эпохи. В своем тосте на Бельвильском банкете Симар, анализируя уроки истории, указывал, что хотя народный гнев захоронил под развалинами Бастилии 14 веков монархии, но государственной колесницей завладела буржуазия, поскольку была сохранена частная собственность, и социальное возрождение было отсрочено на 50 лет. В рукописях рядового рабочего Дармеса, покушавшегося на Луи-Филиппа, эти представления о Французской революции, распространенные среди тайных обществ, были сформулированы так: в результате революции всю власть захватили новые богачи, которые эксплуатируют трудящихся. «Революция 1830 г. была лишь ублюдком 89, но не забывайте, что вскоре она родит доношенную дочь».

Бесчисленные ссылки на Французскую революцию и ее оценки мы находим в коммунистической прессе. В вышедшем в апреле 1840 г. проспекте «Эгалитера» мы читаем: «О героические жертвы нашей великой революции, величественные мученики термидора; и Вандома, вы открыли перед нами громадное жизненное поприще; именно нам предстоит выполнить славную задачу, осуществление которой прервала контрреволюционная секира; именно нам предстоит закончить это дело». В июле 1841 г. «Травай» писала: «Свобода, равенство, братство! Святой девиз наших отцов!... он идеал, которому надлежит следовать; он раскрытое будущее; он про-

возглашен уже в принципе, вскоре он будет осуществлен в реальной действительности». В октябре 1845 г. «Фратерните» доказывала, что коммунизм является порождением демократии, ее логическим выводом из принципов, провозглашенных Французской революцией. В декабре 1846 г. журнал вновь призывал завершить дело Французской революции.

Все эти ссылки можно было бы многократно умножить. Но уже из приведенного видно, какое представление о Французской революции господствовало в коммунистическом движении в эпоху Июльской монархии. Хотя революция и не ликвидировала общественное неравенство и ее плодами воспользовалась лишь буржуазия, но она имела огромное историческое значение и положила начало новой эры. Провозглашенные ею принципы: свобода, равенство, братство, которые в настоящее время являются фикцией, могут быть осуществлены на практике лишь в условиях нового общественного строя, обеспечивающего наряду с политическим равенством и равенство социальное. Лишь таким образом может быть завершено великое дело общественного преобразования, начатое Французской революцией.

Но здесь возникал вопрос: почему же Французская революция не довела дело до конца? Подавляющее большинство коммунистических идеологов считало, что это произошло лишь в результате термидорианского переворота. Якобинская диктатура шла по пути установления реального социального равенства, но она была ниспровергнута и эта ее конечная цель не была осуществлена.

Этим объясняется и легенда о Робеспьере как стороннике коммунизма, получившая самое широкое распространение в коммунистическом движении. Эта легенда родилась еще в период «Заговора равных» и первым ее глашатаем был Бабеф. В оглавлении – резюме 40-го номера «Трибуна народа» есть раздел: «В чем состояла доктрина Робеспьера? Неопровержимые доказательства стремления Робеспьера к совершенному

равенству». Действительно, Бабеф пытался это обосновать, приходя к заключению, что Робеспьеру принадлежало «первенство в создании в эпоху революции плана подлинного равенства, к которому, как доказывают сотни мест из его произведений, он только и стремился». Впрочем в эти дни легенду о Робеспьере как стороннике социального равенства распространяли не только бабувисты, а и другие представители коммунистической мысли. В том же 1796 г. Ретиф де ла Бретон утверждал, что он узнал, а затем окончательно убедился в том, что Робеспьер занимался проектом установления коммунизма.

Легенду о Робеспьере как стороннике коммунистического равенства полностью воспроизвел в своей книге и Буонарроти. Излагая коммунистическую доктрину, обсуждавшуюся на заседаниях тайного комитета, собиравшегося у Амара, Буонарроти один из разделов озаглавливает: «Робеспьер был другом такого равенства». В нем он утверждал, что Робеспьер и его товарищи «безусловно стремились к равному распределению обязанностей и благ». С легкой руки Буонарроти эта легенда о Робеспьере широко распространилась в коммунистическом движении 30-х- 40-х годов XIX столетия. В нее верили самые выдающиеся представители как революционного, так и «мирного» коммунизма этой эпохи. Хотя в «Кодексе общности» Дезами и критиковал «правительство 93 года» за то, что оно не осмелилось «открыто поднять знамя коммунизма», но он не сомневался в коммунистических убеждениях Робеспьера. Говоря о коммунистах он называет три имени – Мабли, Робеспьер, Буонарроти. Такое же представление о Робеспьере имел и глава «икарийской» школы Кабе. В 1848 г. в своем выступлении на одном социалистическом банкете он утверждал, что Робеспьер был «подлинным социалистом» и выразителем «социалистической тенденции революции». Недаром в период революции 1848 г. одна из «красных» газет называлась «Робеспьер» и публиковавшиеся в

ней статьи, пропагандировавшие социалистическую идею, носили подпись: «Максимилиан Робеспьер».

Легендой о Робеспьере объяснялась и своеобразная трактовка его проекта Декларации прав человека и гражданина, представленного им в апреле 1793 г., поскольку в этой Декларации собственность рассматривалась не как священное и неотъемлемое право, а как установление, подчиненное высшим общественным интересам. Бабеф отзывался о ней с восторгом. Буонарроти перепечатал в своей книге эту Декларацию, которая по его мнению, бросала яркий свет на подлинную цель, которую ставили перед собой Робеспьер и его соратники. Такого же мнения были и многие другие коммунистические деятели, видевшие в ней хорошую основу для последующего преобразования общественного строя. В период революции 1848 г. Декларация Робеспьера служила платформой, объединявшей всех сторонников демократической и социальной республики. Общество прав человека и гражданина рассматривало Декларацию Робеспьера, как отправную точку для осуществления всех социальных целей революции. Созданный в конце марта Клуб клубов принял решение, что все примкнувшие к нему клубы обязаны принять принципы, изложенные в Декларации прав Робеспьера. Архив Клуба клубов свидетельствует, как трактовали эту Декларацию и сами его руководители и примкнувшие к нему клубы социалистической и коммунистической ориентации. Так, на заседании бюро Клуба клубов его председатель Юбер заявил, что статьям Декларации, посвященным вопросу о собственности «будет дана интерпретация самая благоприятная для прогресса и благосостояния общества». Так, клуб журнала «Фратерните» утверждал, что Декларация Робеспьера «содержит в зародыше все социальные принципы, которая наша новая революция должна стремиться осуществить». Так, Клуб демократического прогресса указывал, что рассматривает эту Декларацию «как

отправную точку новой эры». Можно было бы во много раз умножить все эти примеры.

Образ Французской революции, сложившийся во французском социалистическом и коммунистическом движении первой половины XIX столетия содержал, таким образом, и правильные исторические оценки и идеализированные представления. Безусловно правильной была оценка политических итогов революции, сокрушившей старый феодальный общественный строй и создавшей новое буржуазное общество со всеми его социальными противоречиями. Но изображение Робеспьера как сторонника коммунизма, провозглашение истинной целью якобинской диктатуры установление подлинного социального равенства, не имело, разумеется, ничего общего с исторической действительностью. Однако и эти идеализированные представления являлись свидетельством органической связи социалистического и коммунистического движения первых десятилетий XIX века с Французской революцией, которую его деятели считали необходимым продолжить и завершить.

О СТАТЬЕ И.И. ЗИЛЬБЕРФАРБА «СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ» ШАРЛЯ ФУРЬЕ»²⁷

Статья²⁸ начинается с утверждения, что «из всех предшественников научного социализма Шарль Фурье, без сомнения, больше всех заслуживает внимания исследователя-историка», что «по глубине и оригинальности мыслей, которые оказали исключительное влияние на дальнейшее развитие социалистических идей, он превосходит всех других представителей домарковского социализма» (стр. 1).

При всем значении Фурье в истории социалистических идей, такое утверждение нельзя признать правильным. На «дальнейшее развитие социалистических идей» оказали не меньшее, если не большее, влияние многие положения, выдвинутые сен-симонистской школой и другими представителями утопического социализма; в учении Бабефа и бабувистов содержатся идеи о путях революционного преобразования общества, которых у Фурье не имеется и в помине. Поэтому противопоставление Фурье всем другим представителям домарковского социализма безусловно является неправильным.

И.И. Зильберфарб ссылается на одну раннюю статью Энгельса, написанную в 1843 г., оставляя в стороне такие его основные работы, как «Развитие социализма от утопии к науке», «Анти-Дюринг», и др. Однако и в этой статье Фурье отнюдь не ставится выше других представителей утопического социализма. В статье этой хотя и подчеркивается некоторое

²⁷ НА РА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 61. Л. 25-43. Машинопись, копия.

²⁸ Речь идет о статье И.И. Зильберфарба «Социальная философия» Шарля Фурье как предмет исторического исследования», опубликованная впоследствии в журнале «Вопросы истории» (1956. N 5. С. 58-76).

преимущество учения Фурье перед сен-симонизмом, однако одновременно содержится и заявление о том, что в произведениях Фурье «не сверкают такие яркие искры гения, как у Сен-Симона и у некоторых его учеников» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, 2-ое издание, т. 1, стр. 527). Кстати сказать, именно из этой ранней работы Энгельса И.И. Зильберфарб и заимствует термин «социальная философия» Фурье, не применяемый в дальнейшем в марксистской литературе.

В начале своей статьи (на стр. 2-13) И.И. Зильберфарб рассматривает литературу, посвященную Фурье. Известно, что учению Фурье посвящена весьма обширная литература, насчитывающая много десятков названий. Среди них имеются не только отдельные статьи, очерки, но и капитальные исследования. Изучали Фурье и его учение не только зарубежные буржуазные историки, не только социалисты-марксисты, конца XIX-начала XX в., но и многие советские историки и философы. При этом Фурье изучался именно как выдающийся представитель утопического социализма. Между тем, И.И. Зильберфарб, давая общий обзор посвященной Фурье литературы, стремится доказать недоказуемое – а именно, что до него, Зильберфарба, никто не подходил правильно к изучению Фурье. «Возникает вопрос, – пишет он, – на чем же должен историк социализма сосредоточить свою исследовательскую работу, когда он подходит к изучению Фурье» (стр. 10). Выходит, что до него, Зильберфарба, советские историки не имели правильного подхода к этому основному вопросу. Чтобы доказать этот свой тезис, он не только замалчивает то положительное, что сделали до него различные советские историки в деле изучения Фурье, но и тенденциозно искажает их взгляды.

Так, например, говоря о работах академика В.П. Волгина, он пишет: «Академик Волгин сосредоточил свое внимание не на теории критически-утопического социализма, а на общей философии Фурье» (стр. 10). Можно, конечно, быть согласным

или несогласным с оценкой, которую дает В.П. Волгин фалангам Фурье. Но всякий добросовестный исследователь не может отрицать того факта, что В.П. Волгин в своих трудах (в частности, в своей основной работе «История социалистических идей»²⁹, о которой Зильберфарб почему-то вообще не упоминает) рассматривает весьма детально именно социальное учение Фурье и его общественные идеалы, отнюдь не сосредоточивая внимание на его натурфилософии, как это пытается внушить неискушенному читателю И.И. Зильберфарб.

В присланном мне экземпляре статьи пропущена страница 12. Я не знаю, о чем там идет речь, но, судя по общему тону статьи, не может быть сомнения, что там столь же бесцеремонно искажаются взгляды и опорачиваются работы других советских историков.

Далее И.И. Зильберфарб обвиняет всю «литературу о Фурье» в том, что в ней система Фурье рассматривается как нечто законченное и не изучается вопрос об этапах ее формирования. «В литературе о Фурье,— пишет он,— (как впрочем и вообще в литературе по истории социалистических идей), довольно распространено поверхностное отношение к изучению процесса становления его системы. Исследователи обычно склонны рассматривать совокупность идей того или другого социалистического мыслителя, как некую законченную систему... не останавливаясь на этапах формирования этой системы... Между тем, важно показать, что известные нам системы социализма возникали не сразу как таковые, в законченном своем виде, что отдельные их составные части и важнейшие положения возникали, видоизменялись и объединялись в одно целое, под влиянием конкретной исторической действительности» (стр. 16). Выдвигая этот тезис,

²⁹ См.: Волгин В.П. История социалистических идей. Часть вторая. М.-Л. 1931. С. 35-67.

Зильберфарб провозглашает далее ту истину, что теория Фурье «вовсе не возникла сразу как цельная система», что она «складывалась постепенно».

У неискушенного читателя, незнакомого с исторической литературой, создается впечатление, что И.И. Зильберфарб впервые выдвигает вопрос о необходимости изучения процесса формирования системы Фурье. Вопрос этот действительно является весьма важным. Беда, однако, заключается в том, что этот вопрос не только уже давно поставлен, но и в значительной мере разрешен в посвященных Фурье исследованиях. Во французской литературе можно назвать хотя бы работу Буржена, в которой довольно подробно рассматривается вопрос о становлении учения Фурье. В советской исторической литературе имеется специальное исследование, посвященное этому вопросу – монография А.Р. Иоаннисяна «Генезис общественного идеала Фурье», Москва, 1939, в которой детально изучен вопрос об этапах формирования его системы.

Выдвигая в 1955 г. эту «новую» проблему, И.И. Зильберфарб одновременно ставит и другой вопрос: о необходимости изучения социальной и политической действительности Франции, «и в частности и в особенности Лиона» для правильного понимания «пути становления социетарной теории». «Если тщательно изучить под этим углом зрения лионскую действительность того времени и дополнительно изучить то, что было предметом наблюдений Фурье в других местностях Франции, а также Германии и Нидерландов, можно представить с большой степенью ясности и достоверности не только общий путь формирования идей Фурье, но и важнейшие этапы становления его учения» (стр. 18-19). Опять-таки весьма правильное пожелание, но опять-таки весьма запоздалое. В той же, например, монографии А.Р. Иоаннисяна первая глава «Социально-экономические предпосылки зарождения идеала «ассоциации»» специально

посвящена этому вопросу. В ней, в частности, подробно рассматривается вопрос о роли Лиона в формировании мировоззрения Фурье. «Чтобы уяснить, — пишет автор, — конкретные условия зарождения его учения, надо иметь перед глазами не только общую социально-экономическую обстановку послетермидорианской Франции, но и специфические условия индустриально-рабочего города Лиона, в котором молодой Фурье прожил большую часть девяностых годов (стр. 32). И далее автор в особом разделе (стр. 32-44) конкретно рассматривает, на основе имеющейся литературы и первоисточников, лионскую действительность того времени и ее влияние на формирование мировоззрения Фурье, приводя, кстати сказать, и то замечание Мишле, на которое ссылается И.И. Зильберфарб.

Разоблачив неполноценность и порочность всей предшествующей литературы о Фурье и выдвинув вышеуказанные «новые» проблемы, связанные с изучением «социэтарной теории», И.И. Зильберфарб переходит к изложению собственных взглядов на «социальную философию» Фурье. Несмотря на то, что упрекает других исследователей в том, что они уделяют чересчур большое внимание «общим философским воззрениям» Фурье, сам он, однако, поступает именно таким образом. Основная часть его статьи посвящена как раз натурфилософским воззрениям Фурье, или той «фантастике», которую мы находим в его произведениях. При этом И.И. Зильберфарб выдвигает следующие два основных тезиса. 1) «Фантастика» Фурье органически не связана с его социальным учением. «Идейное наследие Фурье, — пишет он, — чрезвычайно разнообразно: в нем немало фантастики и мистики, невероятно чудаческих и просто сумасбродных мыслей и утверждений, которые никакого значения для развития социализма не имели и с основным ядром учения Фурье — его «социэтарной теорией» — органически не связаны» (стр. 13). 2) Сам Фурье не придавал этой фантастике особого

значения. Она была пущена им в ход «с целью утверждения своей авторской оригинальности и привлечения читательской публики», т.е. являлась своего рода рекламой (стр. 20), своеобразным литературным приемом (стр. 21). «Он готов был допустить, что вся его космогоническая и прочая фантастика неверна и не придавал ей существенного значения| (стр. 21).

Оба эти утверждения не соответствуют действительности. Фурье придавал своей натурфилософии и космогонии огромное значение и рассматривал ее как основу основ всего своего учения. Свои общественные идеалы он обосновывает именно своими натурфилософскими воззрениями. Воззрения эти и обусловленная ими «фантастика» связаны с другими частями его системы не механически, а органически, из них логически, звено за звеном, выводит он всю свою систему в целом, вплоть до малейших подробностей в вопросе об организации фаланг. Дело в том, что, по убеждению Фурье, в основе всей системы мироздания лежит закон всеобщей аналогии – «закон», заимствованный им из мистико-теософских учений конца XVIII века. Единство системы, по утверждению Фурье, является стержневым атрибутом бога (** II, 211, III, 245)³⁰. Единство же вселенной находит свое проявление во всеобщей аналогии (II, 12). Всеобщая аналогия – это связь, объединяющая совокупность системы природы (III, 133). Аналогия, таким образом, является той тайной вселенной, овладев которой, он, Фурье, сумел прийти к своему открытию (I, 200-201, III, 131-132). Аналогия – это то «главное доказательство», на которое опирается его теория (VI, 447). Аналогия не только приводит к

³⁰ В этой статье, здесь и далее, тремя звездочками мы отметили пропущенные в сохранившемся экземпляре слова. В данном случае отсутствует заглавие издания сочинений Фурье, на которое ссылается автор: *Œuvres complètes de Ch. Fourier. T. I-VI. Paris. 1841-1845.* Ссылки на это издание автором даны в тексте: римскими цифрами обозначены тома, арабскими – страницы.

открытию наличия социального кодекса, составленного богом для человека, но и указывает (по аналогии с ролью притяжения во всей вселенной) на страстное притяжение, как на ключ к раскрытию содержания с того социального кодекса, что ведет к открытию режима социальной гармонии (III, 132). Поэтому всеобщая аналогия является стержневой теорией в отношении теорий страстного притяжения и промышленной ассоциации (III, 191). Одним из частных проявлений закона всеобщей аналогии является аналогия между общественным строем людей и состоянием нашей планеты. Единство действия является целью бога, как в социальном, так и в материальном движении (VI, 85). Поэтому во время пребывания человечества в хаотических периодах дикости, патриархата, варварства и цивилизации и физическое состояние земли, по аналогии, представляет плачевное зрелище. Но положение резко изменится после перехода к гармонии. Тогда растают полярные льды и будут иметь место новые творения; появятся чрезвычайно полезные для человека контробразцы существующих в настоящее время диких и вредных животных, вода морей приобретает вкус лимонада и т.д. и т.п. Так «фантастика» Фурье вполне логично и закономерно вытекает из его общефилософских воззрений и является неотъемлемой, органической частью его системы.

Поэтому во всех своих работах, Фурье самым серьезным образом излагает свои фантазии, придавая им огромное значение. Даже в конце жизни, в журнале «Фаланстер», он в своих статьях часто нападал на своих учеников именно за то, что они пытались замалчивать его космогонические «открытия» и хотели беспринципно связать его общественное учение с «гадательными науками». Как он в действительности относился к своим «фантазиям», видно на примере из его статьи, опубликованной в «Фаланстере» 30 августа 1832 г. В статье этой, защищая свои космогонические «открытия» и полемизируя, в частности, против критиков, высмеивавших его представления

о «соляриях», он писал: «Я не хочу ничего выдумывать, так как я имею достоверные методы в деле исследования природы. Положения, которые я выдвигаю как *в отношении хода будущих творений*, так и в отношении социзтарного мира не содержат ничего произвольного; я их вывожу из точных расчетов, которые при проверке часто вынуждали меня отбрасывать то, что я раньше необдуманно принимал» (***)).

Статья эта, кстати сказать, разъясняет одно место из неопубликованной рукописи Фурье, которое приводит в своей книге о методологических и социальных концепциях Фурье: «доказательство того, что не умеют ничего изобретать. Солярии. Принимают образное в буквальном смысле». И.И. Зильберфарб приводит эту цитату, опуская, однако, слово «солярии». Между тем, упомянутая выше статья Фурье, посвященная как раз вопросу об этих «соляриях», дает совершенно ясное представление о том, что именно имел он в виду в упомянутой выше рукописной заметке. В статье этой, полемизируя с «критиками», высмеивавшими его откровения о «соляриях», он указывал, что они приписывают ему ложные представления о внешнем виде соляриев. Он утверждает лишь, что солярии имеют дополнительный орган, учетверяющий их силу, однако отнюдь не претендует дать конкретное описание этого нового органа (там же, стр. 120). Таким образом, Фурье протестовал против того, что ему приписывают ложные представления о внешнем виде «соляриев». В самое же существование «соляриев» с их новым чудодейственным органом, как и во все свои космогонические «открытия», он свято верил до конца своей жизни и не только от них никогда не отрекался, но и рьяно защищал их, кстати сказать, к величайшему конфузу своих собственных учеников.

Быть может И.И. Зильберфарб не знаком со статьей Фурье о «соляриях» и именно поэтому неправильно интерпретирует

его рукописную заметку, приводимую [Lansac]³¹. К сожалению, это не так. И цитата из книги [Lansac], и разъясняющая ее статья Фурье из «Фаланстера» приведены в книге А.Р. Иоаннисяна (стр. 212-213), с которой И.И. Зильберфарб безусловно хорошо знаком. Как же, однако, он поступает? Он берет приводимую там цитату, опускает слово «солярии» и преподносит эту цитату как доказательство того, что Фурье сам не придавал значения своей «фантастике».

То же относится и к другим цитатам из произведений Фурье, которыми И.И. Зильберфарб пытается обосновать свой тезис. Все эти цитаты произвольно вырваны им из контекста, где речь идет совершенно о другом. Так, например, он приводит высказывания Фурье о том, что его первая книга «Теория четырех движений» содержала много побочных элементов и что «это был пробный шаг, попытка пробудить внимание и позондировать расположение публики». И.И. Зильберфарб пытается создать впечатление, что эти заявления Фурье относятся к «космогоническим и прочим чудачествам, которых особенно много в его «Теории четырех движений»» (стр. 20). Все это, однако, не так, можно даже сказать как раз наоборот. Дело заключается в следующем. В своих последующих произведениях Фурье неоднократно указывал, что в момент опубликования в 1808 г. его первой книги его система еще не была им окончательно разработана. «Теория четырех движений», являвшаяся лишь «объявлением об открытии», состояла, поэтому, лишь из отдельных экскурсов, имевших целью заинтриговать публику (например, астрономов и ловеласов описанием явств и любовных утех, которыми смогут услаждать себя «гармонийцы») и не содержала цельного изложения его учения. По утверждению Фурье, «главный прогресс теории» имел место лишь между 1814 г. и 1817 г., когда окончательно

³¹ Речь идет о книге: Lansac M., Les conceptions méthodologiques et sociales de Charles Fourier. Paris. 1926.

оформляется его система. И это относится не только к деталям организации гармонического общества, но и к его натурфилософским и космогоническим «открытиям». Так, по его утверждению, лишь в это время, т.е. уже после опубликования «Теории четырех движений», он открыл «всеобщую клавиатуру творений» и «теорию аромального движения» (I, 30 прим., 318). Лишь 17 ноября 1814 г. он узнал, например, о неизбежном возвращении к земле четырех лун, путешествующих в настоящее время где-то во вселенной. Свое первое произведение он считал несовершенным и даже пытался придать забвению не потому, что там содержатся «космогонические чудачества», а наоборот, потому, что там отсутствовали еще «всеобщая клавиатура творения» и другие космогонические «открытия», которые он дополнительно излагает в своих более зрелых произведениях.

Так, путем явных переделок, произвольно вырванных из контекста цитат и замалчивания основных положений системы Фурье пытается И.И. Зильберфарб представить его «фантастику», как нечто второстепенное и случайное в его учении. Это необходимо ему для того, чтобы создать ложное представление о философских воззрениях Фурье в целом.

По утверждению И.И. Зильберфарба, метафизика Фурье, отчасти напоминающая деистические и пантеистические учения, сводится «к вере во всемогущество рационального научного познания» и сочетается с элементами монизма, детерменизма, материализма (стр. 26). Бог Фурье – «это только выражение единственного мироздания» (стр. 24); он является «одним из начал природы, слывается с ней в высшем единстве мироздания»; это «бог природа» (стр. 25).

Уже из изложенного выше видно, что бог Фурье отнюдь не является синонимом природы. Бог Фурье не может быть отождествлен с материальным миром. Бог – это начало духовное, и материальное, противостоящее материи (I, 30-31 прим., III, 265). Являясь началом активным и движущим, бог

движет и модифицирует материю (I, 31 прим.). Если бог и не создал материю, как таковую, так как он не может творить ничего из ничего (I, 97), то им, при помощи материи, создан тот конкретный мир, в котором мы живем. Поэтому Фурье, приписывая богу организацию и управление вселенной (III, 268, 341), называет его создателем ([сrйateur]) (III, 292, 300, 343, IV, 83, 219, V, 157, VI, 48, 180), единственным хозяином вселенной, единственным создателем и распределителем (VI, 352), отцом вселенной (VI, 355) и творцом природы (IV, 233). Царящая во всех явлениях вселенной закономерность, есть закономерность целесообразная, предназначенная осуществлять поставленные богом цели. Поэтому Фурье и говорит о видах и планах бога (I, 96, 282, II, 105, IV, 389, VI, 445). Человек создан по образцу бога и является его изображением ([image de Dieu]) (III, 317-318, 341, VI, 445). Одним из краеугольных камней натурфилософской системы Фурье является также «теория» бессмертия и переселения душ – метемпсихозы. Он наделяет душой не только человека, но и небесные тела, изображая их в виде живых существ.

Все эти представления, подобно «закону» всеобщей аналогии, почерпнуты Фурье у мистико-теософского течения конца XVIII в. Генезис всех этих натурфилософских и космогонических воззрений Фурье настолько ясен, что в литературе подробно выяснены даже те конкретные литературные источники, которыми он пользовался при разработке своих космогонических «теорий». И.И. Зильберфарб всячески стремится подчеркнуть отличие философских воззрений Фурье от традиционной христианской догматики. Однако это обстоятельство отнюдь не свидетельствует о его деизме и материализме. Это те отличия, которые характерны для всех вообще представителей мистико-теософского направления, в частности и для распространенного во Франции в конце XVIII в. мартинизма.

Религиозно-мистический характер философских воззрений Фурье не является необъяснимой случайностью или непонятной нелепостью. Критикуя существующий общественный строй, Фурье не видел в современном обществе реальных тенденций, ведущих к осуществлению его утопий. Это толкало его к идеализму и телеологии, к стремлению связать осуществление своей утопии с провиденциальным планом бога. Поэтому он искал основ гармонизировавшей с его мировоззрением «системы природы» в мистических и философских построениях XVIII в. Поэтому, выражаясь словами Энгельса, в его произведениях «нет недостатка в мистицизме, не менее экстравагантном, чем всякий другой» (I, 528).

Лишь последние страницы статьи (стр. 27-39) И.И. Зильберфарб посвящает своей непосредственной теме – «социальной философии» Фурье. При этом сразу же бросается в глаза одно обстоятельство. Известно, что в общественном учении Фурье большую ценность представляет прежде всего его блестящая критика современного ему капиталистического общества. Уже в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс указывали, что «важнейшая часть» идей Фурье – это часть критическая (Сочинения, 1-ое издание, IV, 508). В «Анти-Дюринге» и в «Развитии социализма от утопии к науке» Энгельс, говоря о системе Фурье, подчеркивает в первую очередь именно эту сторону его учения: «Если гениальная широта взглядов Сен-Симона позволила ему уловить зародыши всех позднейших социалистических идей, не относящихся к области чистой экономики, то Фурье со своей стороны дает нам глубоко захватывающую критику существующего общественного строя, выраженную при этом с чисто французским остроумием» (XIV, 262). О «блестящей остроумной критике», которой Фурье подвергает существующие социальные отношения, о «блестящих сатирах Фурье на буржуазные условия жизни» (V, 46) Энгельс упоминает неоднократно. Противопоставляя Оуэну именно Фурье, Маркс подчеркивает «превосходство французов» в критике

общества (III, 673). Между тем, излагая общественную теорию Фурье, И.И. Зильберфарб совершенно не останавливается на этой самой сильной стороне его учения. Он рассматривает лишь в суммарном виде его «социальный идеал».

Известно, что строя свой идеал «гармонии», Фурье развил и обосновал целый ряд гениальных идей, прочно вошедших в последующие социалистические системы. Он первый провозгласил «право на труд». Он дошел и до идеи свободного труда, труда наслаждения. Он провозгласил также замену в условиях нового общественного строя конкуренции соревнованием. Он пришел, наконец, подобно Оуэну, к идее ликвидации противоположности между городом и деревней. Не менее замечательны и его взгляды на воспитание, а также его требования эмансипации женщины.

Излагая эти общественные истины, И.И. Зильберфарб пытается, однако, представить в то же время как положительные все вообще идеи Фурье о будущем обществе, даже такие, которые таковыми отнюдь не являются. Так, например, к числу «важных проблем социализма», которые ставит Фурье, он причисляет и «утверждение свободы любви» (стр. 33). Та «свобода любви», которую вводит Фурье в своих фалангах — с его «вакханками» и случайными, мимолетными половыми связями, не имеет ничего общего с действительной социалистической моралью и не может быть признано ценным «вкладом» в социалистическую теорию. Нельзя, конечно, теорию «страстей» Фурье трактовать как психологию общественного человека-производственника, психологию трудового коллектива» (стр. 29), «своеобразную психологию коллективного труда и быта» (стр. 31).

Но это лишь полбеда. Беда заключается в том, что И.И. Зильберфарб, излагая общественный идеал Фурье, скрывает от читателя его слабые стороны и имеющиеся в нем противоречия. Известно, что в фалангах Фурье сохраняется частная собственность в виде акционерного капитала и имеются не

только трудящиеся, но и капиталисты; известно, что лишь $5/12$ дохода фаланги приходится на долю труда и $3/12$ – на долю таланта; $4/12$ этого дохода приходится на долю капитала. Капиталист может жить в фаланстере и вовсе не работая, а лишь получая дивидент на вложенный им капитал. Поэтому в той самой статье Энгельса, из которой И.И. Зильберфарб заимствует термин «социальная философия» и на которую он ссылается для обоснования особой роли Фурье в истории социализма, сказано по поводу фаланстера следующее: «Таким образом, после всех прекрасных теорий об ассоциации и свободном труде, после пространных, полных негодования тирад против торговли, своекорыстия, конкуренции, мы на деле имеем старую систему конкуренции на улучшенных началах, бастилию для бедных на более либеральных основах» (I, 529). Сказано, конечно, чересчур резко. Но Энгельс здесь справедливо указывает на то, по его словам, основное противоречие, которое имеется в учении Фурье. Это противоречие, эти слабые, с нашей точки зрения, стороны общественной теории Фурье различные исследователи могут, конечно, интерпретировать и объяснять по-разному. Но совершенно замалчивать их, как это делает И.И. Зильберфарб, это значит сознательно прикрашивать общественный идеал Фурье, т.е. фальсифицировать его, что совершенно недопустимо для исследователя.

Последние страницы своей статьи И.И. Зильберфарб посвящает другому вопросу. «Необходимо, наконец, – пишет он, – остановиться на мало известных и нередко превратно представляемых взглядах Фурье по вопросу о путях к грядущему «строю гармонии» (стр. 35). Излагаемые им далее на стр. 35-38 представления Фурье о переходном периоде «гарантизма» (кстати Фурье говорит о двух периодах – «гарантизме» и «социантизме») и о возможности и желательности непосредственного перехода к гармонии являются общеизвестными. Можно опять-таки лишь удивляться поразительной

смелости автора, который не смущаясь преподносит читателю, как новое откровение, то, что не только подробно изучено и изложено в посвященной Фурье специальной литературе, но и что можно найти даже в любом учебнике.

Действительно «оригинальными» являются заключительные рассуждения автора (на стр. 38-39) в связи с некоторыми высказываниями Фурье о возможности применения принуждения для создания гармонического общества. И.И. Зильберфарб пытается здесь внушить читателю мысль, что Фурье являлся сторонником «исторически оправданного революционного насилия, ведущего к строю гармонии», хотя и не дошел до понимания «исторической роли пролетариата, как носителя социальной революции» (стр. 39). Трудно представить себе нечто более неприемлемое, чем попытка изобразить Фурье в роли революционного идеолога. Всю жизнь Фурье был решительным противником революции и революционной борьбы. Как неоднократно отмечали классики марксизма-ленинизма, он типичный представитель тех социалистов-утопистов, которые мечтали осуществить свои идеалы мирным путем, без всякой политической революции, без всякого насильственного ниспровержения существующего политического и общественного строя. Всю жизнь он возлагал свои надежды на сильных мира сего, которых и призывал, в их же интересах, осуществить предложенные им проекты. Он начал особые часы для приема тех властелинов и богачей, которые заинтересуются его планами и т.д. В тех высказываниях Фурье, на которые ссылается И.И. Зильберфарб, речь идет лишь о следующем: Фурье указывал, что существующие правительства и правительственные власти (и прежде всего такие диктаторы, как Наполеон или парагвайский диктатор Франсиа) поступили бы разумно, если бы использовали свою власть, чтобы содействовать организации фаланг, тем более, что при гармоническом строе их честолюбие и

стремление к славе было бы гораздо лучше удовлетворено, чем оно может быть в условиях цивилизации.

Вывод ясен. И.И. Зильберфарб идеализирует и модернизирует учение Фурье, начиная с его натурфилософских воззрений и его «фантастики» и кончая его общественными идеалами. В этих целях он прибегает к прямому искажению его взглядов, или совершенно умалчивая о слабых сторонах его учения, или представляя их в приукрашенном и соответствующим образом «исправленном» виде. В то же время, вопреки прямым указаниям классиков марксизма-ленинизма, он не разбирает и не анализирует §важнейшую часть идей Фурье|, его общественную критику. «Новые» же проблемы, которые он выдвигает (приписывая себе постановку этих вопросов) на самом деле уже давно поставлены и разрешены в посвященной Фурье литературе.

Изучение Фурье и фурьеризма представляет большой интерес для истории социалистических идей. Требуются усилия еще многих и многих исследователей, чтобы разрешить целый ряд важных и действительно еще неизученных вопросов, чтобы более глубоко осветить различные стороны учения Фурье. В процессе этого изучения отдельные исследователи могут, конечно, иметь разногласия, полемизировать друг с другом и давать различные оценки тем или иным положениям и идеям Фурье. Но предпосылкой для такой научной дискуссии является правильное и добросовестное изложение самого учения Фурье, с его сильными и слабыми сторонами, без какого-либо искажения его взглядов, без их идеализации и модернизации. К сожалению, статья И.И. Зильберфарба не отвечает этому основному требованию.

А.Р. Иоаннисян
21 декабря 1955 г.

О ТРУДАХ А.З. МАНФРЕДА, ВЫДВИНУТЫХ НА СОИСКАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР³²

Труды А.З. Манфреда, выдвинутые на соискание Государственной премии СССР, прекрасно проанализированы в «аннотации» заведующего сектором новой истории стран Европы Института всеобщей истории АН СССР доктора исторических наук Е.Б. Черняка³³. Я всецело присоединяюсь к оценке этих трудов, данных Е.Б. Черняком.

Поэтому, чтобы не повторяться, хочу сказать лишь несколько слов о месте А.З. Манфреда в советской исторической науке. Еще до Октябрьской революции «русская школа» по истории Франции получила всемирную известность. Последним выдающимся представителем этой школы был академик Е.В. Тарле, который стал и первым крупнейшим советским историком, значительная часть трудов которого была посвящена французской тематике. Его капитальные труды «Континентальная блокада», «Рабочий класс во Франции в эпоху революции», «Рабочий класс во Франции в первые времена машинного про», «Жерминаль и прериаль», «Наполеон», «Галейран» и др. получили мировую известность.

Казалось, что после Е.В. Тарле было крайне трудно продолжить на должном уровне изучение новой истории Франции. Но эту трудную задачу с честью выполнил его любимый ученик А.З. Манфред. В своих трудах А.З. Манфред, последовательно применяя уже марксистско-ленинскую методологию, изучил целый ряд важнейших узловых проблем французской истории. Прежде всего это цикл работ,

³² НА РА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 70. Л. 2-4. Машинопись, копия. Сохранился и рукописный оригинал. Там же. Л. 1. Точную дату документа, оставленного в начале 1980-х гг., установить нам не удалось.

³³ Е.Б. Черняк занимал эту должность в 1979-1990 гг.

относящихся к эпохе Французской революции. А.З. Манфред – мастер исторического портрета. Через жизнь и деятельность отдельных выдающихся личностей он всесторонне и глубоко раскрывает самую суть изучаемой им эпохи. Так, описывая становление молодого Руссо, он фактически дает развернутую характеристику левого крыла французского Просвещения. Так, набрасывая портрет Мирабо, он характеризует общественно-политические установки буржуазной верхушки и либерального дворянства в первые годы революции. Так, изучая жизнь и деятельность Марата и Робеспьера, он ставит и решает ряд важнейших проблем якобинства и роли народных масс в революции. К этому же циклу работ относится и его монография о Наполеоне. Научные интересы А.З. Манфреда были тесно связаны с изучением социальных движений во Франции в XIX веке, о чем свидетельствуют его труды по истории Парижской Коммуны. Особо следует отметить громадную исследовательскую работу, проделанную А.З. Манфредом по изучению исторических и культурных связей между Францией и Россией, а затем между Францией и Советским Союзом. Тема эта носит сугубо актуальный характер.

Работы А.З. Манфреда можно, по внешним признакам, разделить на две категории. С одной стороны, у него имеются солидные «академические» исследования, в традиционном смысле этого слова. Такова, например, его докторская диссертация «Внешняя политика Франции 1871-1891 гг.», опубликованная еще в 1952 году, а также представленная на соискание Государственной премии монография «Образование русско-французского союза». В то же время у него имеются работы, написанные в ином плане, вроде его известной книги «Наполеон Бонапарт». Внешне это популярное, доступное всем увлекательное изложение жизни и деятельности Наполеона, которое читается легко, как художественное произведение. Но это только внешне. По существу же это тоже глубоко оригинальный исследовательский труд, основанный на

громадной источниковедческой базе, от архивных источников до мемуаров современников, и по новому освещающий многие аспекты биографии Наполеона, особенно первого периода его жизни, и историю той эпохи. И в этом отношении А.З. Манфред – достойный ученик Е.В. Тарле³⁴. Трудно называть другого советского историка, который обладал бы таким же даром преподносить широким кругам читателей результаты своей кропотливой исследовательской работы в общедоступной, художественной форме. Этим и объясняется необычная популярность его книги, публикуемой все новыми и новыми изданиями.

Ценные труды А.З. Манфреда, обеспечившие ему почетное место в советской исторической науке, безусловно заслуживают присуждения ему, посмертно, Государственной премии СССР.

А.Р. Иоаннисян
Доктор исторических наук

³⁴ Об особенностях подходов Е.В.Тарле и А.З.Манфреда в интерпретации ключевых проблем истории Французской революции и деятельности Наполеона см.: Рубинский Ю.И. А.З. Манфред и Франция // Французский ежегодник – 2006. Наполеон и его время. К столетию А.З. Манфреда (1906-1976). М. 2006. С. 37-44; Гордон А.В. А.З. Манфред – биограф Наполеона (советская наполеонистика от 1930-х к 1960-м) // Там же. С. 50-66.

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ

К ИСТОРИИ ПРОНИКНОВЕНИЯ ИДЕЙ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА НА ВОСТОК³⁵

Для европейских мыслителей XVIII столетия Восток являлся воплощением политической и культурной отсталости, господства невежества, религиозного изуверства, тирании и деспотизма. Это представление было особенно ярко изложено и обосновано в произведениях Монтескье, Вольтера и других просветителей XVIII века. Политический строй, существовавший в странах Востока – восточный деспотизм, противопоставлялся ими не только конституционно-парламентским порядкам в Англии, но и европейскому абсолютизму, поскольку последний, при всей самодержавной власти государей, все же допускал известную законность, существование определенных правовых норм, а также наличие различного рода представительных учреждений, хотя бы сословных.

Действительно, в силу замедленных темпов социально-экономического развития, восточные страны и, прежде всего, страны Ближнего и Среднего Востока, и экономически, и политически значительно отставали в то время от Европы. Примитивные формы земледелия и средневековое ремесло, отсутствие единого национального рынка, отсталые феодальные отношения не только в деревне, но и в городе, отсутствие сколь либо оформившегося класса городской буржуазии, сложившегося в Европе еще в средние века – все это

³⁵ НА РА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 55. Л. 1-19. Машинопись, копия. Статья не датирована. Сноски автора, несмотря на наличие нумерации (в общей сложности 14), тем не менее, не сохранились.

обуславливало господство в восточных странах феодально-деспотических порядков. Начавшиеся в XVII-XVIII вв. Экономическое и политическое проникновение на Восток европейцев лишь содействовало дальнейшему упадку этих стран. Колониальная политика европейских держав, еще более подрывавшая хозяйство восточных государств, усиливала их социально-экономическую отсталость и закрепляла господствовавшие в них феодальные порядки и деспотический строй.

В этих условиях, в странах Востока не было предпосылок для осуществления политических реформ, а тем более для введения конституционного строя, для создания и развития парламентских учреждений. В своих воспоминаниях, английский посол в Иране Гарфорд Джонс рассказывает, как еще в 1810 г. Фехт-Али шах, расспрашивая его об английском политическом строе и всячески высмеивая этот строй, упоминал о созыве «парламента в Тегеране», как о совершенно невероятном, фантастическом событии, о котором можно говорить лишь в порядке шутки.

Было бы, однако, не правильно полагать, что идеи конституционного строя и представительных учреждений проникают на Восток лишь со второй половины, в лучшем случае с середины XIX века. Резкую критику деспотизма и самодержавия, активную пропаганду идей парламентаризма и даже первый конкретный и детальный проект конституционно-парламентского строя мы встречаем там еще во второй половине XVIII столетия. Конституционно-парламентские порядки пропагандируются впервые на Востоке группой передовых армянских буржуазных деятелей. Объяснялось это тем специфическим положением, в котором находился в ту историческую эпоху армянский народ – положение, которое и обусловило возможность возникновения в его среде, еще в 70-х-80-х годах XVIII столетия, планов буржуазно-демократических реформ и установление конституционно-парламентского строя.

В XVIII столетии Армения находилась под владычеством двух отсталых восточных держав – Оттоманской империи и Ирана. Армяне, как и другие подвластные народы, были лишены не только каких-либо гражданских прав, но и элементарных гарантий личной и имущественной безопасности. Армянский «райя» подвергался самой беспощадной и ни чем не ограниченной эксплуатации. В XVIII веке положение армянского народа было еще более тяжелым, чем в предыдущие века. Упадок Оттоманской империи привел к усилению произвола пашей и курдских феодалов, от которого страдало подвластное армянское население. Распад Иранского государства (после афганского нашествия и вторично после смерти Надира) и последовавшие затем феодальные смуты и междоусобные войны принесли неисчислимые бедствия населению Восточной Армении.

В этих условиях усилилась эмиграция с территории Турции и особенно Ирана. Это привело к росту старых и созданию новых армянских колоний в различных странах Европы и Азии. Армянские колонии имелись во Франции, Италии и других западноевропейских государствах. Многочисленное армянское население проживало на территории России, где армяне пользовались льготами и привилегиями. Кроме армянских колоний в Петербурге, Москве, Астрахане, имелись многолюдные армянские поселения на Северном Кавказе. В 1779 г. у устья Дона был основан заселенный армянами город – Нор Нахичевань, получивший особое самоуправление.

Другим центром армянских колоний являлась Индия. Армяне, выходцы из Ирана, проживали в Калькутте, Мадрасе и прочих индийских городах.

В армянских колониях росла и усиливалась армянская буржуазия. Армянские негоцианты играли видную роль в русской восточной торговле. Многие армянские богачи, обосновавшиеся в России, основывали мануфактуры и заводы,

превращаясь в крупных предпринимателей. Одновременно усиливалась армянская буржуазия и в Индии, издавна связанная с Ост-Индской компанией.

Армянские колонии становятся крупными культурными центрами. Армяне проживавшие в России, Западной Европе, а также в Индии, быстро приобщаются к европейской культуре, изучают иностранные языки, знакомятся с европейской наукой, литературой, искусством. Появляется уже и армянская интеллигенция, получившая образование в учебных заведениях России и западноевропейских стран.

XVIII век, особенно его вторая половина, период значительного оживления культурной жизни армянского народа. Быстро развивается армянское книгопечатание, основы которого были заложены еще в XVI столетии. Если в предыдущий период печатались в основном книги религиозного характера, то теперь издавались уже и книги светского содержания, в том числе различного рода учебники и научные исследования. Печатались труды по математике, естествознанию, географии, медицине, как переводные, так и оригинальные. Большую культурную работу проводила, в частности, обосновавшаяся в Венеции Конгрегация Мхитаристов, среди которых имелись крупные ученые. Мхитаристы публиковали тексты древнеармянских историков, переводы с европейских языков, филологические и исторические труды. Ими был опубликован толковый словарь и грамматика армянского языка. В 1784-1786 гг. в Венеции вышел в свет трехтомный капитальный труд Чамчяна «История Армении». Чамчян использовал все доступные ему источники – работы греческих, римских и армянских историков, памятные записи рукописей, архивные материалы. Произведение Чамчяна было первым серьезным обобщающим трудом по истории Армении, стоявшем на уровне современной ему европейской исторической науки.

Общий культурный подъем, распространение образования и научных знаний, ознакомление с европейской культурой не могли не содействовать проникновению в армянское общество передовых идей европейского просветительства. Разумеется, идеи эти проникали лишь в ту социальную среду, которая могла быть к ним восприимчива. Клерикальные круги, даже хорошо знакомые с европейской культурой и наукой, вроде тех же Мхитаристов, не могли, конечно, явиться носителями этих передовых общественных воззрений. Идеи эти воспринимались и усваивались передовой частью армянской буржуазии и армянской буржуазной интеллигенции, заинтересованной в ликвидации феодальных отношений.

Передовые армянские буржуазные политические деятели и мыслители являлись одновременно выдающимися представителями и идеологами армянского освободительного движения, посвятившими свою жизнь борьбе за освобождение армянского народа от ига феодальных восточных деспотий. Армянское освободительное движение было порождением не теории, а практики; оно диктовалось самой жизнью и было обусловлено тяжелым положением армянского народа. Но европейская просветительская философия давала передовым армянским деятелям идейное оружие для обоснования необходимости и справедливости этой освободительной борьбы.

Одним из основных центров армянского освободительного движения 70-х-80-х годов XVIII столетия являлся г. Мадрас в Индии. Здесь вокруг богатого негодичанта Шаамира Шаамиряна группировались видные армянские буржуазные деятели и представители интеллигенции, в том числе Иосиф Эмин, получивший образование в Англии и посвятивший многие годы жизни борьбе за освобождение армянского народа, а также его долголетний соратник, выходец из России, Мовсес Баграмян. Кружок Шаамиряна вел активную пропаганду просветительных и освободительных идей. В основанной Шаамиряном в Мадрасе армянской типографии печатались произведения,

пропагандировавшие передовые идеи европейского просветительства, патриотизм и свободолюбие.

В вышедшем в свет в 1773 г. произведении Баграмяна – «Новая книга, называемая увещанием», в опубликованной в 1792 г. на английском языке автобиографии Эмина и в других своих работах члены мадрасского кружка резко критиковали деспотизм и противопоставляли ему идеал конституционного строя, основанного на представительных учреждениях. Баграмян считал одной из главных причин падения армянской государственности самодержавие армянских царей и князей, правивших подобно восточным деспотам. Деспотизм же, указывал он, является пагубной для государства и общества формой правления. Необходимо, чтобы нерушимая конституция и неизменные законы навеки поставили власть в зависимость от выборов советников и палат. Подобно тому, как свод, опирающийся на многочисленные колонны, не рухнет, даже если рухнет одна из них, так и государство прочно, если не зависит от прихоти одного лица. Эмин также считал, что политический строй, основанный на угнетении и насилии, является противоестественным и ведет к самым пагубным последствиям.

Члены мадрасского кружка занимались не только литературно-пропагандистской, но и активной политической деятельностью, направленной на освобождение армянского народа. Они поддерживали в этих целях связь с армянскими католикосами в Эчмиадзине, с армянскими меликами (полунезависимыми армянскими князьями в Закавказье), с грузинским царем Ираклием II, а также с Г.А. Потемкиным и другими русскими государственными деятелями, поскольку они сознавали, что в сложившихся исторических условиях реальной силой, способной освободить армянский народ от ирано-турецкого ига, была лишь «великая северная держава». Мечтая о воссоздании армянского государства, члены мадрасского кружка разработали подробный проект конституции

независимой Армении, изложенный в книге под названием «Западня честолюбия».

Произведение это писалось долго. Начатое в 1773 г., оно было закончено лишь в начале 80-х годов и напечатано в 1788-1789 гг. Работа эта была продуктом коллективного творчества. В ней принимали участие как сам Шаамирян, так и Баграмян, а возможно и Эмин. Она являлась своего рода политической программой, разработанной всем кружком Шаамиряна.

«Западня честолюбия» начинается с обзора армянской истории, причем сразу же делается вывод, что именно самодержавная власть царей причинила Армении «безграничный ущерб» и содействовала ее порабощению. Поэтому не следует допускать, чтобы впредь среди армян появились цари или другие лица, облеченные самодержавной властью. Сам народ должен быть собственным царем и управлять своей страной. Люди рождаются равными и должны оставаться свободными. Над ними не должен властвовать никто, кроме закона: в самой природе царит закономерный порядок. Такие же нерушимые, неизменные законы, соответствующие человеческой природе, должны царить и в обществе. Все должностные лица должны быть слугами страны, слугами народа. Закон должен обеспечивать всем личную и имущественную безопасность; каждый должен быть уверен, что он хозяин своего имущества и что никто не имеет право сорвать хотя бы волос с его головы иначе, как по приговору суда.

В книге приводятся исторические примеры, иллюстрирующие преимущество строя, основанного на законности, и пагубность деспотизма. В этой связи дается обзор римской истории, цель которого показать, в духе распространенных в XVIII веке представлений, как процветал Рим при республике и как погубила его впоследствии тирания. В качестве образца современного государства, где царит закон, приводится пример Англии, короли которой всегда руководствуются именем парламента. Авторы книги с величайшим сочувствием отзываются о

борьбе американских колоний за независимость. Свобода – высшее благо. Желание американцев во главе с «мудрым Вашингтоном» освободиться от британского владычества вполне естественно, «так как для человека нет на земле ничего слаще свободы».

Вторая часть «Западни честолюбия» содержит проект законодательства независимого армянского государства, а именно свод законов, состоящий из 521-го параграфа.

Государственный строй, предусмотренный этим проектом, основывается на принципе, что вся власть исходит от народа и что должностные лица являются лишь народными уполномоченными. Каждый должен быть убежден, что власть правителей исходит от граждан, которые дали им власть не для того, чтобы они управляли народом по своему произволу, а для того, чтобы они осуществляли закон (§ 43).

От каждой области, насчитывающей до 12000 домов, выбирается по два уполномоченных, доверенных лица. Выборы эти производятся следующим образом. В каждом населенном пункте избирается один представитель. Из числа этих представителей, путем жребия, избираются двое, которые становятся доверенными лицами всего населения области. Срок их полномочий – три года. По истечении этого срока их полномочья, по воле народа, могут быть продлены на новый трехлетний период или же они могут быть отстранены и заменены другими (§§ 14, 15). Уполномоченные получают ежегодно определенное жалованье, дабы они были независимыми, не имели никаких забот и думали лишь о благе страны и народа (§§ 14, 232). В случае смерти или проступка доверенного лица на его место, еще до окончания трехлетнего периода, избирается другой (§ 93).

Высшим законодательным органом страны является парламент, который именуется «армянской палатой» (пбхЭЭ СІЫбу). Члены «армянской палаты» называются «танутерами». Из двух уполномоченных каждой области один становится

танутером, другой же должностным лицом. Таким образом, половина уполномоченных становится членами «армянской палаты», половина же – должностными лицами (§§ 14, 19). Народ является, следовательно, источником как законодательной, так и исполнительной власти.

Из числа всех доверенных лиц избирается, путем жребия, первый танутер (§§ 35, 36), который, в свою очередь, избирает из числа уполномоченных второго, третьего и четвертого танутеров и приводит их к присяге (§§ 40, 41, 42, 44). Затем эти последние выбирают из двух уполномоченных каждой области по одному танутеру (§ 45). В состав парламента входит и епископ – представитель католикоса и армянской церкви, получающий два голоса (§§ 12, 13, 40). Срок полномочий всех танутеров – три года.

Так формируется армянский парламента, заседающий в особой палате в столице государства (§ 234). «Армянская палата» является высшей властью в стране, она истинный государь Армении (§ 235). Она обсуждает и издает законы. Обсуждение каждого закона происходит трижды, причем любой танутер может свободно высказывать свое мнение и говорить за или против законопроекта. Затем производится голосование и решение принимается простым большинством голосов (§ 17). «Армянская палата» выбирает также представителей исполнительной власти и должностных лиц (§ 18), которые обязаны приносить ему присягу на верность (§ 98). Назначение на низшие должности производятся первыми тремя танутерами (выполняющими как бы роль президиума), высшие же должностные лица назначаются при участии всех танутеров (§§ 46, 47).

После сформирования «армянской палаты» танутеры, совместно с остальными уполномоченными, избирают из своей среды 13 человек, из которых путем жребия выбирается глава исполнительной власти – «нахарар»; остальные же становятся членами действующего при нем совета (§ 49). Нахарар

избирается сроком на три года, члены совета – пожизненно (§§ 20, 21, 49).

Нахарар – первое должностное лицо и первый «слуга» государства. Он управляет страной «согласно армянским законам и согласно повелениям армянской палаты». Он является верховным главнокомандующим и по полномочию «армянской палаты» объявляет войну и заключает мир. Он имеет право помилования, если только помилование того или иного преступника явно не противоречит воле палаты. Он не имеет права ни сам нарушать законы, ни допускать нарушения таковых. Все распоряжения нахарара утверждаются состоящим при нем советом (§ 92). На совет этот возлагается обязанность строго блюсти законы и согласовывать с ними каждый государственный акт (§ 58). В случае смерти нахарара или отстранения его от должности из-за проступка, его место занимает первый по рангу член совета (§ 94).

Одновременно в проекте предусматривается и другой вариант, в случае, если какой-либо потомок царствовавших в Армении династий, в частности, династии Багратидов, изъявит желание стать армянским нахараром. Если такой претендент выразит готовность ограничить свою власть указанными выше пределами и даст обязательство подчиняться издаваемым «армянской палатой» законам, то он может быть провозглашен пожизненным нахараром (§ 52). В таком случае нахарарское достоинство должно стать наследственным (§§ 53, 55), причем не только сам нахарар, но и члены его семьи должны получать от «армянской палаты» определенное годовое содержание (§ 57), а его сыновья, кроме того, будут иметь возможность занимать некоторые государственные должности (§ 56). Все это, однако, не расширяет полномочий нахарара и не лишает палату права отстранять его от должности, в случае какого-либо проступка (§ 52). Кроме того предусматривается, что члены совета при таком наследственном нахараре должны быть не пожизненными, а избираться сроком на три года (§ 54).

Кроме нахарара и членов совета, парламент выбирает из состава уполномоченных и целый ряд других высших должностных лиц. Во главе отдельных отраслей управления стоят по три высших должностных лица, также избираемых палатой. Палата назначает из числа народных уполномоченных и местные власти (§§ 22, 23, 24, 25, 26, 30, 31, 32, 59, 60, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 485, 486, 511, 518 и др.).

Все граждане Армении, независимо от национального происхождения и пола, являются свободными, никому не подвластными (§ 2). Они полные хозяева своего имущества и обязаны подчиняться лишь законам и выплачивать законные налоги (§ 10). Ни одно должностное лицо не имеет права силой врываться в чужой дом (§ 185). Каждый может подавать в суд жалобу на всех, вплоть до нахарара (§ 143). Каждый человек может свободно думать, говорить и действовать, подвергаясь наказанию, в случае плохого поведения, лишь по приговору суда (§§ 394, 500).

Целый ряд параграфов специально посвящен суду и судопроизводству. Аресты производятся по распоряжению судьи, причем, в случае незначительных проступков, обвиняемые могут оставаться до разбора дела на свободе, представив поручителей (§ 503). Вопрос о предании суду решается особой коллегией присяжных. На судебном процессе оглашается обвинительное заключение, производится допрос обвиняемого, заслушиваются показания свидетелей и выступления адвокатов. Приговор выносится другой коллегией присяжных (§§ 505, 506, 507). Судебные сессии происходят четыре раза в год (§ 509).

Таков, в основных чертах, проект конституции армянского государства, изложенный в «Западне честолубия».

Первая историко-теоретическая часть этого произведения написана под очевидным влиянием английской конституционной теории. Прямое или косвенное влияние учения Локка вряд ли подлежит сомнению. Стоит только

сравнить параграфы 137, 138, 142, 175-196, 199-210 второго «Трактата о правительстве» Локка со вступительной статьей «Западни честолюбия», чтобы сразу убедиться в этом. Осуждение «абсолютной произвольной власти» и тирании, требование управления согласно «установленным неизменным законам», служащим «благу народа», гарантия личной и имущественной неприкосновенности – все это руководящие идеи выдающегося теоретика английского конституционного строя. Учение Локка было особенно привлекательно для армянских просветителей-патриотов, так как оно одновременно обосновывало справедливость и законность национально-освободительного движения. В специальном разделе, озаглавленном «О завоевании», Локк отрицал право завоевателя на власть над покоренными и обосновывал право потомков этих последних сбросить чужеземное иго. В этой связи он прямо ссылаясь на пример «греческих христиан», имеющих право сбросить турецкое иго при первой же возможности. Идеи эти, вытекавшие из учения о законной власти и тирании, служили для передовых армянских буржуазных деятелей и просветителей XVIII столетия теоретическим обоснованием их освободительной программы.

Государственный строй Армении, описываемый во второй части «Западни честолюбия», является буржуазной республикой. Правда, одновременно делается оговорка относительно возможности установления пожизненного и наследственного нахарарства, т.е. конституционной монархии. Однако и во втором случае функции и права нахарара ничем не отличаются от функций и прав выборного нахарара – президента республики и, следовательно, второй вариант не меняет сущность конституционного строя, описываемого в этом проекте.

Строй этот основан на принципе народного суверенитета и всевластия парламента. Он ликвидирует феодальные порядки, упраздняет сословные привилегии, крепостничество и другие

формы феодальной зависимости и устанавливает буржуазные имущественные отношения. Он гарантирует всем гражданам личную и имущественную неприкосновенность, обеспечивает законность и правильное судопроизводство.

При анализе проекта конституции, изложенного в «Западне честолюбия», бросается в глаза сходство многих предусмотренных там установлений с английским государственным строем и английской конституционной практикой XVIII столетия.

Совет при нахараре во многих отношениях выполняет функции английского кабинета, санкционируя действия нахарара, скрепляя подписанные им бумаги и отвечая перед парламентом за строгое соблюдение законов. Подобно английскому парламенту, «армянская палата» должна трижды обсуждать законопроекты перед тем, как их принять. Должность «начальника больных и бедных» (еїп пПісіу Ё іХці-піу) предусмотренная в проекте, соответствует одной из должностей английского общинного самоуправления той эпохи, а именно Overseer of the Poor. Солдаты набираются в армию по жребию, как набиралась в Англии милиция графств.

Принципы английской судебной практики можно легко обнаружить в тех параграфах проекта, которые предусматривают, что аресты производятся по распоряжению судей и что в случае незначительных проступков обвиняемые могут до суда оставаться на свободе, представив поручителей. Должность «главного судьи» (ЩіЫс №іпхбс) соответствует английскому Chief Justice. Суд присяжных и вся судебная процедура также скопированы с английского образца. При рассмотрении уголовных дел предусматривается наличие двух категорий присяжных: присяжных, решающих вопрос о предании суду («большое жюри» по английской терминологии), и присяжных, выносящих вердикт (т.е. «малое жюри»). Совещания присяжных происходят в особых помещениях, причем, согласно английской практике, присяжные не имеют

права общаться с кем бы то ни было и не получают пищи до того, как не придут к единогласному решению. Наконец, трехмесячные судебные сессии, предусмотренные в проекте, являются ничем иным, как английскими *quarter sessions*.

Наибольшее отличие рассматриваемого проекта от английской конституции заключается, на первый взгляд, в системе выборов депутатов и должностных лиц, при которой широко применяется жеребьевка. Хотя все это, безусловно, отличается от практиковавшейся в Англии системы избрания депутатов в парламент, не следует, однако, забывать, что выбор посредством жребия различных доверенных и должностных лиц также заимствован авторами проекта из английской действительности того времени.

Английские юристы и праведы XVIII столетия характеризовали современную им английскую конституцию как совокупность трех систем самоуправления: прямого самоуправления посредством общих собраний граждан, управления «в порядке очереди» путем жеребьевки, и, наконец, управления путем представительства, посредством избрания депутатов. Если последняя система применялась при выборах в парламент, то образцом первого рода самоуправления считалось общее приходское собрание граждан (*Vestry Meeting*). Но одновременно с этим очень большое распространение имел и второй вид самоуправления. В принципе считалось, что все жители прихода должны были выступать в роли законодателей или должностных лиц, занимая поочередно те или иные приходские должности. Хотя, фактически, права эти принадлежали обычно узкому кругу местной аристократии и зажиточных фермеров, но самый принцип избрания доверенных и должностных лиц, путем жеребьевки широко применялся на практике. Путем жребия избирались, в частности, различного рода присяжные, выполнявшие не только судебные, но и некоторые административные функции. А наличие института присяжных английские праведы того

времени, вроде Блекстона, считали основой английского государственного строя.

* * *

Шаамирян и его единомышленники всячески пропагандировали разработанный ими проект конституции и стремились претворить его в жизнь. Еще в 1774 г. они отправили католикосу Симеону длинное послание, в котором излагали свой проект политического устройства армянского государства. Те же идеи Шаамирян излагал в письме к гандзасарскому католикосу Ованесу от 15 января 1779 г. Рукописные списки «Западни честолюбия» были разосланы, еще до опубликования этого произведения, ряду лиц, в том числе новому армянскому католикосу Гукасу, главе армянской церкви в России архиепископу Иосифу Аргутинскому, а также грузинскому царю Ираклию II. Вместе с рукописью «Западни честолюбия» Шаамирян отправил Ираклию 15 октября 1787 г. длинное послание, в котором подробно обосновывал преимущества конституционного строя. Он предлагал царю осуществить в Грузии проект образцового законодательства, представленный на его рассмотрение, так как только такие политические порядки, основанные на нерушимых законах, могут сделать государство счастливым и могущественным.

Одновременно, в 1786 г., Шаамирян представил русскому правительству проект армяно-русского договора о создании, под протекторатом России, армянского государства, управляемого «армянской палатой» и возглавляемого нахараром. Согласно этому проекту Российская империя признавала «армянскую палату», т.е. армянский парламент – государем Армении. Проект армяно-русского договора предусматривал, таким образом, введение в действие конституции, разработанной мадрасским кружком.

Все эти усилия передовых армянских деятелей добиться реализации их политической программы не могли, разумеется, дать положительных результатов.

Царское правительство, действительно, проектировало в те годы, наряду с установлением протектората над Грузией (по Георгиевскому договору 1783 г.), создание на территории Закавказья подвластного России армянского государства. В этих целях Потемкин и другие царские сановники поддерживали связь и вели переговоры с влиятельными армянскими деятелями, в том числе с Шаамиряном и его единомышленниками. Все эти планы не были, однако, осуществлены в силу сложившейся международной обстановки и новой войны с Турцией в 1787 г., вынудившей царское правительство вывести, на время, свои войска из Грузии. Но, само собой понятно, что даже в случае осуществления намеченных царским правительством планов, полной утопией было рассчитывать на установление буржуазно-конституционного строя в подвластном царской России армянском государстве, где к тому же не было для этого и необходимых социально-экономических предпосылок.

Грузинский царь Ираклий II, заинтересованный в привлечении в Грузию капиталов армянских богачей, проживавших в Индии, со своей стороны поддерживал связь с Шаамиряном. Он отправлял к нему своих представителей, даровал ему княжеское достоинство и даже подарил населенную армянами область Лори. Но, конечно, о введении в его царстве конституционных порядков также не могло быть речи. Как и в других восточных странах того времени, в Грузии, где царил феодально-крепостнический строй, тоже не было для этого необходимых социально-экономических и политических условий.

Проект конституции, разработанный передовыми армянскими буржуазными деятелями, оставался, и не мог не оставаться, только проектом. Шаамирян и его единомышленники имели возможность осуществить свои

политические идеи лишь в самых скромных, миниатюрных масштабах. Ими был составлен устав самоуправления армянской колонии в Мадрасе, основанный на тех же буржуазно-демократических принципах, предусматривавший всеобщее избирательное право, выборность должностных лиц, невмешательство духовенства в светские дела. Устав этот применялся на практике. Таким образом, конституционные идеи, изложенные в «Западне честолюбия», нашли свое практическое воплощение лишь в организации внутреннего самоуправления одной из армянских колоний.

Все это, однако, не умаляет исторического значения проекта конституции, разработанного в Мадрасе в 70-х-80-х гг. XVIII столетия, как первой, в условиях Востока, конкретной политической программы конституционно-парламентского строя. Проект этот, как и вся публицистическая и политическая деятельность кружка Шаамиряна – наглядное свидетельство проникновения идей парламентаризма на Восток еще в конце XVIII века.

LA PÉNÉTRATION EN ORIENT DES IDÉES-LUMIÈRES DU XVIIIe SIÈCLE³⁶

L'esprit européen du XVIIIe siècle constitue l'une des plus grandes pages de l'histoire de la pensée sociale. Jeune, forte, idéologiquement armée, la bourgeoisie destinée à renverser le régime féodal s'attaqua impitoyablement au pouvoir monarchique absolu, à ses fondements sociaux et économiques, à ses principes politiques, à sa culture et à toutes ses conceptions philosophiques. Les grands penseurs opposèrent aux dogmes religieux qui défendaient l'absolutisme, aux privilèges sociaux, au pouvoir ecclésiastique, une conception du monde rationnelle ; à la volonté divine, la raison humaine ; au dérèglement social, une société bâtie sur les principes de la raison et des droits naturels de l'homme. Ils critiquèrent le despotisme comme la pire des formes de gouvernement que remplaceraient la liberté de l'individu et le droit de propriété. Attribuant à l'ignorance toutes les misères sociales, ils préconisèrent l'instruction et annoncèrent le triomphe de la science sur les préjugés.

Comme Engels le remarque justement, ces idées n'étaient en somme qu'une idéalisation du règne de la bourgeoisie. Mais en cette époque de révolutions, la société bourgeoise marquant, dans le cours général du développement social, un progrès incontesté sur le système féodal et l'absolutisme, l'idéologie du XVIIIe siècle figurait une conception du monde avancée qui contribua à l'élévation spirituelle de l'homme.

On sait que les idées-lumières se sont propagées en Europe et qu'elles ont influencé les deux Amériques. Pourtant, leur répercussion ne fut ni moins profonde et ni moins étendue en Orient. Pour les penseurs du XVIIIe siècle, l'Orient personnifiait le retard politique et culturel, le règne de l'ignorance, le fanatisme religieux, la tyrannie et le despotisme. Ces notions trouvèrent leurs expressions dans les œuvres de Montesquieu, de Voltaire et d'autres philosophes du XVIIIe siècle. Le régime parlementaire constitutionnel et même l'absolutisme européen étaient, à leurs yeux, supérieurs au système politique et au régime despotique des pays d'Orient, en

³⁶ НА РА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 55. Л. 20-33. Машинопись, оригинал. В текст внесены незначительные стилистические исправления.

ce sens qu'ils autorisaient, dans les conditions du pouvoir autocratique des monarques, la mise en application d'une certaine législation, de certaines normes juridiques, l'existence de diverses institutions représentatives, fussent-elles réservées à des couches sociales données.

Le développement social et économique des pays orientaux et notamment des pays du Proche et du Moyen Orient étant très lent, leur retard économique et politique par rapport aux pays européens était d'autant plus visible.

Formes primitives d'agriculture, artisanat moyenâgeux, inexistence d'un marché national unique, rapports féodaux arriérés, aussi bien en province que dans les villes, absence, même à l'état embryonnaire, d'une classe bourgeoise qu'on pouvait voir se former en Europe au Moyen Âge : toutes ces circonstances conditionnaient le maintien, dans les pays d'Orient, d'un régime féodal despotique.

La pénétration économique et politique des Européens en Orient, commencée aux XVIIe-XVIIIe siècles, ne put que contribuer à la décadence prochaine de ces pays. La politique coloniale des puissances européennes, qui aggravait la ruine économique des états orientaux, confirma leur retard social et économique et consolida le système féodal et le régime despotique.

On aurait néanmoins tort de supposer que les idées avancées ne pénétrèrent en Orient que dans la seconde moitié ou tout au moins, au milieu du XIXe siècle. Une critique sévère du despotisme et de l'autocratie, une active propagation des idées philosophiques et sociales s'y faisaient déjà sentir dans la deuxième moitié du XVIIIe siècle. Ces idées eurent pour propagateur, en particulier en Orient, un groupe d'Arméniens, hommes politiques bourgeois progressistes. Ce fait s'explique par la situation spécifique dans laquelle se trouvait le peuple arménien en cette période historique, situation qui, dans les années 1770-1780 favorisa chez lui l'expansion des idées avancées et des projets de réformes démocratiques bourgeoises.

Au XVIIIe siècle, l'Arménie subissait la domination de deux puissances orientales arriérées : l'Empire ottoman et l'Iran. Les Arméniens, tout comme les autres peuples subjugués, étaient privés tant des droits civils en général que des garanties les plus élémentaires de la personne et des biens. Le « raya » arménien était soumis à une exploitation sans merci et effrénée.

Au XVIIIe siècle, la situation du peuple arménien était encore plus pénible qu'aux siècles précédents. Le déclin de l'Empire ottoman mena au renforcement du pouvoir arbitraire des pachas et des féodaux kurdes, dont souffrait la population

arménienne. La chute de l'État iranien qui suivit l'invasion afghanaise et qu'accentua la mort de Nadir, les troubles féodaux et les guerres intestines qui en furent la conséquence, apportèrent à la population de l'Arménie orientale d'innombrables malheurs. Dans ces conditions, les Arméniens de Turquie et principalement d'Iran émigrèrent, alimentant les anciennes colonies arméniennes de l'étranger et en créant de nouvelles en divers lieux d'Europe et d'Asie.

On vit donc des colonies arméniennes en France, en Italie et en d'autres pays d'Europe occidentale. Une nombreuse population arménienne vivait en Russie jouissant de droits et de privilèges. En dehors des colonies de St. Pétersbourg, de Moscou et d'Astrakan, de grosses agglomérations arméniennes s'étaient formées dans le Caucase du Nord. En 1779, la Nouvelle Nakhitchévan fut fondée à l'embouchure du Don, habitée par les Arméniens qu'on dota d'un gouvernement autonome.

L'Inde fut un autre foyer de communautés arméniennes. Les Arméniens originaires d'Iran s'étaient fixés à Calcutta, à Madras, etc.

La bourgeoisie arménienne grandit et se développa dans ces colonies. Les négociants arméniens jouèrent un rôle prépondérant dans le commerce russe d'Orient. De nombreux riches arméniens établis en Russie y fondèrent des manufactures et des usines rapidement transformées en grandes entreprises. En même temps, la bourgeoisie arménienne d'Inde s'affermissait.

Bientôt les colonies arméniennes devinrent de grands centres de culture. Les Arméniens de Russie, d'Europe occidentale et d'Inde assimilèrent facilement la culture européenne, les langues étrangères, se familiarisant avec les sciences, la littérature et l'art européens. Issue des écoles russes et européennes, une intelligentsia arménienne faisait déjà son apparition.

Le XVIIIe siècle et sa seconde moitié, notamment, fut une période d'activité culturelle intense du peuple arménien. L'imprimerie arménienne, dont les origines remontent au XVIe siècle, prit son essor. Les livres qui, auparavant, se distinguaient par leur caractère essentiellement religieux revêtaient déjà un caractère laïc et ont eu des manuels scolaires et des livres scientifiques : ouvrages de mathématiques, de sciences naturelles, de géographie, de médecine traduits et originaux. La Congrégation des Mekhitaristes de Venise, entre autres, qui comptait dans ses rangs de grands savants, accomplit un immense travail culturel. Les Mekhitaristes publièrent les textes des historiens arméniens anciens, des traductions d'œuvres

européennes, des travaux philologiques et historiques. Ils composèrent un dictionnaire raisonné et une grammaire de la langue arménienne. En 1784-1786, l'Histoire d'Arménie en trois volumes de Tchamtchian parut à Venise. Tchamtchian utilisa toutes les sources qui lui furent accessibles, ouvrages d'historiens grecs, romains et arméniens, colophons de manuscrits, documents d'archives. L'ouvrage de Tchamtchian représente le premier travail sérieux de compilation relatif à l'histoire d'Arménie et se place au niveau de la science historique européenne de son temps.

L'essor culturel général, l'extension de l'instruction et des connaissances scientifiques, la filiation avec la culture européenne créaient dans la société arménienne un milieu propice à la propagation des idées européennes. Il ne serait pas superflu de remarquer que ces idées ne purent alors s'introduire qu'en un milieu social donné. Le clergé, même versé dans la culture et la science européenne, comme les Mekhitaristes, ne pouvait, sans doute, se faire le porteur de vues sociales d'avant-garde, que saisirent et s'approprièrent les représentants de la couche progressiste de la bourgeoisie et l'intelligentsia bourgeoise arméniennes, intéressées à mettre fin aux rapports féodaux.

Les dirigeants politiques de la bourgeoisie progressive arménienne, les penseurs, furent en même temps les promoteurs et les idéologues du mouvement arménien de libération, dirigé contre le despotisme d'Orient. Ce mouvement naquit non sur la base d'une théorie, mais de l'expérience même. Il fut dicté par la vie et conditionné par la situation sociale du peuple arménien. La philosophie européenne fut pour les Arméniens progressistes une arme idéologique dont ils usèrent, faisant valoir l'urgence et la légitimité d'un tel mouvement.

Le premier grand représentant chez les Arméniens, de la philosophie du XVIIIe siècle, fut Joseph Emine. Ayant grandi à Calcutta, il partit pour l'Angleterre dans les années 1750, où il reçut une éducation européenne. Il se pénétra des idées des romanciers anglais contemporains et des penseurs français dont Voltaire, auquel il vouait une profonde admiration.

Nous lui voyons des idées avancées tant dans ses lettres que dans sa biographie qu'il publia en anglais. Civilisateur typique, Emine participe des lois immuables de la nature, de l'ordre social rationnel et naturel. Toute « loi de la nature » est supérieure aux lois et au pouvoir des puissants. Les hommes naissent pour être libres et égaux et non pour l'esclavage. La société s'appuyant sur la tyrannie et la violence est contre-nature et ses conséquences sont désastreuses. C'est ce qui a lieu

dans les pays d'Orient où règne un despotisme aveugle. Les Arméniens sont réduits à l'esclavage, c'est donc un droit naturel et légitime que de combattre les oppresseurs et conquérir la liberté les armes à la main. Le malheur des Arméniens comme de tous les peuples opprimés est un effet de l'ignorance publique. L'Église et le clergé sont responsables de l'obscurité de la nation, des superstitions et des préjugés funestes dont elle est nourrie. La « table des sciences » est ouverte à tout homme et à toute nation. Le peuple arménien se doit de goûter de même à ces fruits et se frayer un chemin vers la liberté, le bonheur et le bien-être.

Emine consacra de longues années de sa vie à la lutte émancipatrice du peuple arménien. La conclusion s'imposait que seule la Russie pouvait mettre un terme à la domination turque et iranienne en Arménie. Il se rendit à St. Pétersbourg en 1761 et exposa au chancelier Vorontsov et au vice-chancelier Golitsine, un projet de création, sous le protectorat de la Russie, d'un État fédératif arméno-géorgien. Il séjourna au Caucase où il tenta d'aboutir dans la réalisation de ces plans politiques. Il ne retourna en Inde qu'en 1770. Il s'y lia d'amitié étroite avec Chahamir Chahamirian, riche négociant arménien de Madras, qui rassemblait à ses côtés des représentants de la bourgeoisie et de l'intelligentsia arméniennes. Il y avait parmi ces derniers un ancien compagnon de lutte d'Emine, originaire de Russie, Movses Baghramian, précepteur chez Chahamirian. Le cercle Chahamirian diffusait largement les idées d'avant-garde et d'émancipation. L'imprimerie arménienne de Madras fondée par Chahamirian faisait paraître des ouvrages préconisant les idées européennes, le patriotisme et l'amour de la liberté.

En 1773, parut le célèbre ouvrage de Baghramian « Le nouveau livre de l'exhortation ». Baghramian y retraçait l'histoire du peuple arménien, en donnant une description géographique détaillée de l'Arménie dans le but de faire connaître la patrie à la jeunesse arménienne, son glorieux passé, ses héros. Il appelait ses compatriotes à se lever et à lutter pour la libération de la patrie. Il fut conduit à analyser les causes de l'effondrement de l'État arménien et celles de l'asservissement étranger en Arménie, car, disait-il, on ne peut accuser Dieu de tous les malheurs subis en déclarant que « tout s'accomplit par sa volonté ». Tout comme Emine, Baghramian recherchait ces causes dans la même ignorance en montrant que l'instruction donnerait au peuple la possibilité de se trouver une issue dans cette tragique situation. L'autre motif de la chute de l'État arménien résidait d'après lui

dans le pouvoir autocratique des rois et princes arméniens qui gouvernaient à l'instar des despotes d'Orient.

Il critique ainsi le despotisme qu'il considère comme une forme de gouvernement néfaste à l'État et à la société et propose le système constitutionnel. Il est important, affirme-t-il, qu'une constitution viable et des lois immuables placent le pouvoir sous la dépendance de conseils électifs et de diverses assemblées. Pareil à une voûte qui ne s'écroulerait lors même qu'on retirerait un des piliers qui la soutiennent, l'État qui ne dépendra pas du caprice d'un seul homme n'en sera que plus fort.

Entre autres publications entreprises, à Madras, par le groupe Chahamirian, le livre « Le piège de l'ambition » présente un intérêt particulier.

Cet ouvrage fut long à être écrit. Commencé en 1773, il ne fut achevé qu'au début des années 1780 et fut publié en 1788-1789 : œuvre collective à laquelle s'adonnèrent Chahamirian lui-même, Baghramian et probablement Emine. C'était là en quelque sorte, le programme politique du groupe Chahamirian. « Le piège de l'ambition » qui s'ouvrait sur une histoire d'Arménie, conclut aussitôt que c'est le pouvoir autocratique des rois qui causa en Arménie un « mal infini » et lui fut fatal. C'est pourquoi on ne peut désormais permettre que des rois ou d'autres personnalités capables d'accéder au pouvoir absolu fassent leur apparition en Arménie. Le peuple seul doit être roi et gouverner son pays, ne reconnaissant nul maître en dehors de la loi, la nature étant elle-même régie par des lois préétablies. De pareilles lois inébranlables et immuables, conformes à la nature humaine, doivent être appliquées en société. Les fonctionnaires d'État doivent se faire les serviteurs du pays et du peuple. La loi assure la sécurité de la personne et de la propriété ; chaque individu doit vivre en toute confiance, son bien garanti, sûr qu'on ne peut lui arracher même un cheveu de la tête sans que la justice n'intervienne.

Le livre rapporte des exemples historiques illustrant l'avantage d'un système social fondé sur la légalité, et les préjudices causés par le despotisme. L'ouvrage, passant en revue l'histoire de la Rome antique, montre, à la manière du XVIIIe siècle, l'épanouissement de Rome sous la République et les conséquences désastreuses de la tyrannie. L'Angleterre y est un type d'État moderne régi par la loi et où les rois s'astreignent au parlement. Les auteurs du livre se proclament solidaires de la lutte des colonies américaines pour l'indépendance. La liberté est le bien suprême. Et le

désir des Américains de secouer l'emprise britannique est tout à fait naturel, « car rien n'est plus cher que la liberté ».

La seconde partie du « Piège de l'ambition » reproduit un projet de législation pour l'État arménien, un recueil de lois, composé de 521 paragraphes, projet d'après lequel la population de chaque région élit deux délégués, dont l'un est promu membre de la « Chambre arménienne », organe suprême de l'État, l'autre, nommé à tel ou tel poste. Le chef de l'État ou *nakharar* obéit à la « Chambre arménienne ». Elus par cette dernière, des collègues de trois personnes assument les différentes fonctions du gouvernement. La Chambre nomme de même l'administration régionale. L'Église est séparée de l'État.

Tous les citoyens d'Arménie, sans distinction de langue ou de sexe, sont libres et ne dépendent de personne. Ils ont l'obligation de se soumettre à la loi et le tribunal seul est en droit de les juger. Ils sont maîtres absolus de leurs biens et libres d'en disposer. L'homme ne peut devenir propriété. Tout contrat ou acte d'achat non conforme à la loi ou à la condition humaine est déclaré nul et non avenu. La liberté de penser, de parler et d'agir est donnée à chacun. L'instruction publique est obligatoire pour les enfants des deux sexes. Les intellectuels jouissent d'une protection spéciale de l'État.

L'État, décrit dans le « Piège de l'ambition », est une république bourgeoise qui met fin au régime de la féodalité, abolit les privilèges, le servage et autres formes d'assujettissement féodal, établit des rapports bourgeois de propriété, fondés sur la propriété privée bourgeoise. Ce même État garantit l'inviolabilité de la personne et de la propriété pour tous les citoyens, assure la légalité et la justice égale pour tous, introduit l'instruction publique.

Le projet de constitution formulé dans le « Piège de l'ambition » procède entièrement des idées européennes. On y ressent, en particulier, l'influence des théories de Locke. Il suffit de comparer les paragraphes 137-138, 142, 175-196, 199-210 du second « Essai sur le gouvernement civil » de Locke avec la partie historico-théorique du « Piège de l'ambition » pour s'en convaincre. La critique du « pouvoir arbitraire absolu » et de la tyrannie, le système gouvernemental reposant sur des « lois fixes » la garantie de la personne et de la propriété sont toutes les idées maîtresses du célèbre théoricien de l'ordre constitutionnel bourgeois. Les vues de Locke intéressaient grandement les patriotes arméniens formés aux principes d'avant-garde, ces vues justifiant le mouvement de libération nationale.

Locke refusait aux conquérants le droit d'asservir d'autres peuples, auxquels il reconnaissait celui de secouer, à l'occasion, le joug étranger. Il invoquait l'exemple des « chrétiens grecs » qui se prévalaient du droit de se défaire du joug turc dès la première possibilité. Ces idées, découlant de la théorie du pouvoir légal et de la tyrannie, servirent de fondement au programme d'émancipation des Arméniens progressistes.

L'activité littéraire de Chahamirian et de ses compagnons était suivie d'une intense activité politique : correspondance avec les catholicos d'Etchmiadzine, les *mélîks* arméniens (princes arméniens semi-indépendants du Caucase), le roi de Géorgie, Héraclius II, le patriarche de l'Église arménienne de Russie, Joseph Arghoutian et d'autres personnalités. Cette correspondance (lettres et messages) était également pleine de leurs idées progressistes. Ils y conseillaient d'ouvrir des écoles en tous lieux, d'instruire les enfants et d'éduquer la jeunesse dans un esprit de liberté, ils y avaient dressé un programme d'action pour la libération de l'Arménie et projeté la structure politique de l'État arménien. Ils diffusaient sans relâche leur projet de constitution et s'employaient à le réaliser. En 1774 déjà, ils adressèrent au catholicos Siméon un long message où ils exposaient leur projet de structure politique de l'État arménien. Chahamirian répéta ces idées dans une lettre envoyée au catholicos de Gandzassar, Hovhannès. Des pages manuscrites du « Piège de l'ambition » furent expédiées bien avant que l'ouvrage n'ait vu le jour, à nombre de personnes dont le nouveau catholicos arménien Ghoukas, Joseph Arghoutian et Héraclius II. Dans ses épîtres destinées à Héraclius II, Chahamirian suggérait à ce dernier d'abolir le servage en Géorgie, de renoncer au pouvoir autocratique, de créer un État authentique où régnât la loi, de rendre ses sujets libres, d'assurer l'immunité de la propriété et la liberté des cultes.

Les représentants du cercle de Madras, à l'exemple des grands hommes politiques arméniens de ce temps, étaient des partisans convaincus de l'orientation russe, conscients de ce que seule, dans ces conditions historiques, la grande puissance du Nord se montrerait capable de délivrer le peuple arménien du joug irano-turc. L'orientation russe railla non seulement Emine et Baghranian, mais encore Chahamirian. Celui-ci entra en relations avec des personnalités politiques russes et en particulier avec G.A. Potemkine par l'entremise d'Arghoutian. Dans sa correspondance avec Arghoutian, Chahamirian accorda toute son attention aux pourparlers qu'il aurait lieu d'avoir avec le gouvernement russe en vue de la

libération des territoires arméniens et de la formation d'un État national. A cet égard, le projet d'un traité arméno-russe conçu par Chahamirian est digne d'intérêt. Ce projet prévoyait la création sous la tutelle russe d'un État arménien indépendant sous forme de république bourgeoise gouvernée par la « Chambre arménienne » et dirigée par un *nakharar*. Selon ce même projet l'Empire russe devait voir, en cette chambre arménienne, le chef de l'Arménie. Ce projet de traité arméno-russe reprenait ainsi en un document politique concret les idées progressistes du « Piège de l'ambition ». Ces efforts ne furent point couronnés, ne donnant pas, comme on le pense, les résultats positifs espérés.

Le gouvernement tsariste élaborait alors, effectivement, parallèlement à l'établissement d'un protectorat sur la Géorgie (sur la base du traité de Géorgievski de 1783), la création dans les limites du Caucase d'un État arménien soumis à la Russie. Dans ce même dessein, Potemkine et d'autres hautes personnalités tsaristes contactèrent des Arméniens influents comme Chahamirian et ses partenaires avec qui ils eurent des entretiens.

La situation internationale, cependant, et la guerre russo-turque commencée en 1787, enrayèrent tous les plans, forçant le gouvernement tsariste à retirer provisoirement ses troupes de Géorgie. On comprendra facilement que les plans du gouvernement tsariste ayant abouti, c'eût été une véritable utopie que de miser sur l'instauration d'un régime constitutionnel bourgeois dans un État arménien soumis à la Russie tsariste alors que manquaient même les conditions sociales et économiques élémentaires.

Héraclius II, intéressé à voir se concentrer en son pays les capitaux des riches Arméniens vivant en Inde, entra également en rapports avec Chahamirian. Il lui envoya ses représentants, lui décerna un titre de noblesse et lui offrit même la région de Lori habitée par les Arméniens. Mais il ne pouvait être de même question de régime constitutionnel en son pays. Comme partout ailleurs en Orient, les conditions sociales, économiques et politiques ne s'y prêtaient pas.

Le projet de constitution de l'élite progressiste de la bourgeoisie arménienne demeura et ne pouvait ne pas demeurer à l'état de projet. Chahamirian et ses compagnons ne réalisèrent leurs rêves politiques qu'en miniature. Ils fixèrent les statuts d'une administration autonome sur la base de principes démocratiques bourgeois de la colonie arménienne de Madras. Ces statuts qui prévoyaient le suffrage universel, l'élection des fonctionnaires, la non-ingérence de l'Église dans

les affaires publiques furent appliqués. Ainsi les idées constitutionnelles du « Piège de l'ambition » ne trouvèrent leur consécration que dans l'autonomie d'une colonie arménienne de l'étranger.

Ces faits pourtant ne sauraient diminuer en rien la portée historique du projet de constitution né à Madras dans les années 1770-1780, en tant que premier programme politique concret, dans les conditions de l'Orient, d'un système constitutionnel parlementaire. Ce projet comme d'ailleurs toute l'activité politique et sociale du groupe Chahamirian est un témoignage éloquent de la pénétration en Orient des idées-lumières de la fin du XVIIIe siècle.

L'influence des idées philosophiques sur la pensée sociale arménienne de la seconde moitié du XVIIIe siècle est une autre preuve de l'immense répercussion d'une idéologie qui devançait son temps et qu'assimilèrent les éléments progressistes de tous les peuples y compris ceux d'Orient pour mener à bien la lutte contre le régime féodal décrépi, contre l'oppression et l'asservissement des nations.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ К РОССИИ³⁷

Сегодня мы отмечаем 150-летие присоединения Восточной Армении к России – знаменательную дату в истории армянского народа, предопределившую его дальнейшую историческую судьбу.

В течение многих веков армянский народ был лишен государственности и находился под чужеземным господством. С XVI столетия он находился под владычеством двух отсталых восточных деспотий – султанской Турции и Ирана. Экономическая и политическая отсталость как Османской империи, так и Ирана обуславливалась господством средневековых форм производства, деградацией сельского хозяйства, отсталостью и примитивной техникой ремесленного производства, отсутствием единого национального рынка, отсутствием элементарных условий для развития промышленности, поскольку, как указывал Энгельс, «турецкое как и всякое другое восточное владычество» было «несовместимо с капиталистическим строем». Начавшееся в XVII-XVIII вв. экономическое и политическое проникновение на Восток европейских стран лишь содействовало дальнейшему упадку как Османской империи, так и Ирана. Колониальная политика западноевропейских держав еще более усиливала их социально-экономическую отсталость и закрепляла господствующие в них феодальные порядки и деспотический

³⁷ НА РА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 54. Л. 1-24. Машинопись, копия. Публикуется с незначительными сокращениями. Доклад, прочитанный А.Р. Иоаннисяном 21 сентября 1978 г. в Ереване на всесоюзной сессии, посвященной 150-летию присоединения Восточной Армении к России. См.: Мартикян А. Юбилейная научная сессия // Историко-филологический журнал. 1978. N. 3. С. 288. На арм. яз.

строй, который Маркс называл варварским феодализмом и азиатским варварством.

Особенно тяжелым было положение подвластных народов, лишенных не только каких-либо прав, но элементарных гарантий личной и имущественной безопасности. Армянский «райя» подвергался самой беспощадной и ничем не ограниченной эксплуатации. Бесчисленны и разнообразны были налоги и поборы, которые ему приходилось платить, начиная с подушной и поземельной податей и кончая принудительными «подарками», которые он вынужден был делать местным ханам и пашам. Размер всех этих поборов, как натуральных, так и денежных, был фактически неограничен. «Берут с них, – писал в 1780 г. русский консул в Иране, – поборы и подати совсем неумеренные... ханы берут нагло... и что потребует должен отдать, а если кто начнет отговариватца неимением, то бьют по пятам до тех пор пока отдаст, а напоследок и все имение отбирают». Бесправность армян как в Турции, так и в Иране была полная. Суды, судившие по шариату, не разрешали даже христианам давать показания против мусульман. В Западной Армении, как и в балканских странах, производился периодический сбор мальчиков, которых отнимали у родителей, чтобы пополнять ряды янычар. И в Иране, и в Турции армянскими девушками пополнялись гаремы. Не только имущество, честь, но и самая жизнь армян, причем не только простых людей, но даже лиц зажиточных, зависела от прихоти любого паши, хана, бека. Сын одного паши хотел купить феску за пол цены, но армянин Манук заплатил требуемую сумму и приобрел ее; по жалобе сына, паша тут же распорядился его повесить. Такова была повседневная действительность, которую один английский путешественник резюмировал в следующих словах: в Турции и Иране армяне «живут как бы по случайному попустительству, подвергаясь, под повседневными предложениями, оскорблениям, угнетению и ограблению».

В XVIII веке и в начале XIX столетия положение армянского народа было даже более тяжелым, чем в предыдущие века. Упадок Османской империи усиливал анархию на его окраинах, произвол пашей и курдских беков, от которых страдало прежде всего подвластное армянское население. Распад Иранского государства (в 1722 г. после афганского нашествия и вторично после смерти Надира) и последовавшие затем феодальные смуты и междоусобные войны принесли неисчислимые бедствия населению Восточной Армении.

Неудивительно, что в этих условиях усиливалась эмиграция армян с территории Турции и Ирана. Это приводило к росту старых, существовавших еще с эпохи средневековья и созданию новых армянских поселений в различных странах Европы и Азии. Армянские колонии имелись во Франции, Италии, и других западноевропейских государствах, а также в Польше и Трансильвании. В Индии армяне появляются еще в XVI-XVII веках, но армянская иммиграция особенно усиливается в первой половине XVIII столетия. Вскоре в Индии возникли большие армянские колонии, в том числе в Калькутте и Мадрасе, где все более крепла армянская торговая буржуазия.

Но основной поток армянской эмиграции направлялся в XVIII веке на север, в Россию. Армянских поселенцев мы встречаем еще в Киевской Руси. Армяне селились на территории русского государства и в последующие столетия. В Москве еще в XVII столетии было много армян-ремесленников; там в Оружейной палате, работал, в частности, и выдающийся художник Богдан Салтанов, внесший значительный вклад в развитие русского искусства. На юге России большая армянская колония возникла прежде всего в Астрахани, а затем в ряде других городов и местечек Северного Кавказа, в том числе и в Кизляре, где имелась даже особая «армянская слобода». Армянская колонизация в значительной мере содейст-

вовала хозяйственному развитию Северо-кавказского края. Именно армяне развили там шелководство и виноделие. В 1779 г. крымские армяне переселились на территорию Дона, где, недалеко от крепости Св. Дмитрия Ростовского, был основан армянский город Нор Нахичевань, получивший особое самоуправление. Постоянно наиболее зажиточные армянские негоцианты из Астрахани и других городов перебираются в русские центры – Москву и Петербург. Там обосновываются со своими семьями такие армянские богачи, как Лазаревы, Кампановы, Манучаровы, Сарафовы и др. Многие из них приобретают в России земли, основывают мануфактуры и заводы, а некоторые становятся даже русскими дворянами. Таким был, в частности, Иван Лазарев, владелец крупнейшей текстильной мануфактуры во Фрязино и заводов на Урале. Во второй половине XVI столетия мы находим уже много армян на русской государственной службе и в русской армии.

Армянские колонии сыграли выдающуюся роль в армянском освободительном движении, аналогичную той, какую сыграли греческие колонии в греческом национально-освободительном движении. Но армянское освободительное движение зародилось еще в XVI веке на территории самой Армении. Поскольку турецко-иранский гнет создавал невыносимые условия не только для широких народных масс, но и для господствующих слоев армянского народа – духовенства, мелких армянских феодалов-меликов, сохранивших еще свои владения на территории Закавказья, а также армянского купечества, то не удивительно, что все они также не могли не участвовать в освободительном движении. Более того. В исторических условиях того времени именно представителям этих слоев было суждено на первых порах возглавить это движение. Неудивительно также, что первоначально взоры армянских деятелей были направлены на Запад, так как еще с эпохи крестовых походов уповали на помощь «франков», в деле освобождения армянского народа от чужеземного ига.

Я не имею возможность хотя бы кратко изложить историю армянского освободительного движения XVI-XVII веков. Скажу лишь, что в течение этих столетий с неумолимой последовательностью рушились все надежды и иллюзии представителей армянского освободительного движения, связывавших освобождение армянского народа с западными державами, будь то Венецианская республика или Франция Людовика XIV, Австрия Габсбургов или папская курия. Но в это же самое время происходил исторический процесс, оказавший решающее влияние на судьбы армянского народа. Усиливалось и территориально расширялось, в том числе в сторону Черного моря и Кавказа, русское государство. Экономические и даже политические контакты армян с Россией становились все более прочными, особенно со второй половины XVII века. В 1667 г. и в 1672 г. представители армянской торговой компании Нор Джульфы в Иране подписали даже с царским правительством торговые соглашения, предоставлявшие армянским негодантам право ввозить по каспийско-волжскому пути товары из Ирана, с последующим их транзитом в европейские страны. В этой связи представитель компании Лусиков установил с русскими властями и прямые политические контакты. Все эти факторы, а также наличие армянских поселений на территории России, подготавливали постепенно коренной перелом в истории армянского освободительного движения – а именно возникновение русской ориентации, ставшей затем его единственной и последовательной политической ориентацией. Можно смело сказать, что русская ориентация была в полном смысле слова «выстрадана» освободительным движением армянского народа. Сама жизнь с ее жестокими уроками привела всех деятелей армянского освободительного движения к единственно правильному и твердому выводу, что лишь великая северная держава была способна, в сложившихся исторических условиях, освободить армянский народ от иранского и турецкого ига.

Решительный поворот в сторону ориентации на Россию был осуществлен в самом начале XVIII столетия одним из наиболее выдающихся армянских деятелей Исраэлем Ори. Личная судьба Ори, сына одного из армянских меликов, как бы олицетворяет вехи и перипетии самого армянского освободительного движения. Попав юношей в Европу, прожив три года в Венеции, прослужив во французской армии, он приезжает затем в Пфальц, где пытается убедить курфюрста Иогана-Вильгельма содействовать восстановлению независимого армянского государства. В этих же целях Ори посетил и Вену. С рекомендательными письмами от австрийского императора и пфальцкого курфюрста он в 1701 г. прибыл в Москву, с официальной целью подготовить поход немецких войск через территорию России на Иран. Но реальная действительность вскоре убедила его, что лишь Россия была способна выполнить эту освободительную миссию. Поэтому прибыв в Москву, Ори в своих многочисленных докладных записках, представленных Петру I и посольскому приказу, изложил подробный план освобождения Закавказья и Армении с помощью русских войск, при вооруженном выступлении самих закавказских народов. Петр I, носившийся уже в те годы с идеей персидского похода, отправил Ори, возведенного в звание полковника, с осведомительной миссией в Иран. Во время пребывания в Закавказье и Иране Ори провел большую работу по установлению необходимой связи с армянскими меликами и представителями духовенства. Посольство Ори не только содействовало установлению постоянных контактов между ними и русскими властями, но и способствовало распространению прорусских настроений и симпатий среди самых широких кругов армянского народа. Армянское освободительное движение теперь не только окончательно связывает свою судьбу с Россией, но и принимает общенародный характер.

Все это нашло свое яркое выражение, когда в 1722 г.,

после окончания войны со Швецией, Петр I предпринял давно задуманный им персидский поход. Вступление русских войск в Дербенд, обещание, данное Петром I о создании под покровительством России армяно-грузинского государства, нашли самый широкий отклик. 22 сентября 1722 г. вблизи Гянджи произошла встреча войск грузинского царя Вахтанга и армянского войска, пришедшего из Карабаха и Зангезура. Здесь объединенные грузино-армянские силы должны были дожидаться прибытия русской армии в Шемаху, для совместных военных действий. Отступление русских войск сорвало осуществление этих планов. Но дальнейшие события, и, в частности, широко развернувшееся в Карабахе и Зангезуре восстание как против иранского правительства, так и против вторгшихся в Восточное Закавказье турок показали весь размах армянского освободительного движения, ориентированного уже всецело на Россию.

Вторая половина XVIII века знаменует собой новый этап в истории армянского освободительного движения. В эти годы не только разрабатывается конкретная политическая программа восстановления с помощью и под покровительством России армянского государства, но армянское освободительное движение выступает уже в лице своих передовых представителей с идейным обоснованием освободительной борьбы.

Вторая половина XVIII столетия – период значительного оживления всей культурной жизни армянского народа. Армяне проживавшие в России, Западной Европе, а также в Индии приобщаются к европейской культуре, изучают иностранные языки, знакомятся с европейской наукой, литературой, искусством. Быстро развивается армянское книгопечатание, основы которого были заложены еще в XVI столетии. Печатаются труды по математике, естествознанию, географии, медицине, как переводные, так и оригинальные. Большую культурную работу проводила, в частности, обосновавшаяся в Венеции конгрегация Мхитаристов, среди которых имелись

крупные ученые. Мхитаристы публиковали тексты древнеармянских историков, переводы произведений европейских писателей, филологические и исторические труды. Ими был опубликован толковый словарь и грамматика армянского языка. В 1784-1786 гг. в Венеции вышел в свет трехтомный капитальный труд Чамчяна – «История Армении». Произведение Чамчяна было первым серьезным обобщающим трудом по истории Армении, стоявшем на уровне современной ему европейской исторической науки.

Общий культурный подъем, распространение образования и научных знаний, ознакомление с европейской культурой – не могли не содействовать проникновению в армянское общество передовых идей европейского просветительства. Армянское освободительное движение было порождением не теории, а практики; оно диктовалось самой жизнью и было обусловлено тяжелым положением армянского народа. Но европейская просветительная философия давала передовым армянским буржуазным деятелям идейное оружие для обоснования необходимости и справедливости этой освободительной борьбы.

Первым выдающимся представителем просветительной философии в армянской действительности был видный деятель армянского освободительного движения Иосиф Эмин, выходец из Индии, получивший образование в Англии. Ему были хорошо знакомы произведения не только современных ему английских писателей, но и французских просветителей, в том числе и работы Вольтера, которым он особенно увлекался.

Как типичный просветитель, Эмин исходил из представления о незыблемых «законах природы», о разумных и естественных общественных порядках. Всякий «закон природы» выше закона, установленного властью имущих. Люди созданы свободными и равными и не могут быть рабами. Общественный строй, основанный на угнетении и насилии, является противоестественным и ведет к самым пагубным последствиям. Именно такое положение существует, однако, в восточных странах, где

царит необузданный деспотизм. Армяне находятся на положении рабов и поэтому их естественное законное право – восстать против своих угнетателей и с оружием в руках завоевать свою судьбу.

Аналогичных взглядов придерживались проживавшие в Мадрасе видные армянские буржуазные деятели во главе с богатым негодником Шаамиром Шаамиряном. Среди них был и долголетний соратник Эмина, выходец из России, Мовсес Баграмян – домашний учитель в семье Шаамиряна. Кружок Шаамиряна вел активную пропаганду просветительных и освободительных идей.

В 1773 г. вышло в свет выдающееся произведение Баграмяна – «Новая книга, называемая увещанием», явившаяся как бы манифестом армянского освободительного движения. Баграмян излагал историю армянского народа и давал подробное географическое описание Армении, в целях ознакомления армянской молодежи с Родиной, с ее славным прошлым и ее героями. Он призывал своих соотечественников пробудиться и смело вступить в бой за свободу своей отчизны. В этой связи он анализировал причины падения армянской государственности и порабощения армянского народа чужеземцами, ибо, указывая, что нельзя сваливать все несчастья на бога, «заявляя, что так хотел господь». Подобно Эмину Баграмян приписывал все постигшие армян беды прежде всего невежеству и указывал, что лишь просвещение даст армянскому народу возможность найти выход из его тяжелого положения. Другой основной причиной падения армянской государственности он считал самодержавие армянских царей и князей, правивших подобно восточным деспотам. В этой связи он резко критиковал деспотизм, как пагубную для государства и общества форму правления и противопоставлял ему идеал конституционного строя. Необходимо, указывая, чтобы нерушимая конституция и неизменные законы навеки

поставили власть в зависимость от выборных советников и палат.

Среди других работ, опубликованных в Мадрасе, особый интерес представляет книга «Западня честолубия», излагавшая политическую программу, разработанную всем кружком Шаамиряна.

«Западня честолубия» также начинается с обзора армянской истории, причем сразу же делается вывод, что именно самодержавная власть царей причинила Армении «безграничный ущерб» и содействовала ее порабощению. Поэтому не следует допускать, что впредь среди армян появились цари или другие лица, облеченные самодержавной властью. Сам народ должен быть собственным царем и управлять своей страной. Над ним не должен властвовать никто, кроме закона. В самой природе царит закономерный порядок. Такие же нерушимые, неизменные законы, соответствующие человеческой природе, должны царить и в обществе. Все должностные лица должны быть слугами страны, слугами народа. Авторы книги с величайшим сочувствием отзывались о борьбе американских колоний за независимость. Свобода – высшее благо. Желание американцев освободиться от британского владычества вполне естественно, «так как для человека нет на земле ничто слаще свободы».

Во второй части «Западни честолубия» излагался проект законодательства независимого армянского государства – свод законов, состоящий из 521-го параграфа. Согласно этому проекту высшей властью в стране является сформированная из избранных населением уполномоченных «армянская палата», которой подчиняется и глава государства – нахарар. Государственный строй, описываемый в «Западне честолубия», ликвидирует феодальные порядки, упраздняет сословные привилегии, крепостнические и другие формы феодальной зависимости и отделяет церковь от государства. Он гарантирует всем гражданам личную и имущественную неприкосновенность,

обеспечивает законность и правильное судопроизводство, вводит всеобщее обучение.

Такова была идеология наиболее передовых представителей армянского освободительного движения, мощный подъем которого наблюдался во второй половине XVIII столетия.

Уже в 60-х годах XVIII века Эмин развил кипучую деятельность для освобождения армянского народа от турецкого и иранского ига. Убедившись после своего свидания с английским премьером Уильямом Питтом в невозможности рассчитывать на поддержку своих проектов со стороны английского правительства, он отправился через Александретту в Армению, ведя в армянских деревнях широкую пропаганду и призывая своих соотечественников не подчиняться порабитителям. Добравшись до Эчмиадзина и ознакомившись с реальной политической обстановкой в Закавказье, он пришел однако к твердому выводу, что необходимой предпосылкой освобождения армянского народа являлась помощь со стороны великой северной державы – России, куда он вскоре отправился. Его политическая программа, изложенная им в коллегии иностранных дел, в присутствии канцлера Воронцова и вице-канцлера Голицина, включала два основных положения: 1. освобождение Армении при непосредственном содействии грузинского царя Ираклия и образование своего рода федеративного армяно-грузинского государства; 2. установления префектората над этим государством со стороны могущественной Российской державы. Выехав в 1763 г. с русским паспортом и рекомендательными письмами в Грузию, вместе с набранным им в Астрахани из числа местных армян добровольческим отрядом, Эмин по поручению Ираклия II не только стал обучать грузинские войска европейскому военному искусству (окончив военную академию в Вульвиче, Эмин был хорошим военным специалистом), но и завязал непосредственные сношения с армянскими меликами Закавказья и с

настоятелем монастыря св. Карапета вблизи г. Муша Овнаном, выходцем из простой крестьянской семьи, активно подготовлявшим восстание в Западной Армении.

Русско-турецкая война 1768-1774 гг. внушила большие надежды всем армянским деятелям. 8 июля 1769 г. Сарафов от имени целой группы проживавших в России видных представителей армянской буржуазии представил проект воссоздания под протекторатом России армянского государства. В проекте излагался подробный план военной кампании, которая должна была начаться со взятия Еревана и вестись в направлении Карса, Баязета и Вана, и в которой должны были принять участия русский экспедиционный корпус, грузинские войска и армянские добровольческие отряды. Восстановленное армянское царство должно было находиться под протекцией русской императрицы. Ираклий II в свою очередь обнадеживал русских представителей, «что живущих в Эреване, персидской области, армян, по его увелению хорошие солдаты, может подвинуть против турок»; он делал это на основании многочисленных обращений к нему эреванских армян. Одновременно Овнан, заготовивший к тому времени восемь тысяч ружей, ждал лишь вступления русских войск в пределы Турции, чтобы развернуть восстания в Западной Армении. Все эти планы были сорваны неудачным ходом военных операций на Кавказе русского экспедиционного корпуса Тотлебена, вскоре отозванного из Грузии.

В 80-х годах XVIII столетия, когда персидские дела наряду с турецкими приобрели для русской дипломатии особую актуальность, широко развернулись переговоры царских властей с армянскими деятелями о восстановлении под протекторатом России армянского государства. 2-го января 1780 г. главу армянской церкви в России архиепископа Иосифа Аргутинского посетил Суворов вместе с Лазаревым. В течение двух часов Суворов, по поручению Потемкина, расспрашивал своих собеседников об Армении и обнадежил их, заявив, что

русские восстановят армянское государство. 3-го января Потемкин сам вызвал к себе Аргутинского и Лазарева. На их настойчивую просьбу восстановить армянское государство с центром в Ереване, Потемкин ответил, что это можно будет сделать, поручив, одновременно, написать письмо Эмину и вызвать его в Россию. 10-го января Лазарев представил план создания из армянских провинций, подвластных Ирану, армянское государство, с возможностью дальнейшего расширения его границ за счет турецких владений. 18-го февраля состоялось торжественное освящение новой армянской церкви в Петербурге, на котором присутствовали многочисленные русские сановники во главе с Потемкиным. В своей проповеди, переведенной и отпечатанной на русском языке, Аргутинский призывал русскую императрицу выполнить намерение своего великого предшественника Петра I и «восстановить павшее царство Гайканское».

Мы не можем здесь подробно говорить о дальнейших обращениях и переговорах Аргутинского и Лазарева, об их бесчисленных докладных записях, ответах на предъявленные им вопросы и т.п., т.е. о сотнях сохранившихся в архивах документах. Скажем лишь, что вскоре к этим переговорам подключился и Шаамирян, который, подобно Эмину, решительно придерживался со всеми своими единомышленниками русской ориентации, тоже возлагал все свои упования на Россию и через русских армян поддерживал контакты с Потемкиным и русскими властями.

Но в Россию непрерывным потоком шли обращения и непосредственно из Армении. В русских архивах хранятся многочисленные прошения армянских меликов и представителей духовенства. Там имеется и очень интересная переписка ереванских горожан с русскими властями и с Аргутинским. В одном из писем в стихотворно-аллегорической форме говорится, что иноверцы по причине тяготения армян к небесному полюсу (т.е. склонности армян к русским) хотят

вырвать с корнем подобно траве, но теперь они надеются на скорое спасение. В других письмах, подписанных десятью именитыми горожанами, последние также заявляли, что надеются на свое скорое спасение и просили взять под покровительство армянскую нацию. В конце декабря 1782 г. в Эчмиадзин прибыл русский агент доктор Рейнекс. О том, что произошло в Эчмиадзинском соборе, где на праздничном богослужении было оглашено письмо Потемкина, мы узнаем из доклада, представленного последним императрице. «Последовавшие сему моления народа ясно изображали его удовольствие. Сей был день веселия среди бедствий сего несчастного народа, который не ощущал еще подобного утешения от самого падения царства своего. Сей день перешел уже за полночь, как сделано было совещание, на котором все присягнули быть паче прежнего преданными императорскому российскому престолу и просить милостиво покровительства и благоволения к Армении присылкою некоторого числа войск, которые и не вступая ни в какое дело, единым присутствием своим могут умножить храбрость народа армянского».

К 80-ым годам XVIII столетия относятся и два проекта армяно-русского договора. Один из них был составлен в 1783 г. Аргутинским. Проект этот предусматривал восстановление армянского государства и его тесный союз с Россией. Екатерине II предоставлялось право назначить армянского царя. На территории Армении должны были постоянно находиться русские войска. По торговому договору Армении предоставлялся порт на Каспийском море. В Армении не должно было быть установлено крепостное право (это специально оговаривалось в проекте), но феодальная эксплуатация крестьянства в виде системы «мулька», феодальных поборов с крестьян, полностью сохранялась. Аргутинский, принадлежавший к старинному дворянскому роду, был тесно связан с остатками армянского дворянства, а как глава армянской церкви в России – с проживавшей там армянской буржуазией, приспособившейся

однако к условиям русской дворянской империи. Выразителем интересов этих общественных групп и являлся Аргутинский, отразивший в своем проекте настроения и чаяния этих слоев армянского общества.

Второй проект армяно-русского договора был составлен и переслан в Россию Шаамиряном. Он также предусматривал воссоздание армянского государства, но государство это должно было управляться «армянской палатой», которую Российская империя обязывалась признать государем Армении. Между Россией и Арменией должен был существовать вечный военный союз. Проект Шаамиряна, подробности которого мы также не излагаем, отражал политические воззрения и идеалы самых передовых представителей армянской буржуазии и буржуазной интеллигенции.

Эти различные проекты политического устройства восстановленного, с помощью России, армянского государства свидетельствовали не только о мощном подъеме в эти годы армянского освободительного движения, но и об общественно-политических противоречиях внутри самого этого движения.

Однако наличие классовых противоречий внутри самого армянского общества отнюдь не отражалось на единодушной русской ориентации всех слоев армянского народа, каждый из которых, исходя из своих интересов, стремился с помощью России избавиться от невыносимого иранского и турецкого ига. Русской ориентации придерживались феодально-клерикальные круги – армянские мелики и представители духовенства. Такую же позицию занимали и представители буржуазных слоев, как из среды местной буржуазии (вроде тех же ереванских горожан), так и из среды буржуазии армянских колоний в России, Индии и других стран. Но мы хорошо знаем также из многочисленных документов, что и народные массы, и прежде всего армянское крестьянство, видели в русских своих избавителей. Русские консулы и агенты в своих донесениях констатировали радость армянского населения, «черного», т.е.

простого народа в связи со слухами о приходе русских. Русофильство армянского народа ярко проявилось во время похода Зубова в 1796 г. и последующих русских походов в Закавказье, когда местное армянское население не только с ликованием встречало русские войска, но и всячески помогало им.

Какова же была политика царской России в отношении Закавказья в целом и Армении в частности. Разумеется, политика эта определялась отнюдь не альтруистическими соображениями, а интересами помещичье-дворянского государства. Прочно закрепившись на Северном Кавказе, наметив и осуществив присоединение Крыма, Российская империя не могла не поставить в порядок дня и вопрос о Закавказье. Каспийская торговля издавна имела для России первостепенное значение, чем и был обусловлен в свое время персидский поход Петра I. Значение этой торговли в дальнейшем еще более возросло. Особенно к началу 80-х годов XVIII века в связи с создавшейся к тому времени международной обстановки. Овладение побережьем Каспийского моря теперь вновь ставилось в порядок дня. Но обладание одним этим побережьем не могло быть прочным без господства над примыкающим к нему хинтерландом. Вопрос об установлении в тех или иных формах русского владычества в Закавказье также приобретал поэтому актуальное значение. Для этого были однако и другие веские причины. Военно-стратегическое значение Закавказья, прикрывавшего с юга русские владения, также полностью учитывалось русской дипломатией.

В эти годы царское правительство не имело еще намерения непосредственно включить все Закавказье в состав Российской империи. Как мы знаем теперь из многочисленных архивных документов, в начале 80-х годов XVIII века в Петербурге был разработан следующий план. Дербенд и близлежащие каспийские территории должны были быть непосредственно присоединены к России. На остальной же территории Закавказья должны были быть созданы три под-

властных России государства – Грузия, Армения и Албания. Предполагалось установить протекторат над Картли-Кахетинским царством, а из закавказских ханств создать два других вассальных государства – Армению и Албанию. В дальнейшем намечалось поставить под протекторат России Имеретию и прочие княжества Западной Грузии, присоединить Ахалцихскую область к Картли-Кахетинскому царству, а земли Западной Армении – к армянскому государству. Осуществить этот проект казалось тем более возможным, что не одни лишь армяне обращались за помощью к России. Покровительства России искал и грузинский царь Ираклий II, в виду тяжелого положения Картли-Кахетинского царства, и даже некоторые ханы вели переговоры с русскими властями, заявляя о своей готовности признать власть русской императрицы.

К реализации этого плана было приступлено в июле 1783 г., когда в Георгиевской крепости был подписан договор, по которому Картли-Кахетинское царство вступило под протекторат России. В ноябре этого года в Грузию прибыли два батальона русских войск. Одновременно усиленно подготавливался поход для овладения прикаспийскими областями и закавказскими ханствами. Сложившаяся к тому времени в Иране политическая обстановка внушала даже русской дипломатии надежду разрешить вопрос о Закавказье без большой войны. Один из претендентов на шахский престол Али-Мурад хан сумел в 1784 г. подчинить себе большую часть Ирана, за исключением Прикаспийских провинций, где все более усиливались катжары во главе с Ага-Мохамед ханом. Али-Мурад хан, стремившийся опереться на Россию и заключить с ней союз, соглашался отказаться в пользу России как от Прикаспийских провинций, так и от ханств Карадагского, Карабахского, Нахичеванского и Ереванского. Но вскоре ситуация в существенном образе изменилась. Старый недруг России Ага-Мохамед хан разбил войска Али-Мурада и овладел Исфаганом. Одновременно резко ухудшилась

политическая обстановка на Кавказе, благодаря активному вмешательству Турции, сумевшей спровоцировать на Северном Кавказе восстание, возглавленное турецким агентом Мансуром. При создавшейся ситуации не было, разумеется, возможно осуществить намеченные планы. Более того, начавшаяся в 1787 г. новая война с Турцией вынудила царское правительство вывести свои войска из Грузии.

К началу XIX столетия царское правительство переходит от политики создания за Кавказским хребтом вассальных государств к политике непосредственного присоединения Закавказья к Российской империи. Мы не можем здесь излагать многочисленные причины, обусловившие этот новый политический путь. Скажу лишь, что он был в значительной мере связан с новой международной обстановкой, сложившейся в результате Французской революции и последующих войн, с обострившейся англо-франко-русской борьбой на Востоке, с усилившимся стремлением как Франции, так и Англии укрепить свои экономические и политические позиции в Османской империи и в Иране и вовлечь их в борьбу против России. Этот решительный поворот в политике царской России на Кавказе произошел в 1801 г., когда Каргли-Кахетинское царство было упразднено и Грузия была непосредственно включена в состав Российской империи. При обсуждении этого вопроса в Петербурге имевшиеся среди русских сановников сторонники прежнего порядка вещей, отстаивавшие необходимость сохранения грузинского государства, остались в меньшинстве. Нельзя поэтому сомневаться, что если бы даже в 80-х годах XVIII столетия привходящие обстоятельства не помешали бы осуществлению планов создания под протекторатом России армянского государства, то государство это не просуществовало бы более двух десятков лет и его неизбежно постигла бы участь Грузии.

В относительно короткий срок (в основном в течение пяти лет с 1801 г. по 1806 г.) под власть Российской империи перешло

почти все Закавказье, за исключением Ахалцихского пашалыка и некоторых прибрежных районов, находившихся в руках Турции, а также ханств Ереванского и Нахичеванского. Это фактическое положение вещей было закреплено Гюлистанским мирным договором, завершившим русско-иранскую войну 1804-1813 гг., которая, несмотря на большую военную помощь Ирана сперва со стороны французов, а затем англичан, закончилась победой русских войск. Это означало присоединение к России почти всей территории Грузии и Северного Азербайджана, а также половину территории теперешней Советской Армении (Лори, Памбак, Ширак, Зангезур). Под властью царской России оказались как грузины и азербайджанцы, так и большая часть армянского населения Закавказья. Но основной центр Восточной Армении остался под властью персов: два похода русских войск на Ереван – в 1804 г. во главе с Цициановым и в 1808 г. под командованием Гудовича – оказались безуспешными. Неудачный штурм Ереванской крепости в 1808 г. в значительной мере объяснялся наличием новых фортификаций, возведенных французскими военными, входившими в состав миссии генерала Гардана, посланной Наполеоном в Иран.

Окончательное освобождение Восточной Армении произошло лишь в результате новой русско-иранской войны 1826-1828 гг., войны, спровоцированной иранскими феодалами по наущению и подстрекательству английской дипломатии.

В этой войне, наряду с русскими войсками, приняли участие и специально организованные армянские добровольческие отряды. Самую активную помощь русским войскам оказывало и местное армянское население. Оно не только снабжало русские войска продовольствием и всем необходимым, не только доставляло русскому командованию необходимые сведения, но и с оружием в руках выступало против персов. При приближении русских войск к Еревану многие крестьяне Ошакана, Аштарак, Эчмиадзина, покинув свои села, организовали вооруженные отряды и

присоединились к русской армии.

Осада Еревана, предпринятая после взятия Сардарабата, увенчалась на этот раз успехом. 1 октября 1827 г. русские войска штурмом овладели Ереванской крепостью – этим главным оплотом иранского владычества в Восточной Армении. Туркменчайский договор, подписанный в феврале 1828 года, санкционировал присоединение к России ханств Ереванского и Нахичеванского, из которых была образована «Армянская область».

Присоединение Восточной Армении к России было встречено с восторгом всем армянским народом, всеми передовыми армянскими деятелями. Выражая общее настроение, великий армянский просветитель Хачатур Абовян писал: «Да будет благословлен тот час, когда русские вступили на нашу землю. Имя русского должно быть священным для нас, так же, как и кровь его, которая спасла нас».

Несмотря на то, что царизм в силу своей классовой сущности не осуществил, да и не мог осуществить конечные цели армянского освободительного движения, присоединение Восточной Армении к России имело огромное прогрессивное значение, явилось для армянского народа величайшим благом и знаменовало собой решающий поворот в его исторических судьбах. Благодаря присоединению к России армяне избавились от порабощения со стороны отсталой восточной деспотии, которая сама являлась уже объектом колониальной экспансии западноевропейских капиталистических государств. Присоединение к России ликвидировало феодальную раздробленность, положило конец феодальным междоусобицам, обеспечило населению Восточной Армении личную и имущественную безопасность, элементарную законность. Восточная Армения, на территорию которой, сразу же после присоединения к России, переселились десятки тысяч армян из Ирана и Турции, стала центром национальной консолидации армянского народа. Россия находилась на несравненно более высоком уровне

экономического развития, чем восточные государства; в России быстро развивались капиталистические отношения и она вскоре вступила в период капитализма. Поэтому присоединение к России ликвидировало с течением времени феодальную отсталость Восточной Армении, и несмотря на гнет царизма, содействовало известному развитию ее экономики. Огромное благотворное влияние на дальнейшее развитие древней культуры армянского народа оказала передовая русская культура – культура Пушкина и Лермонтова, Белинского и Чернышевского, Некрасова и Горького. В русских университетах и культурных центрах формировалась новая армянская интеллигенция, давшая целую плеяду выдающихся армянских писателей, ученых, мыслителей, поднявших армянскую литературу, науку и культуру на значительно более высокую ступень. И все это происходило на фоне небывалой исторической трагедии, выпавшей на долю Западной Армении, оставшейся под властью Турции.

Но главное, основное, решающее значение присоединения Восточной Армении к России заключалось в том, что оно навеки связало судьбу армянского народа с судьбой великого русского народа.

И сейчас, когда мы по справедливости гордимся нашими национальными достижениями, экономическим и культурным расцветом Армянской Советской Социалистической Республики, мы никогда не должны забывать, что лишь присоединение Восточной Армении к России 150 лет назад сделало возможным последующее социальное освобождение и национальное возрождение армянского народа.

ОТКЛИКИ НА ПАРИЖСКУЮ КОММУНУ В АРМЯНСКОЙ ПЕЧАТИ³⁸

Национально-освободительное движение армянского народа в XIX веке побуждало армянскую общественность уделять пристальное внимание, наряду с революционным движением в России, национально-освободительным и революционным движениям в Западной Европе. Отсюда совершенно исключительный интерес всех передовых армянских деятелей, публицистов, писателей к Италии и борьбе итальянского народа против иноземного господства. Гарибальди был подлинным кумиром армянских патриотов. Отсюда же большой интерес к революционным событиям во Франции, к французским революциям и демократическим традициям.

Уже февральская революция 1848 года нашла значительный отклик и вызвала энтузиазм среди прогрессивных армянских деятелей. Примером тому может служить выдающийся публицист – демократ Стефан Воскан. Находясь в Париже с 1846 г., посещая Сорбонну и Колеж де Франс, слушая лекции Эдгара Кине, Мишле, Мицкевича, он накануне революции принял участие в петиционной кампании и в различных демонстрациях, печатал статьи в газетах « Le National »

³⁸ НА РА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 82. Л. 4-10. Машинопись, оригинал. Доклад, прочитанный А.Р. Иоаннисяном 22 мая 1971 г. в Париже на коллоквиуме, посвященном 100-летию Парижской Коммуны. См.: Табагуа И.М. Два коллоквиума – в Париже и Тулузе // Новая и новейшая история. 1971. № 6. С. 211. В 1972 г. текст этого доклада был опубликован в Париже в переводе на французский: Ioannissian A. Échos de la Commune de Paris dans la presse arménienne // Colloque universitaire pour la commémoration du centenaire de la Commune de 1871 tenu à Paris les 21, 22 et 23 mai 1971. Actes. Paris. 1972. P. 260-262.

и « La Riforme ». В февральские дни 1848 г. он с оружием в руках боролся на баррикадах Парижа и одним из первых ворвался во дворец Тюильри. Несколько лет спустя он так характеризовал воздействие на него февральской революции: «Первый гром февральской свободы разорвал окутывавшую нас пелену восточного оцепенения, воспламенил наше сердце подобно вулкану, вселил в нас безграничную энергию и произвольно бросил нас на арену борьбы». Арестованный за участие в республиканской демонстрации 13 июня 1849 г., высланный из Франции в 1852 г., он три года спустя вновь возвращается в Париж, где издает две газеты на армянском языке – «Аревелк» [1855-1856] и «Аревмутк» [1856, 1864-1865]³⁹, в которых пропагандирует республиканские и демократические идеалы Французской революции, увязывая их с задачами национально-освободительной борьбы армянского народа.

Стефан Воскан не был одинок. В 50-60-х годах XIX столетия в армянской действительности, наряду с консервативно-клерикальным и либеральным направлениями, возникает и новое революционно-демократическое течение. Одним из его основоположников был Микаэл Налбандян, соратник Герцена и Огарева, активный участник русского революционного движения 60-х годов, заключенный царским правительством в Петропавловскую крепость. Выразителями демократических идей были и многие деятели среди западных армян. Таков был в первый период своей деятельности Стефан Воскан, таковыми были публицисты и писатели Арутюн Свачян, Григор Чилинкирян и др. Среди революционных демократов получали все большее распространение идеи утопического социализма. Мы находим их в произведениях Налбандяна. Чилинкирян, с негодованием осуждавший социальную несправедливость, переведший с этой целью на армянский язык «Отверженные» Виктора Гюго, заявлял, в ответ на

³⁹ В тексте – «Восток» и «Запад».

выдвигавшиеся против него обвинения, что он является социалистом, что он воспринимает это не как порицание, а как похвалу. Постепенно в армянскую среду проникают сведения и о деятельности Первого Интернационала. В армянской печати появляются статьи, излагающие историю возникновения Интернационала, его программу и деятельность, почти дословно пересказывающие текст Учредительного манифеста, воспроизводящие главные положения его устава, указывающие, что основной задачей Интернационала является «освобождение трудящихся от власти капитала».

События, разразившиеся во Франции в 1871 году, не могли, поэтому, не вызвать откликов в армянской среде. Разумеется, отклики эти были различные. Если предыдущие революционные движения во Франции, органиченные рамками буржуазной демократии, встречали сочувствие самых широких кругов армянского общества, то Парижская Коммуна, связанная с новыми социальными идеалами, вызвала размежевание общественных сил.

Различная оценка Парижской Коммуны нашла свое отражение и в армянской печати того времени, несмотря на наличие как в России, так и в Турции самой суровой цензуры, которая не давала возможности армянским газетам и журналам свободно и откровенно, без оговоров, излагать свои политические мнения и убеждения.

На страницах издававшейся в Константинополе газеты «Масис» мы находим в течение марта, апреля, мая 1871 г. очень обширную и разностороннюю информацию о Парижской Коммуне. Кроме многочисленных телеграмм, освещавших подробно, день за днем, события в Париже и ход военных операций, газета публиковала специальные корреспонденции и различные другие материалы. В первое время газета пыталась создать впечатление о своей полной объективности, печатая не только речи Тьера, дебаты в Национальном собрании и официальную правительственную информацию, но и декреты

Коммуны, ее обращения и декларации. Газета пыталась даже представить парижское восстание как результат своего рода недоразумения, возникшего между двумя группами искренних республиканцев – «красных республиканцев» Парижа и умеренных республиканцев, возглавляемых Тьером, которым следовало бы объединиться против роялистской и бонапартистской опасности. Но по мере развития событий, тон газеты в отношении парижских коммунаров становится все более враждебным. Все чаще публикуются сообщения о производимых Коммуной «грабежах» и «насилиях», приводятся «слухи» о том, что парижское восстание организовано бонапартистами; в обширной корреспонденции из Парижа, столица Франции, под властью Коммуны, изображается как пустынный и вымерший город, с грязными улицами и закрытыми магазинами, где царит могильная тишина и всеобщее отчаяние. В майские же дни газета пишет уже о коммунарах с нескрываемой ненавистью, голословно заявляя, кстати, что большинство из них даже не французы, а иноземные авантюристы, нахлынувшие со всех сторон в Париж. Обвиняя коммунаров в поджоге Парижа, газета заявляет, что по сравнению с их варварством варварские деяния Тамерлана являются пуштышными.

Несколько иную позицию заняла издававшаяся в Тифлисе газета «Мегу Аїастани», также подробно информировавшая своих читателей о парижских событиях. В номере от 12 июня 1871 г. была опубликована анонимная «Корреспонденция из Парижа», в которой как бы подводился итог этих событий. Автор корреспонденции оправдывает парижскую революцию, возлагая вину за все происшедшее на «правительство национальной обороны», которое сознательно не захотело использовать энтузиазм масс, готовых оборонять Париж до последней возможности и пошло на стовор с неприятелем, а также на правительство Тьера, которое не захотело наказать виновных и отказалось предоставить народу широкие

политические права. Осуждая расстрел заложников и поджоги, совершенные в дни Коммуны, автор корреспонденции всячески стремится подчеркнуть, что вина за это ложится на отдельных безответственных лиц, а не на Коммуну в целом и не на парижских «трудящихся». «Нет сомнения, — пишет он, — что в парижском движении участвовали и многие злоумышленники, как из числа французов, так и иностранцев, не имевшие ничего общего с широкими кругами населения и с Коммуной и даже враждебные им. Но было бы крайне несправедливым ставить в один ряд с ними ту массу революционеров, об убийстве которых без суда каждый день сообщают версальские газеты». И автор корреспонденции решительно выступает в защиту «честных коммунаров».

Еще более интересную оценку Парижской Коммуны мы находим на страницах журнала «Аревелин мамул», издававшегося в Смирне прогрессивным демократическим деятелем Мамуряном. В апрельском, майском и июньском номерах этого журнала за 1871 г. мы находим подробную информацию о парижских событиях. Вину за парижское восстание журнал возлагает на роялистски настроенное Национальное собрание, которое своей реакционной политикой разожгло пламя, глевшее среди «низших слоев народа». Гюго говорил, что Париж — это голова Франции, ее сердце. И вот теперь хотят отрезать эту голову, хотя бы и заблудшую, но борющуюся за принципы, вырвать это сердце, преисполненное высоких чувств, а Франция остается безразличной, та Франция, которая во время последней войны спасла свою честь лишь благодаря Парижу. В обзоре, помещенном в майском номере журнала, подробно анализируется термин «коммуна». Автор обзора задает вопрос — почему Тьер отказался признать Парижскую Коммуну и примириться с ее существованием, хотя принцип городского самоуправления был провозглашен самим Национальным собранием? Отвечая на этот вопрос, журнал указывает, что суть заключается в том, что Парижская

Коммуна добивалась не просто широкого самоуправления, а неизбежно должна была выдвинуть и «социалистические задачи», попытаться как и в 1848 г. организовать национальные мастерские, поставить под сомнение право собственности, «одним словом, попытаться изменить общественный строй Франции». Такой человек как Тьер не мог, естественно, «предоставить Парижу те коммунальные свободы, которые, по его убеждению, привели бы к настоящему коммунизму». Так, журнал «Аревелин мамул» точно и правильно вскрывает истинную сущность Парижской Коммуны и подлинную причину разразившейся во Франции гражданской войны. В июньском номере, описывая падение Коммуны, журнал, осуждая коммунаров за поджог Парижа, одновременно резко клеймит преступления правительственных войск, а также массовые репрессии против коммунаров и совершенно невинных людей. «Господин Тьер взял Париж, но как: одну часть, превращенную в развалины, другую – преисполненную ненависти и жаждой будущего мщения, третью – проникнутую тем безразличным скептицизмом, который побуждает покорно склонять голову перед любым насилием».

В 1872 г. в Тифлисе начала выходить газета «Мшак», ставшая основным органом армянского либерализма. Откликаясь на недавние события, газета в целом заняла отрицательную позицию в отношении Парижской Коммуны, одобряя расправу с коммунарами, выступая против их амнистии. Редактор газеты Григор Арцруни, в статье, посвященной Тьеру, восхваляя его как «выдающегося ученого, писателя, историка и государственного деятеля», прославляя его за то, что, благодаря ему, во Франции был восстановлен мир, «нарушенный ужасающим коммунистическим движением». Но на страницах газеты звучали и иные голоса передовых армянских деятелей. В этой связи особый интерес представляет опубликованная несколько позже, в 1879 г., статья великого армянского писателя, виднейшего представителя

национально-освободительного движения Раффи, исторические романы которого вдохновляли целые поколения армянской молодежи на освободительную борьбу. В статье «Армянская молодежь» Раффи, характеризуя революционную активность французских студентов, писал: «Когда возникает народное движение, когда вспыхивает политическая революция, студенты приходят в движение, просыпаются как спящие львы, первыми оглашают улицы пением Марсельезы, разбивают памятники деспотизма и мчатся на баррикады. Кто мало мальски знаком с историей Франции, знает, какую большую роль сыграли студенты в 1830 г. и в 1840-х годах и особенно во время Коммуны». И Раффи призывал армянскую молодежь брать пример с французских студентов.

Мы ограничиваемся лишь этими отдельными примерами непосредственных откликов на Парижскую Коммуну в армянской печати того времени. В заключение я хотел бы лишь отметить, что в дальнейшем, по мере развития революционного движения и распространения марксизма в Армении, ссылки в армянской печати и публицистике на Парижскую Коммуну и ее исторический опыт становятся все более многочисленными.

[Подпись]

ОТЗЫВ О СБОРНИКЕ «ИСТРЕБЛЕНИЕ АРМЯН ТУРКАМИ»⁴⁰

Сборник документов об истреблении армян турками является результатом большой и плодотворной работы. Извлечены из архивов многочисленные документы, рисующие кровавую эпопею, пережитую армянским народом. Основная ценность сборника заключается в том, что приводимые в нем документы описывают не отдельные события, связанные с физическим уничтожением армянского населения, а наглядно показывают, что истребление армян являлось продуманной политикой, систематически проводившейся султанским правительством в течение трех десятков лет. Читатель на многочисленных фактах и конкретных примерах убеждается, что резня армян являлась не стихийным выступлением мусульманской черни или бесчинствами курдов, а погромами, заранее планируемыми и организованными турецким правительством. Он убеждается далее и в том, что даже в относительно «мирные» годы, когда не было такой массовой резни, как скажем в 1894-1896 гг., проводилась, лишь в несколько иных формах, та же планомерная политика уменьшения армянского населения путем экономического гнета, захвата армянских земель, невыносимых беззаконий и насилий и вынужденной эмиграции армян.

Наряду с этим сборник, в его теперешнем виде, имеет и ряд недочетов. Прежде всего вызывают возражения некоторые помещенные в нем документы и материалы. Более существенным является, однако, вопрос о самой структуре этого сборника.

В отдельных документах имеются сообщения о деятельности в Турецкой Армении «армянских револю-

⁴⁰ НА РА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 64. Л. 1-7. Машинопись, копия.

ционеров». Так например, в документе N 22 речь идет о «существовании армянского весьма разветвленного заговора», о наличии у армян «складов оружия» и т.д. В документе N 23 также описывается деятельность армянских «заговорщиков», среди которых «находится много армян, прибывших из России». При этом указывается, что деятельность этих лиц вызывает озлобление турок против армян и провоцирует беспорядки. В документе N 35 сообщается об активности армянских «революционных комитетов», о «революционной агитации» среди армян, проводимой русско-подданными «революционерами», в том числе Варт-Патриковым, Заваряном и др. В документе N 100 приводятся (без каких-либо комментариев) полученные Портою сведения о подготовке в Турецкой Армении восстания, которое «возможно повсюду, но особенно в Ванском вилайете и в пограничной с Закавказьем полосе, куда ожидаются весной вторжения армян из России». Такие сообщения и сведения мы находим и в целом ряде других документов.

Думается, что такого рода документы следует исключить из сборника по следующим двум причинам: во-первых, вряд ли целесообразно изображать деятельность гнчакистов и дашнаков в Турецкой Армении как «революционное движение», а таких лиц, как гнчакиста Варт-Патрикова или известного дашнакского лидера Заваряна, как «революционеров». Во-вторых, подобные документы (вышедшие из под пера реакционных царских дипломатов, напуганных перспективой «революционного движения» вблизи русских границ) односторонне искажают историческую действительность, объективно подкрепляя турецкий тезис о том, что армяне сами повинны в своем истреблении, поскольку репрессии против них явились результатом начавшегося среди них антитурецкого движения, искусственно вызванного внешними влияниями —

тезис, полностью воспринятый и кемалистами (см. книгу Мустафа Кемаль-паши «Путь новой Турции»⁴¹).

В этой связи следует отметить, что в сборнике имеются документы, рисующие двойственную политику царской России в армянском вопросе. В этом отношении особенно характерен документ N 42, представляющий собой депешу посла в Константинополе Нелидова министру иностранных дел Лобанову-Ростовскому. В депеше этой высказывается та мысль, что хотя с одной стороны Россия должна выступать в роли покровительницы христиан, чтобы не лишиться своего на них влияния, но с другой стороны она должна сама опасаться последствий армянского движения. «Имея в числе наших подданных более миллиона армян, успевших приобрести господствующее положение в Закавказском крае, мы не можем ни относиться вполне безучастно к страданиям их братьев, поселенных вне наших пределов, ни слишком горячо за них заступаться, так как вождения их, в дальнейшем своем развитии, могут угрожать самому единству и безопасности нашего отечества». «Идя с Англией далее дружеских представлений и советов, мы втягиваемся в ссору с Турцией и невольно способствуем созданию армянского центра, имеющего стать для нас неудобным».

Думается, что при всей исторической ценности такого рода документов, они не к месту в данном сборнике. Ведь целью сборника является не разоблачение царской дипломатии, а разоблачение турецких зверств и турецкой политики истребления армян. Вообще следует указать, что помещенные в сборнике единичные документы о позиции отдельных держав в армянском вопросе носят случайный характер. Таков, например, документ N 148 о переговорах между великими державами относительно реформ в Турецкой Армении. Следует

⁴¹ Автор имеет в виду мемуары М. Кемалья. См.: Мустафа Кемаль. Путь новой Турции. М. 1929-1934. Т. 1-4.

или посвятить сборник армянскому вопросу вообще (в широком смысле этого слова), или не включать эти случайные и разрозненные документы.

В сборнике имеются лишние материалы, которые можно было бы исключить без какого-либо ущерба. Отдельные документы являются повторением предыдущих и не содержат таких новых данных, которые оправдывали бы включение их в сборник. Например, документ N 137 – обширный отчет вице-консула на французском языке – является повторением предыдущих документов о событиях в Адана. То же относится и к многочисленным документам о сасунских событиях, часть которых можно было бы сократить. Иногда приводятся одновременно как сообщения консулов, так и донесения послов, основанные на этих сообщениях и почти дословно их повторяющие. Лишними представляются и такие материалы, как, например, проект письма Сазонова католикосу (документ N 142), беседа генерального консула в Эрзеруме с патриархом Завеном (документ N 152), обращение католикоса Геворка к наместнику Воронцову-Дашкову по вопросу о проекте реформ Турецкой Армении (документ N 158) и ряд других.

Основным недостатком сборника является, однако, не это. Основной недочет – это та диспропорция, которая существует между отдельными его частями. Событиям 1880-1890 гг. посвящен 81 документ, периоду 1900-1913 гг. – 77 документов, периоду же Первой мировой войны всего 36 документов. Еще более разительна эта диспропорция, если мы сравним реальный объем этих материалов. Из 1108 машинописных страниц 1021 страницу занимают документы, относящиеся к периоду до 1914 г. (из них 734 страницы документы 80-90-х годов XIX столетия) и лишь 87 страниц посвящены периоду Первой мировой войны. Объясняется это тем, что документы последней категории – большей частью короткие телеграммы в несколько строк. При этом часть из них не имеет непосредственного отношения к описанию массового истребления армян в 1915-1916 гг. Например,

документ N 180 является телеграммой русского посланника в Болгарии об обращении армянской колонии в Софии по поводу событий в Турецкой Армении. Документ N 182 – письмо члена Государственной Думы Пападж[ан]яна Сазонову по вопросу об оказании материальной помощи армянским беженцам. Документ N 186 – письмо Сазонову от одного из лидеров партии дашнакцутюн Завриева, с различными соображениями и просьбами по армянскому вопросу. Даже те документы, в которых конкретно описываются турецкие зверства, являются большей частью не прямыми свидетельствами очевидцев, а пересказом различных «слухов» и полученных из вторых рук сведений. Документ N 176, например, является телеграммой, сообщающей о казни 22 (!) армян – и это в то время, когда в Турецкой Армении гибли сотни тысяч людей. Читатель сборника, ознакамливаясь с помещенными в нем документами, не сможет составить себе полной картины того, что произошло в Турецкой Армении в первые годы мировой войны. А ведь именно тогда и имело место окончательное истребление армянского населения. Приложение, в котором помещены различные случайные (в том числе и газетные) материалы, не восполняет, к сожалению, этот пробел.

Даже в таком урезанном виде сборник доводит изложение событий только до 1917 года. Последний год войны (1918 г.) и дальнейшие события 1920-[19]21 гг. остаются вне рамок сборника. Между тем, именно эти события представляют наиболее актуальный интерес. Ведь именно в эти годы происходило истребление турками армян уже на территории Закавказья, в частности, в Карской области. При этом если в 1918 году истребление это осуществляли войска султанской Турции, то в 1920-[19]21 гг. эти избиения и зверства совершались кемалистами. Известно, что в настоящее время заправилы Турции утверждают, что они не имеют никакого отношения к резне армян. Они даже «осуждают» эту резню, приписывая ее старому султанскому правительству, против

которого они сами-де в свое время «восстали» и которое свергли. Разоблачение перед всем миром этой лжи (а именно это и имеет для нас самое актуальное политическое значение) может быть достигнуто лишь опубликованием документов, относящихся к событиям 1918-1921 гг. Даже те документы, которые хранятся в Гос[ударственном] архиве Армянской ССР, рисуют необычайно яркую картину турецких зверств, грабежей и насилий в Карской области и на территории теперешней Советской Армении (в частности, на территории бывшего Александропольского уезда) как в 1918 г., так и в 1920-[19]21 гг.

Думается поэтому, что издавать сборник в его теперешнем виде не является целесообразным. Возможны по-видимому лишь два решения вопроса:

а/ или, значительно сократив первую часть, дополнить сборник материалами, относящимися к периоду 1914-[19]21 гг. и издать его в виде одного тома;

б/ или же издать в виде первого тома документы, относящиеся к 1880-1914 гг., с тем, чтобы в дальнейшем подготовить второй том, посвященный периоду [с] 1914 по 1921 год, т.е. с начала Первой мировой войны до окончательного установления Советской власти в Армении.

Вообще говоря, предпочтительнее был бы, конечно, первый вариант. Однако, для того, чтобы не откладывать издание сборника на неопределенный срок, целесообразнее было бы, пожалуй, при сложившихся обстоятельствах, принять второе решение.

А. Иоаннисян
1 октября 1947 г.⁴²

⁴² Как уже отметили, имеет смысл привести текст сохранившегося в архиве А.Р. Иоаннисяна машинописного оригинала письма В.М. Хвостова от 24 ноября 1947 г.

«С Вашим отзывом о сборнике «Истребление армян турками» – согласен.

Считаю целесообразным издать документы, охватывающие период с 1880-х гг. до начала Первой мировой войны, в виде первого тома сборника, с тем, чтобы в дальнейшем подготовить второй том за период 1914-1921 гг.

Считаю правильным изъять из сборника повторяющиеся документы, документы изображающие деятельность гнчакистов и дашнаков в Турецкой Армении в качестве революционного движения, документы о позиции держав в армянском вопросе.

Прошу сообщить, когда представители Института истории смогут приступить к дальнейшей работе по подготовке сборника к сдаче в печать (исключение излишних документов, составление именного и географического указателей, редакция написания турецких и армянских фамилий, географических названий и т.п.)». См.: НА РА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 250. Л. 10.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОТЗЫВ О РАБОТЕ ТОВ. А. ИОАННИСЯНА «ИДЕЙНЫЕ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ФУРЬЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ЕГО УЧЕНИЯ»⁴³

Работа тов. А. Иоаннисяна посвящена вопросу, почти не разработанному в исторической литературе. Даже в наиболее обстоятельной монографии о Фурье – в книге Буржена⁴⁴ – раздел о предшественниках Фурье представляет скорее суммарный перечень, чем исследование. Отдельные замечания и указания на испытанные Фурье идейные влияния, конечно, можно найти и в социалистической литературе (главным образом у противников фурьеризма в 40-х годах прошлого века) и в некоторых исторических трудах (Мишле, Жорес и др.). Сопоставление всех этих указаний и их научный анализ произведены впервые в работе тов. Иоаннисяна.

Первая глава работы трактует вопрос о социально-экономических предпосылках зарождения идеала ассоциации. Опираясь на существующие работы по экономической истории Франции за интересующий его период, автор, однако, уже и в этой главе обнаруживает весьма широкую начитанность не только в общей, но и в специальной литературе, а также, частично, и в первоисточниках (Юнг, Мерсье, документы по истории термидорианской реакции и т.п.). Очень интересны разделы об экономике винодельческих районов, о ранних попытках кооперации в Лионе. В оценке исторического смысла ассоциативного движения автор опирается на работы В.И. Ленина.

⁴³ НА РА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 261. Л. 1-4. Машинопись, копия.

⁴⁴ См.: Bourgin H. Fourier. Contribution à l'étude du socialisme français. Paris. 1905.

Во второй главе автор, познакомив читателя с социально-экономической обстановкой, в которой слагались идеалы Фурье и его предшественников, переходит к существу своей основной проблемы. Сопоставление отдельных положений Фурье с более ранними проектами ассоциаций может дать научный результат лишь в том случае, если мы ясно представляем место этих положений в системе Фурье и в ее формировании. Автор доказывает, что основные этапы развития мысли Фурье нашли свое отражение в его представлениях о переходном периоде от цивилизации к гармонии. В соответствии с этим для выяснения процесса формирования ассоциативного идеала Фурье и ранних его выражений автор производит исследование и систематизацию взглядов Фурье на формы ассоциации, через которые общество должно было бы пройти в эпохи гарантизма и социантизма, если бы «открытие» Фурье не приводило его непосредственно к гармонии. Это исследование представляет самостоятельный интерес, независимо от своей цели в общем плане труда – как первая в литературе попытка анализа этой стороны учения Фурье, обычно не привлекающая к себе внимания исследователей, всецело сосредоточивающегося на гармоническом строе, на фаланге. Вторая глава работы тов. Иоаннисяна – ценный вклад в литературу о Фурье.

Третья глава дает сравнение ассоциативных проектов Фурье с проектами Ретифа. Такое выделение Ретифа вполне оправдано и многочисленными чертами сходства проектов, и соображениями методологического порядка. Как известно, вопрос об идейной зависимости Фурье от Ретифа был поставлен еще около ста лет тому назад Леру, выдвинувшим против Фурье обвинение в плагиате у Ретифа. Как это ни странно, вопрос этот до т. Иоаннисяна не был поставлен всерьез и расследован до конца ни одним из ученых, занимавшихся Фурье. Методологически правильно поставить на первое место проблему Фурье-Ретиф, дающую наибольший материал для весьма разносторонних сопоставлений, чтобы затем уже перейти к

другим предшественникам, влияние которых могло иметь лишь более частный характер. Сопоставление вполне оправдывает вывод автора: Ретиф в своих социальных построениях – несомненный предшественник Фурье; непосредственное влияние не может быть доказано документально, однако, большое число пунктов сходства не может быть признано результатом случайности: построения Ретифа влияли на развитие взглядов Фурье.

Четвертая глава посвящена возможной зависимости Фурье от других авторов проектов ассоциаций XVIII и начала XIX в., а также от известных Фурье статуты конкретных, реально существовавших ассоциаций. Тема разработана автором очень свежо и интересно. Лишь частично он идет здесь по путям, уже проложенным, пересматривая существовавшие ранее в литературе указания и подвергая их критической проверке. Глава заканчивается общей оценкой утопии Фурье в ее развитии.

В приложении автором выделен отдельный экскурс о натурфилософских взглядах Ретифа и Фурье. Это ценное дополнение к главе второй. Хорошо, что оно выделено из книги, посвященной формированию *общественного идеала* Фурье. Но в то же время полезно его сохранение в качестве приложения, ибо сходство натурфилософских построений еще более подкрепляет тезис автора о значительном влиянии Ретифа на Фурье.

Работа тов. Иоаннисяна отличается большими достоинствами. Она основана на весьма тщательном изучении Фурье и его предшественников – в первую очередь Ретифа. В ряде разделов она дает совершенно новые для науки выводы; в других она весьма удачно суммирует известные, но разбросанные в других исследованиях положения. Требованиям, предъявляемым к докторской диссертации, она, по моему мнению, вполне соответствует. Очень желательно

спешно напечатать ее в связи с исполнившимся в октябре 1937 года столетием со дня смерти Фурье⁴⁵.

13/1 - 1938 г.

В. Волгин

Подлинник находится в делах Истфака МГУ.

Уч. секретарь – подпись

Верно:

⁴⁵ Книга А.Р. Иоаннисяна была опубликована под редакцией В.П. Волгина Издательством Академии наук СССР в 1939 г. См.: Иоаннисян А.Р. Генезис общественного идеала Фурье. М.-Л. 1939.

октября 1947 [г.]⁴⁶

В АКАДЕМИЮ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
[ВЫДВИЖЕНИЕ КАНДИДАТУРЫ А.Р. ИОАННИСЯНА НА
ВАКАНТНОЕ МЕСТО АКАДЕМИКА АН АРМЯНСКОЙ ССР]⁴⁷

В соответствии с объявлением Президиума Академии наук Армянской ССР об открытии вакансий действительных членов по общественным наукам – выдвигаю в *действительные члены* Академии наук тов. Абгара Рубеновича Иоаннисяна, директора Института истории Академии наук Армянской ССР.

Круг научных интересов тов. Иоаннисяна весьма широк. Его первые работы относились к истории социальных идей в Западной Европе, что и дало мне возможность оценить способности к научной работе и достижения тов. Иоаннисяна. Ряд статей, посвященных тов. Иоаннисяном французскому писателю XVIII в. Ретифу де ла Бретону, свидетельствовали о большой эрудиции автора и о его незаурядном исследовательском даре. Одна из этих статей была помещена в «Известиях Академии наук СССР» за 1931 г.⁴⁸. На эту же тему тов. Иоаннисян с большим успехом защитил в 1935 г. кандидатскую диссертацию – тоже в Академии наук, на заседании, происходившем под моим председательством. Диссертация была весьма высоко оценена оппонентами единогласно. Можно лишь пожалеть, что эта серия работ тов. Иоаннисяна не имеет своего завершения в форме монографии.

⁴⁶ Число не указано.

⁴⁷ НА РА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 261. Л. 9-10. Машинопись, оригинал.

⁴⁸ См. Иоаннисян А.Р. Утопия Ретифа де ла Бретона // Известия АН СССР, VII серия. Отделение общественных наук. 1931. N 2. с. 171-200; N 7, с. 833-856.

От Ретифа тов. Иоаннисян перешел к изучению великого французского утописта Фурье. Результатом этого изучения была прекрасная докторская диссертация, посвященная весьма сложной проблеме генезиса учения Фурье. Можно сказать с уверенностью, что этой работы не сможет миновать никто из будущих исследователей истории утопического социализма начала XIX века.

Помимо упомянутой диссертации тов. Иоаннисян написал о Фурье работу общего характера, дающую биографию и изложение учения великого утописта⁴⁹.

За последние годы тов. Иоаннисян перешел на темы по истории культуры и освободительного движения армянского народа. И в этой области он успел дать две большие работы, заслужившие весьма лестный отзыв специалистов: «Иосиф Эмин»; «Россия и армянское освободительное движение в XVIII столетии». Таким образом, опыт, приобретенный тов. Иоаннисяном в работах по истории Запада, применяется им теперь к изучению истории родного ему армянского народа. В течение ряда лет тов. Иоаннисян нес большую организационную работу в Ереванском университете.

Все это позволяет мне самым решительным образом рекомендовать тов. Иоаннисяна в качестве кандидата, как по своим научным трудам, так и по своей педагогической и научно-организационной деятельности, вполне заслуживающего избрания в *действительные члены* Академии наук Армянской ССР.

Академик [Подпись] (В.П. Волгин)

⁴⁹ См. Иоаннисян А.Р. Шарль Фурье. Ереван. 1941. См. также второе издание: М. 1958.

При сем прилагаю список трудов и основные даты научной и научно-организационной деятельности доктора исторических наук Иоаннисяна Абгара Рубеновича⁵⁰.

⁵⁰ Указанные документы нам обнаружить не удалось.

**ОТЗЫВ НА РУКОПИСЬ А.Р. ИОАННИСЯНА
«КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»⁵¹**

Работа А.Р. Иоаннисяна посвящена весьма интересной во многих отношениях теме. Она освещает одну из важных страниц в истории развития и формирования коммунистических идей в их ранней, домарксовской стадии. Она имеет существенное значение для понимания идейных процессов, совершавшихся во время Великой французской революции. Она раскрывает, наконец, картину развития и роста критического отношения, критической мысли народных низов – плебейства и крестьянской бедноты – развенчивающих буржуазные отношения еще в то время, когда они только складывались.

К сказанному следует добавить, что эта столь важная тема до сих пор оставалась неизученной. Не будет преувеличением сказать, что работа А.Р. Иоаннисяна – это первое исследование по этой теме в таком масштабе. До сих пор ученые занимались лишь одним-двумя именами – Гракх Бабеф, Ланж, Доливье, да и сведения об этих мыслителях были весьма неполными, фрагментарными.

А.Р. Иоаннисян в своем исследовании не только рассказал об известном гораздо полнее и правильнее, чем это знали ранее, но и – что является главным в его работе – нашел и открыл много того, что было вообще неизвестным, открыл ряд новых коммунистов-утопистов, ряд новых, неизвестных ранее, имен, ряд неизвестных произведений общественной мысли, что позволило внести в целом ряд существенных исправлений или дополнений в картину развития идейной борьбы в эпоху Великой французской революции.

⁵¹ НА РА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 265. Л. 1-5. Машинопись, копия.

Это стало возможным благодаря тому, что автор ряд лет работал в Национальном архиве и Национальной библиотеке Парижа и там нашел первоклассные уникальные рукописные материалы, остававшиеся неизвестными его предшественникам – ученым, занимавшимся той же проблематикой.

Эти новые, впервые введенные автором в научный оборот, материалы позволили ему открыть и показать новых приверженцев коммунистической идеи во Франции XVIII века – Гаспара Борье, Шапюи, Колиньона, Лежэ, Сабаро и др. Подробно, во всех деталях предстал образ Ретифа де ла Бретона – оригинального литератора многосторонних дарований, которого А.Р. Иоаннисян начал изучать более тридцати лет тому назад. Некоторые имена, уже известные специалистам, получили в результате находок А.Р. Иоаннисяна, новую интерпретацию, раскрылись иначе, чем они представлялись раньше. Это относится к Сильвену Марешалю, Доливье, в особенности к Буасселю.

О последнем следует сказать особо. Автор показывает нам в сущности совершенно иного политического деятеля и мыслителя, чем изображаемого прежде. Буассель выступает как якобинец-коммунист, сторонник республики санкюлотов, первым выдвинувший идею революционной диктатуры – переходной стадии к коммунизму. Все сообщаемое о Буасселе имеет громадный интерес. Материалы, приводимые А.Р. Иоаннисяном о Буасселе и его системе взглядов, позволяют рассматривать его как одного из непосредственных предшественников Бабефа. К сожалению, сам автор в полный голос об этом не говорит.

Автору следует также поставить в упрек, что его исследование развития коммунистической мысли во время Великой французской революции не всегда должным образом связано с самим процессом развития революции, или, говоря иными словами, не всегда вписывается в кадр революции. Поясню это частным примером. В главе, посвященной Буасселю,

автор говорит о том, что Буассель выдвинул идею революционного правительства. Это имеет, конечно, большой интерес. Но исследование, несомненно, выиграло бы, если бы автор сопоставил идею, конкретные мысли о революционном правительстве якобинца Буасселя с мыслями о революционном правительстве якобинских вождей – Робеспьера и Сен-Жюста. Тогда можно было бы лучше оценить что нового, оригинального внес Буассель в трактовку этого вопроса.

В целом, исследование А.Р. Иоаннисяна представляется мне большим достижением ученого. Без всякого преувеличения должен сказать, что эта работа вносит много нового и в историю домарксовской социалистической и коммунистической мысли, и в историю Великой французской революции. А.Р. Иоаннисян открыл новые, неведомые ранее имена писателей разной меры таланта, разного понимания, но представлявших наивную, утопическую, но все же коммунистическую мысль той далекой эпохи. Он сумел, с большой силой доказательности, внести существенные исправления в наши представления о других представителях общественной мысли – ранее нам знакомых. Он сумел, на основе этих частных исследований, показать и доказать, что эгалитарные и коммунистические идеи имели во время Великой французской революции более широкое распространение, чем это представлялось ранее.

Это, несомненно, очень важные научные результаты.

Исследование А.Р. Иоаннисяна, по моему убеждению, прочно войдет в историческую науку, и каждый ученый, изучающий историю общественной мысли XVIII в., историю Великой французской революции, должен будет считаться с научными результатами труда А.Р. Иоаннисяна.

Я рекомендую утвердить к печати монографию А.Р. Иоаннисяна «Коммунистические идеи во время Великой французской революции».

20 мая 1965 [г.]

[Подпись] /А.З. Манфред/

**ОТЗЫВ О МОНОГРАФИИ А.Р. ИОАННИСЯНА
«РЕВОЛЮЦИОННО-КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО
ФРАНЦИИ В 1840-1841 ГГ.»⁵²**

Новая работа А.Р. Иоаннисяна, крупнейшего в нашей стране знатока истории социалистической и коммунистической мысли во Франции конца XVIII и первой половины XIX в., представляет собой ценнейшее исследование.

Его достоинство состоит прежде всего в том, что автор использовал архивные фонды, к которым до сих пор не прикасалась рука историков, занимавшихся этой темой, в частности, французских авторов, в том числе Моранжа, Сансье («Бабувизм после Бабефа»), братьев Бурженов и др. В числе этих архивных фондов – 23 картон в Национальном архиве из фонда палаты и суда пэров (СС 771-794), содержащие сотни документов в связи с процессами Дармеса и Кениссе, никем еще не изучавшиеся, фонды ВВ¹⁸ и ВВ²⁴, содержащие данные о процессах коммунистов, ежедневные доклады префекта парижской полиции Делессера (F⁷), содержащие ценные сведения о стачечном движении 1840 г. в Париже, фонд Е⁵ из Военного архива, Архив парижской полицейской префектуры и т.д.

На основании этих впервые изученных архивных фондов А.Р. Иоаннисяну удалось нарисовать исключительно яркую картину революционно-коммунистического движения во Франции в 1840-[18]41 гг., показать все значение этих лет для созревания коммунистической мысли.

Автору удалось внести много нового в историю первых коммунистических обществ, в частности, в историю общества «Эгалитариев», внести ясность в историю размежевания этого общества и отпочкование от него «Коммунистического общества», сыгравшего важнейшую роль в организации знаменитого бельвильского коммунистического банкета (1840 г.)

⁵² НА РА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 266. Л. 1-4. Машинопись, копия.

и принимавшего активное участие в сентябрьской всеобщей стачке в Париже в сентябре того же года.

Если в прежних работах А.Р. Иоаннисяна он останавливался, по преимуществу, только на развитии социальной мысли, то в этой своей работе он останавливается как раз на массовом революционном рабочем движении в 40-е гг., почти совершенно не изучавшемся в советской литературе (из-за неизученности архивного материала) и связи его с деятельностью коммунистических обществ. В этот период, как показано в монографии, намечаются первые связи между рабочим движением и коммунистической мыслью, первые предпосылки для установления этой связи, являющейся величайшим достижением марксизма в конце тех же 40-х годов. Заслуга А.Р. Иоаннисяна состоит в том, что он впервые показал на обширном материале начало этого процесса во Франции.

Много нового вносит монография в историю собственно коммунистической мысли 40[-х] гг. Отметим, в частности, что, по существу, впервые дается точная история «юманитариев». А.Р. Иоаннисян обнаружил важнейшие документы, позволившие устранить ряд неточностей в освещении журнала «Humanitaire», состав его редакции, в которой, оказывается, не принимал никакого участия Дезами (вопреки утверждениям всех авторов, писавших об этом журнале), все идейные споры среди основателей журнала. Автор дает обоснованную и правильную оценку этого течения коммунистической мысли, как «ультра-левацкого», ведшего свои корни от Сильвена Марешаля. Большой интерес представляет, в этой связи, впервые обнаруженная и изученная переписка редактора журнала Шаравэ с Пийо, Гейем и другими видными представителями коммунистической мысли.

А.Р. Иоаннисян значительно расширил наши представления о теоретических взглядах коммунистов [18]40-х гг., нашел много ценных документов – проспекты журналов, брошюр, листовки [и] т.д. Он открыл такие любопытные

документы, как «Унитарную систему» Майера, автора и проспекта « Communautaire », о котором, вообще, почти ничего не было известно. Не ограничиваясь Парижем, автор обнаружил очень интересные документы о коммунистическом движении в Лионе и Руане. Советским историкам совершенно неизвестна была яркая фигура Шарля Нуаре – руанского ткача, практика и теоретика коммунистического движения.

А.Р. Иоаннисян показал несомненную связь между массовым рабочим движением [18]40-х гг. и революцией 1848 г., июньским восстанием. Очень любопытна показанная им фигура Гильома Розье, участвовавшего в сентябрьском стачечном движении 40-х гг. и июньском восстании 1848 г., когда он и погиб на баррикадах. Таков же и жизненный путь Пийо, председателя бельвильского коммунистического банкета, участника революции 1848 г. и Парижской Коммуны.

Может быть, в заключении следовало бы кратко сравнить состояние французского рабочего и коммунистического движения с Германией, Швейцарией и Англией.

Монография А.Р. Иоаннисяна показывает наглядно, что знаменитая фраза Коммунистического манифеста – «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма» – опиралась на конкретно-историческую действительность, в первую очередь, во Франции. В этом большая заслуга автора.

Само собой разумеется, что ценная, капитальная монография А.Р. Иоаннисяна должна возможно скорее увидеть свет. Но было бы очень важно обеспечить ее перевод на французский язык. Французские историки узнали бы из нее много для себя нового. Появление этой книги показало бы приоритет советской исторической науки в изучении ряда важных проблем истории Франции и ее социальной мысли.

[Подпись]

В.М. Далин,

Доктор исторических наук, профессор,

Лауреат премии им. В.П. Волгина АН СССР
1 августа 1982 [г.]

ПИСЬМО АКАДЕМИКА Е.В. ТАРЛЕ
А.Р. ИОАННИСЯНУ⁵³

18/ХІІ.1946 [г]⁵⁴.

Профессору А.Р. Иоаннисян[у]

Уважаемый коллега,

Только что получил Ваш труд «Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия».

Уже из беглого просмотра получается впечатление очень интересного и солидного исследования. Прочту его немедленно; я как раз скоро буду обрабатывать главу о походе В. Зубова и его антецедентах⁵⁵.

Примите мой привет.

Уважающий Вас [Подпись]

P.S. Мечтаю побывать снова в 1947 г. в милой Армении!

⁵³ НА РА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 250. Л. 9-9 об. Рукопись.

⁵⁴ Книга А.Р. Иоаннисяна «Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия» (Ереван. 1947), по всей вероятности была опубликована уже в конце 1946 г.

⁵⁵ Предшествовавших действиях.

ПИСЬМО АКАДЕМИКА Н.М. ДРУЖИНИНА
А.Р. ИОАННИСЯНУ⁵⁶

17 июня 1966 г.

Глубокоуважаемый Абгар Рубенович!

Очень, очень благодарю Вас за Вашу интересную книгу⁵⁷. Как всегда, она написана чрезвычайно интересно, опирается на множество источников и открывает нам новые страницы в истории общественной мысли Франции. Когда я знакомился с содержанием книги, то вспоминал Ваши рассказы о том, как Вы разбирались в груде нетронутого материала в парижских архивах.

От души желаю Вам и Вашей супруге здоровья и радости в жизни!

Глубоко Вас уважающий

[Подпись]

⁵⁶ НА РА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 250. Л. 28. Рукопись.

⁵⁷ Речь идет о книге «Коммунистические идеи в годы Великой французской революции» (М. 1966).

**ПИСЬМО ПРОФЕССОРА А.В. АДО
А.Р. ИОАННИСЯНУ⁵⁸**

Глубокоуважаемый Абгар Рубенович!

Сердечно поздравляю Вас с выходом в свет Вашего фундаментального труда⁵⁹, искренне благодарен Вам за память и присылку мне книги. Читаю ее с неослабевающим интересом, несомненно, это глубоко оригинальный и наиболее весомый вклад в нашу (и не только нашу) литературу о великой революции и по богатству введенного в науку свежего материала, и по открытым им перспективам в общей оценке социального движения в революционное время. В сущности, раскрыт новый, неизвестный почти ранее, этап в развитии коммунистической мысли; а это ставит вопрос и о глубочайшей сложности и многогранности самой революции, как великого социального движения нового времени.

Очень, очень радуюсь столь успешному завершению многолетней Вашей работы, от души желаю Вам новых творческих завоеваний.

С глубоким уважением к Вам

[Подпись]
Москва, 16.X.[19]66 [г].

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

⁵⁸ НА РА. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 250. Л. 29. Рукопись.

⁵⁹ Речь идет о книге «Коммунистические идеи в годы Великой французской революции» (М. 1966). См. также рецензию А.В. Адо на эту книгу в журнале «Вопросы истории» (1968. N 8. С. 169-171).

А

Абовян Х. – 136
Ага-Мохамед, хан – 133
Адо А.В. – 12, 174
Али-Мурад, хан – 133
Амар Ж.-Б.-А. – 51
Арцруни Г. – 146

Б

Бабеф Г. – 30, 44, 47, 50, 52, 54, 152, 154, 156
Баграмян М. – 85-86, 122-123
Багратиды – 91
Баллон – 47
Бантке С.С. – 11
Барг М.А. – 14
Барсегов Ю.Г. – 20
Белинский В.Г. – 137
Блекстон У. – 96
Бонвиль Н. – 24-25, 28
Борье Г. – 9, 26, 28, 30, 153
Бриж – 46, 48
Бриссо Ж. – 22
Брэ – 46, 48
Буассель Ф. – 165-166
Буонарроти Ф. – 46-47, 51-52
Буржен Ю. – 58, 156
Буржены, братья – 168

В

Вандаль А. – 8
Варт-Патриков А. – 149-150
Вашингтон Д. – 87
Вахтанг VI – 119

Верас д'Алле Д. – 43
Вовель М. – 11
Волгин В.П. – 6-7, 13, 15, 21, 56, 147, 159
Вольтер Ф.М.А. – 79, 121
Воронцов М.И. – 125
Воронцов-Дашков И.И. – 152
Воскан С. – 140-141

Г

Габсбурги – 117
Гардан К.-М. – 135
Гарибальди Д. – 139
Геворк V, католикос – 152
Гей Ж. – 10, 46-47, 170
Герцен А.И. – 140
Годшо Ж. – 12
Голицин А.М. – 125
Гордон А.В. – 77
Горький М. – 137
Грениу Ж. – 10
Гудович И.В. – 135
Гукас I, католикос – 97
Гюго В. – 141, 144

Д

Далин В.М. – 10-12, 14-15, 21, 171
Дармес Э.М. – 48, 168
Дебон Р.Ф. – 10
Дезами Т. – 46-47, 51, 170
Делессер – 168
Джонс Г. – 80
Доливье П. – 29, 164-165

Дрио Э. – 9

Дружинин Н.М. – 173

Дунаевский В.А. – 10

Дюкрюи – 29

Е

Екатерина II – 129

Ж

Жирар – 27-28

Жорес Ж. – 156

Жюльен М.-А. – 10

З

Заварян С. – 149-150

Завен, патриарх – 152

Завриев Я. – 153

Зильберфарб И.И. – 17, 54-59,
63-72, 74

Зубов В. – 121, 172

И

И. С. см. Сиволап И.И.

Иракий II – 86, 97, 125-126,
132

Иоаннисян А.А. – 5

Иоаннисян А.Р. – 5-18, 20-22,
32, 42, 58, 64, 74, 78, 112, 139,
155-159, 161-174

Иоган-Вильгельм – 118

Иосиф Аргутинский – 97, 127-
129

К

Кабе Э. – 46-47, 51

Кампановы – 116

Кемаль М. – 150

Кениссе – 168

Кине Э. – 140

Колинъон Н. – 165

Кольмар М. – 29

Констан Б. – 46

Купе Ж.-М. – 30

Кучеренко Г.С. – 10

Кюбер М. – 10

Л

Лазаревы – 116

Лазарев И. – 116, 127

Ланж Ф.-Ж. – 45, 164

Лаотьер Р. – 46-47

Лапоннере А. – 47

Лежэ Ж. – 165

Лемкин Р. – 20

Ленин В.И. – 157

Лермонтов М.Ю. – 137

Леру П. – 158

Лобанов-Ростовский А.Б. – 150

Локк Д. – 92-93

Луи-Филипп – 48

Людовик XIV – 117

М

Мабли Г.Б. де – 51

Майер – 46-47, 170

Мамурян М. – 144

Мансур – 133

- Манфред А.З. – 11-12, 14-15, 17, 21, 75-78, 167
Манук – 114
Манучаровы – 116
Марат Ж.-П. – 76
Марешаль С. – 46, 165, 170
Маркс К. – 55, 68-69, 113
Мартикян А. – 112
Мартиросян Р.М. – 21
Мей Ж.-Ж. – 46-48
Мерсье Л.-С. – 23, 25, 157
Мирабо Г.-О.-Р. – 76
Мисакян Ш. – 20
Мишле Ж. – 59, 140, 156
Мицкевич А. – 140
Монтескье Ш. – 79
Моранж Ж. – 168
Морелли – 43
Мхитаристы – 83-84, 120
Мхитарян М.А. – 5
- Н**
Надир – 81, 114
Налбандян М. – 140-141
Наполеон I – 8, 45, 72, 75-78, 135, 166
Некрасов Н.А. – 137
Нелидов А.К. – 150
Нерсисян М.Г. – 12, 18-19
Нечкина М.В. – 11
Нуаре Ш. – 170
- О**
Ованес Асан Джалалян, гандзасарский католикос – 97
Овнан, настоятель – 125-126
Огарев Н.П. – 140
Ори И. – 118-119
Освальд Д. – 29
Оуэн Р. – 46, 69
- П**
Пападжанян М. – 153
Петр I – 118-119, 127, 131
Пийо Ж.-Ж. – 46, 48, 170-171
Пиотровский Б.Б. – 15
Питт У. – 125
Погосян В.А. – 15, 21
Поршнев Б.Ф. – 14-15
Потемкин Г.А. – 86, 98, 127-128
Пушкин А.С. – 137
- Р**
Раффи – 146
Рей Ж. – 10, 46
Рейнекс – 128
Региф де ла Бретон Н.Э. – 6, 51, 158-159, 161-162, 165
Робеспьер М. – 23, 50-53, 76, 166
Розье Г. – 170
Рубинский Ю.И. – 77
Руссо Ж.-Ж. – 22-26, 28, 30, 76
- С**
Саакян Р.Г. – 18
Сабаро Ж. – 23, 153
Сазонов С.Д. – 152-153
Салтанов Б. – 115
Сансье Ж. – 168

Сарафов – 126
Сарафовы – 116
Свачян А. – 131
Сен-Жюст Л.А. – 23, 166
Сен-Симон К.А. – 45, 55, 68
Сиволап И.И. – 22, 32
Симар – 48
Симеон I, католикос – 96
Смирнов В.П. – 14
Собуль А. – 11
Сталин И.В. – 19
Сюратто Ж.-Р. – 11
Суворов А.В. – 127
Т
Табатуа И.М. – 139
Талейран Ш.М. – 75
Тамерлан – 143
Тарле Е.В. – 15, 21, 75-77, 172
Тотлебен Г.-К.-Г. – 126
Трухановский В.Г. – 12
Тьер А. – 142-143

У
Утченко С.Л. – 14

Ф
Фехт-Али, шах – 80
Франсиа Х.Г. – 72
Фурье Ш. – 6, 17, 45-46, 54-73, 156-159, 162

Х
Хвостов В.М. – 18-19, 155

Ц
Цицианов П.Д. – 135

Ч
Чамчян М. – 83, 121
Чернышевский Н.Г. – 137
Черняк Е.Б. – 75
Чилинкирян Г. – 141

Ш
Шаамирян Ш. – 84-86, 96, 99, 122-123, 128-130
Шапюи Ж.-К. – 9
Шаравэ Г. – 47-48

Э
Эмин И. – 7, 84-86, 121-125, 127-128, 162
Энгельс Ф. – 55, 68-70, 112

Ю
Юбер А. – 53
Юнг А. – 157
Юпей Ж.-А.-В. – 9

Alexandre Ier – 8
Amar J.-B.-A. – 32, 37
Antonelle P.A. – 32
Arghoutian J. – 108-109
Babeuf G. – 32-33, 36, 38-39, 41
Baghrmian M. – 105-106, 109
Benomont E.N. – 40
Bourgin H. – 156
Buonarroti Ph. – 32-33, 36-37
Chahamirian Ch. – 105-106, 108-111

Castonnet de Fosses H. – 8
Darthé A. – 32-33
Debon F.A. – 33
Debon R.F. – 32-37
Driault E. – 9
Emine J. – 104-106, 109
Engels F. – 100
Ioannissian A.R. – 9, 42, 139
Fourier Ch. – 61, 64, 156
Gardane C.-M. – 9
Germain Ch. – 32-33
Ghoukas – 109
Golitsine A. – 105
Grisel G. – 38
Grünberg K. – 38
Hanninqué – 36
Héraclius II – 108-110
Hovhannès – 109
Lansac M. – 64
Lepelletier F. – 32-33
Locke J. – 108
Louis XVI – 34
Lunelle – 34
Maréchal S. – 32, 37
Mekhitaristes – 103-104
Montesquieu Ch. – 101
Nadir – 102
Napoléon Ier – 8-9
Pache J.N. – 35
Potemkine G.A. – 109
Quarré de Verneuil – 8
Robespierre M. – 32, 37
Romilly – 40
Santerre A.J. – 34
Sebastiani H.-F.-B. – 9
Siméon – 108
Tchamtchian M. – 103
Ternon Y. – 19-20
Tronc J.B.F. – 40
Vandal A. – 8
Voltaire F.-M.-A. – 101, 104
Vorontsov M. – 105
Vovelle M. – 42

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- А**
Австрия – 117
Адана – 152
Азия – 82, 114
Албания – 132
Александретта – 125
Александропольский уезд – 154
Англия – 79, 84, 87, 94-95, 121, 134, 171
Армения – 81, 83, 86, 89, 91, 93, 97, 116, 118, 121-123, 125, 127-132, 149, 155
Армянская область – 136
Армянская ССР – 13, 18-19, 21, 135, 138, 154, 161
Астрахань – 82, 115, 125
Аштарак – 136
Ахалцихская область – 132
Ахалцихский пашалык – 135
- Б**
Бастилия, крепость – 48
Баязет – 126
Бельвиль – 47-48
Бессарабия – 11
Ближний Восток – 79
Болгария – 153
- В**
Ван – 126
Вандом – 19
Ванский вилайет – 149
Вена – 118
Венецианская республика – 116
Венеция – 83, 118, 120-121
Восток – 8, 79-81, 98, 112, 134
Восточная Армения – 17, 81, 112, 114, 135-138
Восточное Закавказье – 120
Вульвич – 125
- Г**
Георгиевская крепость – 98, 132
Германия – 58, 171
Грузия – 97-98, 125-126, 132-135
Гянджа – 119
- Д**
Дербенд – 119, 132
Дижон – 32
Дон – 82, 115
- Е**
Европа – 80, 82, 114, 120, 126-127, 135-136, 161
Ереван – 5, 7-8, 18, 112, 118, 162, 172
Ереванская крепость – 135-136
Ереванское ханство – 133, 135-136

- З
Закавказский край – 151
Закавказье – 8, 86, 98, 116, 118-119, 125, 131-145, 149, 153
Зангезур – 119-120, 145
Запад – 116, 162
Западная Армения – 113, 126, 132, 148
Западная Грузия – 132
Западная Европа – 6, 13, 82, 120, 139
- И
Имеретия – 132
Индия – 82, 84, 98, 115, 120-121, 130
Иран – 80-82, 112-114, 117-119, 127, 133-135, 137
Исфаган – 133
Италия – 82, 114
- К
Кавказ – 117, 126, 133-134
Кавказский хребет – 134
Калькутта – 82, 115
Карабах – 119
Карабахское ханство – 133-134
Карадагское ханство – 133
Карс – 126
Карская область – 154
Картли-Кахетинское царство – 132-134
Каспийское море – 129, 131
Кемпер – 27
- Киевская Русь – 115
Кизляр – 115
Кишинев – 11
Константинополь – 142, 150
Крым – 131
- Л
Лион – 29, 45, 58-59, 135, 157, 170
Лори – 98
- М
Мадрас – 82, 84-85, 99, 115, 122-123
Москва – 22, 58, 82, 115, 118, 174
Муш – 125
- Н
Нахичеванское ханство – 133-136
Нидерланды – 58
Нор Джульфа – 117
Нор Нахичевань – 82, 115
- О
Оттоманская империя см.
Османская империя
Османская империя – 18, 20, 81, 112-124, 134
Ошакан – 136
- П
Памбак – 135

Париж – 20, 42, 140, 142-145, Советский Союз см. СССР
165, 168-170
София – 153
Петербург – 82, 115, 127, 132, Средний Восток – 79
134
СССР – 18-19, 21-22, 32, 75-76,
Петропавловская крепость – 78
141
Прикаспийские провинции – Т
133
Тбилиси – 5, 143, 146
Польша – 115
Тегеран – 80
Пфальц – 118
Тифлис см. Тбилиси
Трансильвания – 115
Р
Тулуза – 139
Республика Армения – 5, 7, 21
Турецкая Армения – 149, 151
Рим – 87
Турция – 19, 82, 98, 112-114,
126, 133, 135, 137-138, 142, 150-
155
165
Россия – 7-8, 17-19, 21, 76, 82-84,
97-98, 112, 115-120, 122, 125-130, У
132-139, 142, 149-150, 172
Урал – 116
Руан – 170
Ф
С
Франция – 9-10, 22, 32, 43-45,
58-59, 67, 75-77, 82, 114, 117, 134,
Сардарабат – 136
139-141, 143-146, 156, 165, 168-
Святой Дмитрий Ростовский, крепость – 115
169, 171, 173
Святой Карапет, монастырь – Фрязино – 116
125
Северный Азербайджан – 135 Ч
Северный Кавказ – 82, 115, 131, Черное море – 117
133
Северо-кавказский край – 115 Ш
Смирна – 144 Швейцария – 171
Советская Армения см. Швеция – 119
Армянская ССР Шемахи – 119

Ширак – 135

Э

Эреван см. Ереван

Эрзерум – 152

Эчмиадзин – 86, 125, 128, 136

Эчмиадзинский собор – 128

Amérique – 100

Amérique du Nord – 34, 36-37

Angers – 8

Angleterre – 34-35, 104-105

Astrakan – 102

Arménie – 102-103, 105-109

Arménie orientale – 102

Asie – 102

Caen – 34

Calcutta – 102, 104

Caucase – 105, 108-109

Caucase du Nord – 102

Don – 102

Empire ottoman – 102

Empire russe – 109

Etchmiadzine – 108

Eure, département – 40-41

Europe – 100-102

Europe occidentale – 102-103

France – 8, 34-35, 102

Gandzassar – 108

Géorgie – 108-110

Géorgievsk – 109

Grenelle – 38-39

Illinois – 36

Inde – 102-103, 105

Iran – 102

Italie – 102

Londres – 34

Lori – 110

Madras – 102, 105-106, 109-110

Meuse – 38

Mississippi – 36

Missouri – 37

Moyen Orient – 101

Nouvelle Nakhitchévan – 102

Nouvelle Orléans – 36

Ostende – 35

Orient – 100-102, 104, 106, 110-111

Paris – 8-9, 34-36, 38, 40, 42, 61, 139, 156

Perse – 8

Proche Orient – 101

Rhin – 38

Rome antique – 106-107

Russie – 102-103, 105, 108-110

Saint-Domingue – 34

St. Pétersbourg –

Sambre – 38

Seine, département – 40

Turquie – 102

Venise – 103

Vienne – 39

СОДЕРЖАНИЕ

В.А. Погосян – Вместо введения5

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

Учение Ж.-Ж. Руссо и радикальный эгалитаризм эпохи Великой французской революции.....	22
Deux remarques à propos de la « Conspiration pour l'Egalité »	32
Французская революция и социалистическое движение первой половины XIX столетия	42
О статье И.И. Зильберфарба «Социальная философия» Шарля Фурье	54
О трудах А.З. Манфреда, выдвинутых на соискание Государственной премии СССР	75

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ

К истории проникновения идей парламентаризма на Восток	79
De la pénétration en Orient des idées-Lumière du XVIII ^e siècle	100
Исторические предпосылки присоединения Восточной Армении к России	112
Отклики на Парижскую Коммуну в армянской печати....	139
Отзыв о сборнике «Истребление армян турками».....	148

ПРИЛОЖЕНИЕ

В.П. Волгин. Отзыв о работе тов. А.Р. Иоаннисяна «Идейные предшественники Фурье и формиро- вание его учения»	156
В.П. Волгин. В Академию наук Армянской ССР [выдвижение кандидатуры А.Р. Иоаннисяна на вакантное место академика АН Армянской ССР]	161

А.З. Манфред. Отзыв на рукопись А.Р. Иоаннисяна «Коммунистические идеи во время Великой французской революции»	164
В.М. Далин. Отзыв о монографии А.Р. Иоаннисяна «Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840-1841 гг.»	168
Письмо академика Е.В. Тарле А.Р. Иоаннисяну от 18 декабря 1946 г.	172
Письмо академика Н.М. Дружинина А.Р. Иоаннисяну от 17 июня 1966 г.	173
Письмо профессора А.В. Адо А.Р. Иоаннисяну от 16 октября 1966 г.	174
Указатель имен	175
Указатель географических названий	180

TABLE DES MATIÈRES

V.A. Poghosyan – En guise d’une préface.....5

PREMIÈRE PARTIE

La théorie de J.-J. Rousseau et l’égalitarisme radical à l’époque de la Grande Révolution française.....22

Deux remarques à propos de la « Conspiration pour l’Egalité »

32

La Révolution française et le mouvement socialiste de la première moitié du XIXe siècle.....42

Sur l’article de I.I. Zilberfarb « La philosophie sociale » de Charles Fourier....54

Sur les ouvrages de A.Z. Manfred, présentés au prix d’État de l’U.R.S.S...75

DEUXIÈME PARTIE

Sur l’histoire de la pénétration en Orient des idées du parlementarisme.... 79

De la pénétration en Orient des idées-Lumières du XVIIIe siècle

100

Les conditions préalables historiques de l’adhésion de l’Arménie orientale à la Russie.. 112

Échos de la Commune de Paris dans la presse arménienne ...139
Avis sur le recueil « Les massacres des Arméniens par les Turcs »...148

ANNEXE

V.P. Volguine. Avis sur l'ouvrage de Mon[sieur] A.R. Ioannissian « Les prédécesseurs théoriques de Fourier et la formation de sa théorie »...156
V.P. Volguine. À l'Académie des sciences de la République Soviétique Socialiste de l'Arménie [présentation de la candidature de A.R. Ioannissian au poste vacant d'académicien de l'Académie de la République Soviétique Socialiste de l'Arménie].. 161
A.Z. Manfred. Avis sur le livre inédit de A.R. Ioannissian « Les idées communistes pendant la Grande Révolution française »... 164
V.M. Daline. Avis sur la monographie de A.R. Ioannissian « Le mouvement révolutionnaire-communiste en France en 1840-1841 »... 168
Lettre de E.V. Tarlé, de l'Académie soviétique, à A.R. Ioannissian du 18 décembre de 1946. ...172
Lettre de N.M. Droujinine, de l'Académie soviétique, à A.R. Ioannissian du 17 juin 1966 ... 173
Lettre du professeur A.V. Ado à A.R. Ioannissian du 16 octobre 1966 ... 174
Index des noms ...175
Index des lieux géographiques...180

Абгар Рубенович Иоаннисян

Неизданные труды

Abgar Ioannissian

Études inédites

Erevan, 2009

(en russe)

**Корректор А.В. Алексанян
Компьютерная верстка В.Х. Папян
Компьютерный набор В.А. Погосяна**

Изд. заказ № 236.

Сдано в производство 10.02.2009.

11 печ. л. Формат 60x84¹/₁₆.

Тираж 400 экз.

Цена договорная.

Типография НАН РА